

Ярослава КОЛИНА

НЕПРИКАЯННАЯ ДУША

Роман

Иллюстрации Левона ХАЧАТРЯНА

ПРОЛОГ

Она слышала этот голос почти полвека. Сначала изредка, далеко не каждую ночь. Потом все чаще. Если голос настигал ее, то звучал неизменно, неотступно. Ровно в полночь у нее начинало покалывать в висках, а потом слышалось шелестящее: «Иди ко мне, иди, иди...». Она прятала голову под подушку, пила пирамидон, плакала и твердила себе: «Я устала, просто устала, я не сумасшедшая!»

Долгие годы она отказывалась верить себе и... Ему. А Он звал, молил, обещал. Как она сожалела теперь, что не поверила Ему раньше, не воспользовалась тем, что Он сулил. Теперь ей уже ничего не нужно. Ничего. Все, что у нее осталось, — это возможность служить Ему — единственному, кто не оставил ее, не отрекся, не предал, несмотря ни на что. Служить так, как Он того хочет.

Она на цыпочках выскользнула в коридор. Из-под соседней двери пробивалась тонкая полоска света. Она усмехнулась: «Все свечки жжет, старая карга! Ничего у нее не выйдет! Он — сильнее!»

Осторожно придерживая дверь, чтобы не хлопнула, не скрипнула, она спустилась по лестнице к подвалу. Пакет, который она тащила с собой, оттягивал руку.

«Ну ничего, ничего...» — думала она. — Зато Он будет доволен».

Хотя в доме почти никого из соседей не осталось, она по выработавшейся за последний год привычке чутко прислушалась — никто не должен узнать ее тайну!

Огромный замок, висевший на массивных скобах, легко открылся, и она проникла в темный подвал. Она щелкнула выключателем, и пространство вокруг озарилось тусклым электрическим светом. Мертвенным светом.

Ничего не изменилось со времени последнего посещения. Да и что тут могло измениться? Мрак и запустение! Когда-то здесь хранили картошку, соленья, даже велосипеды. Но это было когда-то очень давно, когда люди еще доверяли друг другу и не крали

все подряд. Теперь об этом напоминали только покрытые вековым слоем пыли, кое-где обрушившиеся стеллажи по стенам и старая рассохшаяся кадушка из-под капусты.

Принюхавшись и поморщившись — все-таки запах в подвале был тяжелый, нехороший, так и лез в ноздри, вызывая тошноту, — она высыпала песок из пакета в кучу, высившуюся в углу. За год куча собралась изрядная. Удовлетворенно хмыкнув, она заковыляла к самой дальней стене, там было почище, но ведь у Него и должно быть чисто! А запах... запах скоро развеется. Станет почти не заметен. Это она знала по опыту.

И все-таки сегодня Он доволен не будет...

Она тяжело вздохнула и сняла мешковину, укрывавшую алтарь, стоявший ровно посередине стены. Очень скромный алтарь — она приспособила под него старую тумбочку. Но если Ему алтарь и не нравился, Он не обмолвился на этот счет ни словом. Хотя, скорее всего, как выглядел алтарь, особого значения не имело, куда важнее были жертвы. А жертвы у нее как раз сегодня и не было. Но Он простит ее... Обязательно простит.

Она застелила алтарь нарядным — с розами и люрексом — платком, достала из тумбочки свечи, чиркнула спичкой и бережно поднесла трепетный огонек к фитилю. Как всегда, когда она приходила к Нему, готовая внимать Его речам и исполнять Его волю, по подвалу проносилось легкое дуновение, которое порой задувало огонек. Тогда разговора не получалось.

Она вздохнула. Какая жалость, что она решила прийти сюда только год назад. Да и то по нелепой случайности. Или нет, в силу необходимости, возникшей из-за нелепой случайности! Надо же было спрятать куда-то этого мерзкого кота, убивать которого она, в общем-то, не собиралась. Просто так вышло. Он сам кинулся ей под ноги, из-за него она выронила кастрюлю с кипятком, из-за него и сама ошпарилась! А он еще так мерзко орал... Если бы старая карга-соседка увидела, что сделалось с ее любимцем... Тогда, едва забросав трупик, отнесенный в подвал, песком, она вдруг так явственно услышала Его голос! И неожиданно поняла — ничего в этом страшного нет. Наоборот. Это — счастье! Ее единственное счастье... Счастье, за которое она будет бороться изо всех сил. Если нужно помочь этой дрянной девчонке, ради того, чтобы не потерять Его, она на все готова...

Свечи разгорелись. Она присела на невысокую скамеечку, молитвенно сложила руки и, сосредоточившись, приготовилась слушать.

Синее-синее небо, яркое, но не палящее солнце, влажная зелень деревьев, прозрачная озерная вода и восковые цветы кувшинок, покачивающиеся на плоских мясистых листьях...

«Что еще нужно человеку для счастья?» — лениво подумала Алла и, перевернувшись на живот, стала следить за божьей коровкой, настырно карабкавшейся по травинке.

Только вот Сережу в этом не убедишь, хотя и Алиска ее под-
держивает.

«Ну, куда в этом году рванем, девочки? В Испанию хотите?»

Хоть десять раз повторай — не хотим! Сережа все равно на-
стоит на своем. А как хорошо было бы «рвануть» куда-нибудь в
Подмосковье...

Алла потянулась, открыла глаза и удивилась: неужели она за-
снула и проспала до вечера? Да нет же! Она вовсе не спала! По-
чему же вдруг стемнело? Почему небо стало таким черным, без
единой звездочки? Почему деревья так угрожающе придвинулись,
будто подошли к самому берегу? И... что это? Что?! За деревья-
ми мелькали неясные силуэты.

Страх стиснул сердце ледяными пальцами. По спине побежа-
ли мурашки. Спазм сжал горло — дыхание перехватило. Откуда-то
извне в сознание ворвалась мысль: «Скорее прочь отсюда! Ско-
рее! А то не спастись!»

«Не спастись... Не спастись... Не спастись... — эхом пронеслось
по взбудораженным ветрам ветвям деревьев. — Не спастись...»

Алла вскочила и кинулась бежать.

Твари преследовали ее молча, бесшумно, упорно. И, несмотря
на то, что она бежала изо всех сил, неотвратно настигали.

Черные звери — чернее самой тьмы, неожиданно обрушившей-
ся на Аллу, на озеро, на лес, на берег и словно бы на всю зем-
лю... Черные кошки — кошки без глаз, неутомимые и беспощад-
ные...

Сама Смерть гналась за ней по пятам.

Задышающаяся, оглушенная биением собственной крови в
висках, Алла оглянулась, и в этот момент вырвавшаяся вперед
бестия прыгнула и вцепилась ей в горло.

- А-а-а... — закричала Алла, отбиваясь от кровожадной твари. —
А-а-а!..

В глаза ей ударил яркий свет.

- Алла! Алла! Что с тобой?!

Она заморгала, прищурилась и сквозь мокрые от слез ресницы
увидела встревоженное лицо склонившегося над ней мужа.

- Папа! Что с мамой?! — прозвучал из-за двери встревоженный
голосок дочери.

- Ничего, ничего... Спи, Алиса! — отозвался Сергей.

- Н-ничего... — слабо сказала Алла, медленно приходя в себя. —
Это просто кошмар... Опять кошмар...

1

- Мам, ну зачем ты Ньюску выпустила? — Маша никогда не гру-
била маме, но сейчас раздражение кипело в ней, выплескиваясь
против ее воли.

- Машенька, ну сколько можно слушать ее весенние песни? —
виновато развела руками мама.

- Ага, а сколько можно потом пристраивать котят неведомой
породы?

- Да и не выпускала я ее! Она вчера папе прямо под ноги вы-
скочила и бежать! Я не молоденькая девочка за ней по этажам
скакать.

Упрек был направлен точно в цель: Маша вчера вернулась
домой позже обычного: они с Лиской ходили в кино, а потом про-
гулялись вдвоем. Но исключительно по хорошо освещенным и
людным улицам! Уж больно теплый выдался вечер, да и погово-
рить было просто необходимо. Как же иначе? У лучшей подружки
появился парень! Как это не обсудить?

Свою вину Маша признала еще вчера и, разумеется, раская-
лась, но при чем тут кошка? Она упрямо продолжила:

- А почему мне не сказала? Я бы ее поискала.

- Никуда она из подъезда не денется. Побегает с кошками по
чердаку, проголодается и вернется.

- Мам, но...

- Я вчера так из-за тебя переволновалась, что про нее просто
забыла!

Продолжать разговор не имело смысла: что сделано, то сде-
лано. Да и мать явно больше волновала провинность дочери, чем
пропажа кошки. Того и гляди оседлает любимого конька: о манья-
ках, толпами слоняющихся по улице, о злодеях, подстерегающих
глупеньких девочек в шикарных иномарках, о грабителях, способ-
ных зарезать за рубль! Как будто ей, Маше, пятнадцать лет! Она
поморщилась. Именно в пятнадцать она навсегда запомнила, что
шикарные иномарки и даже «Жигули», в которых сидят brave
парни с бритыми затылками, следует обходить за версту. Если бы
не Лешка Алексеев и не участковый Кондратов, худо бы ей при-
шлось. К сожалению, мама тоже об этом помнила.

Утвердившись в мысли, что утро началось не самым лучшим
образом, Маша тряхнула длинными темно-русыми волосами и
отправилась к себе в комнату одеваться.

Восемнадцатилетняя студентка-второкурсница Мария Князева
к людям суеверным себя не причисляла, однако кое-какие «свои»
приметы у нее имелись. Если, к примеру, утром вместо пасты под
руку попался папин крем для бритья, а мать, заговорившись по
телефону с любимой подругой — тетей Мариной, сварила яйца не
всмятку, а вкрутую, добра не жди. День не задастся, что ни делай.

Ощущение от несанкционированного выпуска на улицу кошки
вполне можно было приравнять к мерзкому, неистребимому вкусу
мыла во рту, появлявшемуся после чистки зубов папиным кре-
мом.

Машу вполне можно было назвать девушкой крепкой и здоро-
вой, соответственно и сон у нее был здоровый и, может быть, да-
же чересчур крепкий, а потому по утрам ее состояние часто опре-

делялось выражением «поднять подняли, а разбудить не разбудили». Отсюда и проистекала склонность время от времени наносить ущерб запасам папиного крема для бритья.

Сиамскую кошку Аннунциату Маша принесла в дом год назад, после того как стало окончательно ясно — полосатый сибиряк Сидор сгинул, отправившись, как обычно, по своим кошачьим делам: то ли заблудился, то ли под машину попал, то ли был задран бродячими собаками, которых по своей исключительной самсуверенности никогда не боялся. Да мало ли опасностей подстерегает на улице мелкую живность? Причем почему-то особенно в их районе, который, по наблюдениям Маши, в последнее время превратился в какой-то Бермудский треугольник для представителей кошачьей породы. То и дело можно было встретить несчастных хозяек, скитавшихся по дворам в поисках потерявшихся любимцев. Маша даже подозревала, что у кого-то завелся пес — лютый ненавистник кошек, хозяин которого потакал его пагубной страсти. Больше всего подозрений у нее вызывали доберман Спартак и ротвейлер Хаски. Однако хозяева их были вполне приличными людьми и питомцев своих держали в строгости. Оставались бродячие собаки, но тут уж ничего не поделаешь...

Именно поэтому Маша не любила, когда кошку, разжалованную из Аннунциаты в Нюську, вследствие поразительной вредности характера, склонности и скандальности, выпускали на улицу. А вовсе не из-за котят, которых первый раз Нюська принесла зимой. Хотя батюшка их остался неизвестен и назвать их сиамскими язык не повернулся бы у самого завязатого лгуна, были они настолько симпатичными, что найти им хозяев не составило труда.

Повздыхав, Маша скинула пижаму, натянула любимые, порядком заношенные джинсы, изумрудно-зеленую свободную майку и отправилась на кухню — завтракать. Что-то ей подсказывало — яйца сегодня будут крутыми.

Предчувствия ее не обманули: мать самозабвенно «чирикала» по телефону с тетей Мариной, а предоставленные сами себе яйца скакали в кипящей воде, как взбесившиеся от поклевки поплавки.

Стол был накрыт на двоих, и без лишних вопросов становилось ясно, что отец подскочил с утра пораньше и уже успел смыться в гараж.

«Что за радость по три раза на дню болтать по телефону? — подумала Маша, убирая со стола подставочки для яиц, в которых явно отпала необходимость. — Живут через два дома, а встречаются раз в месяц, зато от их разговоров телефонные линии дымятся!»

Тетя Марина — крестная Маши — была несколько старше мамы и, казалось, знала ответы на все вопросы на свете. Мало того, тетя Марина вообще была — Нечто, причем именно с большой буквы, более необычного человека Маша в жизни не видела. Но сколько можно занимать телефон?!

— Мам, извини, мне Лиска должна звонить! Мы с ней на выставку собирались...

— Сейчас, сейчас!

«Сейчас» — это значит еще минут пять, как минимум! — хмыкнула Маша. Впрочем, ей уже не хотелось никуда идти: она была уверена, что троллейбусы и автобусы, словно сговорившись, будут уезжать из-под носа, обязательно пойдет дождь, а выставка вообще окажется закрыта по техническим причинам. Да и Нюську надо было отыскать, и еще неизвестно, сколько это займет времени.

Намазывая маслом хлеб, Маша колебалась: съесть яйцо с майонезом или... выкинуть его в окно, пока мама не видит? Колесания отпали сами собой, когда она услышала звонок в дверь, — а вот не будет она его есть! Некогда ей, за ней подружка зашла. Как Маша и ожидала, за дверью стояла Лиска.

— Договорились же в десять созвониться! — укорила она. — Я звоню, звоню, а у тебя все занято.

— Мама... — виновато сказала Маша.

— А-а...

Лиска, или Лис, — Алиса Майорова — была Машиной подружкой с незапамятных времен, то есть, с первого класса. В Лиску Алису «перекрестила» именно Маша, когда приставучий, как репей, Славка Чернов стал изводить подружку воплями «Алиса — мие-лафон!» Кроме того, всегда игравшая в их дружбе первую скрипку Маша заявила, что Алис — полно, а Лиска — одна-разъединственная, и вопрос был решен. То, что в дуэте верховодила Маша, удивляло еще и потому, что она была младше подружки да и всех других одноклассников на целый год — мать-педагог отдала способную и отличавшуюся завидным здоровьем дочку в школу пораньше. Дружбу девочек не поколебало даже то, что, миновав переходный возраст, когда обе они были обычными нескладными подростками, Лиска превратилась в настоящую красавицу, а Маша... Нет, невзрачной ее назвать было нельзя, но и ничего особенного в ней не было — обычная симпатичная девушка, каких много: чуть вздернутый носик, широко расставленные серые глаза, густые прямые темно-русые волосы и скорее крепко сбитая, чем изящная фигурка. Рядом с белокурой, зефирно-воздушной, с ногами от ушей Алисой Маша выглядела простоватой, что ее, впрочем, вовсе не задевало. Да и Алиса не считала, что длинные ноги возносят ее на недостижимую для лучшей подружки высоту, тем более, что и у невысокой Маши ножки были стройненькие. Одним словом, для зависти в их отношениях места не было.

Это пришлось кстати еще и потому, что Лискин папа очень быстро нашел себя в новых экономических условиях и теперь являлся главой успешно работавшей фирмы, а Машин, как истинный патриот, продолжал трудиться на своем агонизирующем предприятии. В итоге Лискин папа ездил на «БМВ», а Машин —

выходные напролет лежал под стареньким «Жигуленком», который давно было пора сдать на металлолом; Лискина мама не работала, а Машина - трепала себе нервы, обучая «лоботрясов» в ПТУ русскому языку и литературе; Лискина семья жила в пятикомнатных хоромашах, в которых был сделан евроремонт, а Машина - теснилась в двухкомнатной скромной квартирке, где по ночам страшно гудели трубы и сосед сверху с завидной регулярностью устраивал потоп на кухне. Нет, в общем-то, семью Князевых ничем назвать было нельзя, концы с концами они сводили, но жили весьма скромно.

Раньше Князевы и Майоровы проживали в одном доме. Когда же благосостояние Лискиной семьи возросло настолько, что они смогли перебраться в очень приличную квартиру, и дочь и мать наотрез отказались переезжать в другой район. Этот вопрос оказалось не так уж и сложно решить, так как фирма Лискиного отца тем и занималась, что расселяла и перестраивала старые дома, превращая их из коммунальных трущоб в престижное жилье для обеспеченных граждан.

Девочки закончили школу и вместе поступили в институт. Причем с детства мечтавшая стать преподавателем, как ее мама, Маша на сей раз вняла голосу здравого смысла и последовала примеру подруги, которая по совету отца пошла учиться менеджменту.

К парочке неразлучных подружек время от времени пытались примазаться другие одноклассницы, но ничего не получилось - дуэт так и не превратился ни в трио ни в квартет. Это вовсе не значило, что парочка отличниц свысока смотрела на одноклассниц. Нет, они ко всем относились с ровным дружелюбием, с удовольствием принимали участие в школьных мероприятиях, помогали без долгих уговоров тем, кому нужно было помочь, и все-таки вдвоем им было интересней. Самой настойчивой из девочек, стремившихся влиться в замечательный дуэт, была, пожалуй, Лариса Смирнова, тоже жившая по соседству. Яркая брюнетка, с легким налетом вульгарности, она была свято уверена, что Маша никак не может претендовать на роль лучшей подруги красавицы Лиски, да еще и верховодить в этой дружбе. Однако все ее попытки отвоевать себе место рядом с «солнышком»-Лиской разбивались, как о глухую стенку, - Алиса ее стараний просто не замечала, а Маша почти не скрывала неприязни.

И вдруг сложилась совершенно идиотская ситуация: хотела того Лиска или не хотела, Лара стала частым гостем в ее доме...

2

- Лис, а что ты не подождала? Я... Ну в общем, не хочу я уже никуда идти. - Маша виновато улыбнулась. - То есть на выставку не хочу.

- Ну и не пойдем, - сразу согласилась Алиса. - Хочешь, в парке погуляем, хочешь, диски послушаем, а хочешь, можем еще разок в кино сходить. Что, опять не с той ноги встала? - Она прекрасно знала о причуде подружки и относилась к этому с шутливым пониманием.

- Угу, не с той. Только я и в кино не хочу. За кино я уже вчера получила. Мама мне такой выговор за опоздание закатила...

- Понятно. Ну тогда просто погуляем.

- Понимаешь, Нюся вчера удрала. И я боюсь, что куда-то на улицу. Если бы она в подъезде сидела, отец бы ее наверняка отловил, когда в гараж шел, и домой бы занес.

- Найдём! Не в первый раз. А к нам опять Лариска заявлялась, вот я из дому и сбежала. Ну просто сил нет ее выносить больше. И что отец ее слушает? Можно подумать, она и правда сумеет уговорить Аграфену...

Маша пожалала плечами:

- Лариска все-таки ее внучка, то есть, правнучка...

- Лариска-то правнучка, да Аграфена упрямее носорога! И ведь что интересно, как ты думаешь, почему она переезжать не хочет?

- Почему? - Машу мало волновали проблемы Ларискиной прабабушки, но коль скоро в эти проблемы оказался замешан Лискин отец, она не могла не проявить интереса, хотя бы из вежливости.

- С Капитолиной расставаться не хочет! - выпалила Алиса.

- Ты серьезно? - поразилась Маша. - Они же друг другу не выносят... Только и знают, что пакостить друг другу, а потом всем подряд во дворе жалуются. То есть Антиповна пакостит, а Капитолина жалуются.

- Вот в том-то и дело. Если она Капитолины лишится, у нее смысл жизни пропадет.

- Но, Лис, Капитолина-то ведь тоже уезжать не хочет?

- А она просто в маразм впала. Говорит, что ее только родные стены от Аграфениных кошек и спасают. А если она переедет, они ее сразу заедят.

Маша фыркнула:

- Да уж! Самый настоящий маразм. Особенно, если учесть, что Аграфена сроду кошек не держала. Неужели обзавелась?

- Нет, конечно!

- Тогда какие кошки?

- Понятия не имею. Может, они Капитолине снятся...

Девушки переглянулись и прыснули. Маша покачала головой.

- И что твой отец не плюнет на этот дом?

- Да-а... - Лиска страдальчески сморщилась. - Он говорит, столько сил вложено, ведь всех уже практически расселили, а две старые карги уперлись!

- Разве только они?

- Там еще две семьи, но они в принципе согласны, надо только подходящие варианты найти. Ну что? Пойдем Нюсю искать?

- Пойдем. Я думаю, она на чердак залезла. Ох, опять Анна Семеновна ворчать будет... Хотя, может, и не застучает?

Маша окинула критическим взглядом щегольской плащик подруги и сдернула с вешалки свою видавшую виды «джинсовку».

- На-ка, переоденься, а то извозишься вся.

Алиса беспрекословно подчинилась.

Сама Маша ограничилась тем, что натянула поверх майки толстый свитер ручной вязки — подарок тети Марины.

Девушки вышли в подъезд. Они уже поднялись на седьмой этаж, когда их настиг сердитый окрик Машиной матери:

- Маша! Куда ты, без завтрака?!

- Mam, я попозже! Сейчас Нюсю выловим, и вернемся!

3

Лариса Смирнова шагала к дому прабабки, яростно отмахивая правой рукой и прижимая левую к боку — на манер офицеров царской армии. Эта привычка появилась у нее давным-давно, когда она свалилась с качелей и сломала левую руку. Как же было обидно, что не правую — в школу-то все равно пришлось ходить, да еще в гипсовой повязке, как уроду какому-нибудь.

- Ну, бабка, ну, зараза! Ворожея хренова! Чума безмозглая! — бормотала себе под нос Лариса, задыхаясь одновременно и от злости и от быстрой ходьбы.

- Стерва старая! Врунья чертова! Сказала же ей, если сведешь меня с ним, будешь доживать век в своей халупе! А она... Сколько времени прошло, а он на меня как на стенку смотрит! Как на девчонку глупую!

Девушку просто распирало от злости. И какого черта она связалась со старой калошей? Какого дьявола ей поверила? Все бабка врет! Никакая она не колдунья...

Но ведь в первый же раз получилось? Гаврилов, который тоже и видеть-то ее, Лару, сначала не хотел, изменился... Проходу ей не давал... А-а! Пустышка этот Гаврилов! Фуфлыжник!

«Ах, Лариса, вы удивительно одаренная девушка! Ваш дар просто необходимо развивать!» - вспомнила она его слова и скривила рот от необоримого отвращения.

А у самого бабок - ноль! Экстрасенс называется!

За ее счет, что ли, решил выехать? Обучить — и эксплуатировать? Хотя учиться у него было даже забавно. Особенно в начале. У нее ведь действительно что-то получалось. Правда, что именно, она плохо понимала. Помнила только испуг в его глазах после очередного опыта, когда он увидел у себя в руках дымящуюся сигарету! Он! Абсолютно не выносивший запаха табачного дыма. Она еще тогда решила, что он просто притворяется... И что она нашла в этом уроде, только и знающем, что пускать пыль в глаза? С чего решила, что экстрасенсы все богатые? Могла бы уж по виду его ободранной квартиры, в которой вечно витал запах

давно не стиранных носков, понять, что он — нищий! Верила, что все это — ради конспирации, чтобы налоговая инспекция не прицепилась... Только зря время потеряла!

Так нет же, не зря!

Она даже остановилась, огорошенная внезапно пришедшей ей в голову мыслью.

«А если попробовать самой? Самой? Но если Гаврилов притворялся, придурился, врал?... И все-таки... Попытка, как говорится, не пытка!»

Лариса едва не повернула назад, к дому Майоровых, из которого только что ушла, но передумала.

То, чему учил ее доморощенный экстрасенс и гипнотизер Альберт Гаврилов, вовсе не походило для осуществления намеченной ею цели. Зато вполне подходило для другого!

Для того, чтобы решить проблему, с которой никак не могла справиться бабка. А там, глядишь... Если будет устранено главное препятствие — жена, может, и удастся бабкина ворожба? Ведь приворожила же она к Ларисе Гаврилова?!

Девушка притопнула ногой от нетерпения и почти бегом поспешила к дому прабабки.

Ее не могло остановить даже воспоминание о том холодном и липком ужасе, который охватил ее, когда она ожидала отправившуюся колдовать бабку в тот первый раз...

4

Аграфены Антиповны дома не оказалось.

Ключ от входной двери у Ларисы был, а вот от комнаты прабабка ей ключа не давала. И Лариса догадывалась, почему. Хитрая и предусмотрительная старуха боялась, что, устав ждать, Лара разозлится и самовольно перевезет ее вещи в квартиру, которую предлагал Аграфене настырный бизнесмен Майоров.

На кухне колготилась соседка — Капитолина Григорьевна.

- Привет, бабулька! — не в пример обыкновению доброжелательно поздоровалась Лариса, повесив блестящий черный плащ на вешалку.

Капитолина Григорьевна втянула голову в плечи — как-никак перед ней была правнучка ее злейшей врагини, девица, которая прежде порой не удостаивала ее и словом, — но из вежливости поздоровалась:

- Здравствуй, Лариса.

- Моей-то нет? — полувопросительно, полутвердительно проронила девушка.

Старуха пожала плечами.

- Не знаю... Наверное.

«Как же, не знаешь! — подумала Лара. — Высунула бы ты нос на кухню, если бы бабка дома была! Так и сидела бы, не жравши!»

Она прошла на кухню и, усевшись на Аграфенину табуретку, заискивающе улыбнулась старухе, помешивавшей в маленькой кастрюльке какое-то варево:

- У вас чайник вроде горячий? Не плеснете чайку? У моей-то все в комнате заперто, а мне жуть как пить хочется.

Капитолина Григорьевна замерла над своей кастрюлькой, медленно повернула голову и вытаращила на Ларису подслеповатые глаза. Это было что-то невероятное! Немыслимое! Невозможное!

Хотя...

«Девочка-то, наверное, не злая! — решила бабка Капа. — Это она из-за Аграфены на меня фыркала... Конечно, Аграфена бы рассвирепела, если бы она со мной заговорила при ней, отказалась бы жилье завещать, а девочке жизнь личную строить... А девочка хорошая! И улыбка у нее добрая... и разговорчивая какая! Все говорит, говорит что-то... да быстро как говорит... Я и не пойму... Что говорит-то?»

—...А посмотрите, какой у меня кулончик красивый! — Лариса встала прямо перед Капитолиной Григорьевной, которая уже держала в руках чашку, собираясь налить ей чаю. — Вам нравится? Ой, вам наверно плохо видно?

Девушка сняла с шеи кулон, подняла его до уровня глаз бабки Капы и начала медленно раскачивать.

Старуха как завороченная уставилась на блестящее украшение, руки ее медленно опустились, пальцы разжались. Чашка выпала и, не разбившись, покатила по полу, но Капитолина Григорьевна этого не заметила. Глаза ее, неотрывно следившие за сияющей точкой, превратившейся в светящуюся дугу, словно бы затянула мутная пелена. Голос Ларисы, монотонно, но властно твердивший какие-то слова, не доходившие до ее сознания, тем не менее проникал в мозг, угнетая и парализуя его.

Бабка Капа ахнула и начала заваливаться на бок, судорожно цепляясь за стол. Вскочившая с табуретки Лариса успела ее подхватить и, участливо поддерживая, повела в ее комнату. Старуха — божий одуванчик, не доставала головой до плеча высокой, полнотелой Лары, а уж весила-то и вовсе, как пушинка. При желании девушка могла бы ее и донести.

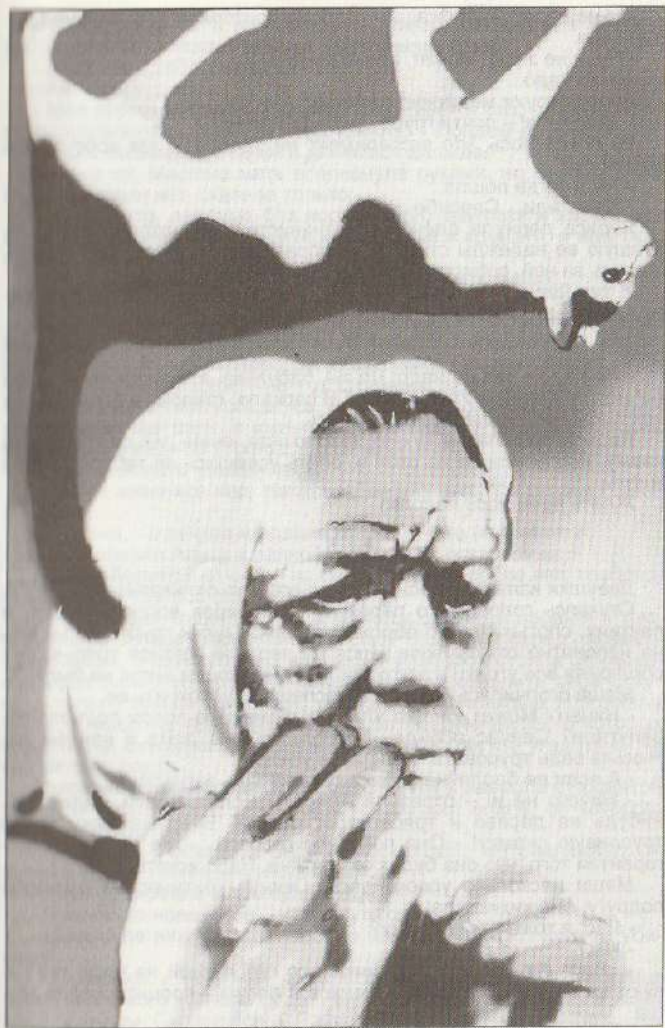
- Что это с вами, бабулька? — спросила Лариса, усадив Капитолину на кровать. — Плохо, да? Сердце? Капель накапать?

- П-плохо... — пролепетала Капитолина Григорьевна.

- Капли-то где?

- Н-не надо!

- Почему не надо-то? — почти искренне изумилась Лариса. На губах ее блуждала змеиная улыбка, но бабка этого не видела, она вообще почти ничего не видела. Перед глазами старухи плавали какие-то радужные круги, все предметы вдруг утратили реальные размеры и форму, потолок, казалось, опустился так, что мог с минуты на минуту раздавить, стены раздвинулись, пол качался...

- Н-не надо... — дрожащим голосом повторила Капитолина Григорьевна.

- Ну, я не знаю! Может, врача вызвать?

- Н-не надо...

Лицо старухи медленно оживало.

- Заладила! — почти грубо бросила Лариса.

Ей показалось, что эксперимент не удался. А как хорошо все началось!

- Ну я тогда пошла...

- Иди... иди... Спасибо...

Лариса дернула плечом, с ненавистью посмотрела на обманувшую ее надежды старуху и направилась к двери. Бабка потащила за ней, собираясь запереться на задвижку.

И тут Ларису осенило! Как она могла забыть? Злорадная, самодовольная улыбка вновь появилась на ее губах.

Она шагнула за порог и, уже прикрывая дверь, небрежно бросила:

- Не надо — так не надо! Да ты, бабулька, в зеркало-то на себя посмотри! Краше в гроб кладут! В зеркало, говорю, в зеркало! — с нажимом повторила она и скрылась.

Лариса прошла на кухню, выключила кипевший суп, подняла чашку, поставила ее на стол и, опять усевшись на табурет, стала ждать.

Ждать пришлось недолго.

5

Девушки излазили весь чердак, негромко окликая Нюську.

Стукаясь головами о перекрытия, собирая волосами пыль и паутину, спотыкаясь об обломки кирпича, куски труб и натыкаясь на непонятно откуда взявшееся на чердаке грязное тряпье, они обшарили все уголки и закоулки. Блудной кошки нигде не было.

Маша огорчилась, но Алиса поспешила успокоить ее.

- Ничего! Может, она на улицу выбежала, а потом подъезд перепутала? Сейчас обойдем все ближайшие дома и найдем ее. Нюська ведь трусовата. Далеко не убежит.

- А если ее бродячие собаки куда-нибудь загнали и...

- Ничего не и! — отрезала Алиса. — Если загнали, сидит где-нибудь на дереве и трясется от страха. Впервые вижу такую трусливую сямку! — Она покачала головой. — Но ее трусость — гарантия того, что она будет осторожна. Надо искать.

Маша несколько успокоилась. Окинув критическим взглядом подругу, она хихикнула:

- Лис, я тоже так выгляжу?

- Как?

- «Весь в пылинках, паутинках, со скорлупкой на носу, так рисуют на картинках только чертиков в лесу!» — процитировала Маша.

- Именно так ты и выглядишь! — усмехнулась Алиса и вдруг растерянно захлопала глазами: - Что значит тоже?

- А то, что я тебя описала!

- Аи! Твоя куртка...

- Моя куртка многое пережила, переживет и это, — окончательно развеселилась Маша и предложила: - Пойдем-ка ко мне, почистимся, возьмем фонарик и двинемся дальше.

Увидев их, Машина мать всплеснула руками, но, заметив, что Нюски с ними нет, сказала только:

- Ну вот что, девочки, без нормального завтрака я вас никуда не отпущу. Если хотите, идите к Машуньке в комнату, я вам туда принесу чай и бутерброды.

- Ма, а можно кофейку? — умильно попросила Маша.

- Так уж и быть!

Машина мать пребывала в полной уверенности, что лет до двадцати «детям» пить кофе исключительно вредно — ни к чему подстегивать юные неокрепшие организмы. Поэтому Маша получила нормальный кофе — не тот странный напиток неопределенного цвета и непонятного вкуса, который периодически включался в школьные завтраки, а именно нормальный, густой, ароматный, сваренный в медной турочке, — крайне редко.

Алиса виновато улыбнулась:

- Вы уж извините нас, Наталья Дмитриевна. Мы столько грязи нанесли...

- Пустяки, — махнула женщина рукой. — Чего не бывает?

Маша повела Алису к ванной, но мать их остановила:

- Куда? Берите щетки и — на балкон. А то я после вас, трубочки, полдня там все отмывать буду.

Более-менее приведя себя в порядок, девушки прошли в комнату Маши. Алиса плюхнулась на стул, стоявший перед письменным столом, и потянулась к полочке, на которой стояла скромная подборка лазерных дисков — Маша могла позволить себе покупать только самые любимые, правда, ее коллекцию пополняла Лиска, к каждому празднику дарившая подруге диски, о которых та мечтала. Вкусы их совпадали и в музыке, так что угадать ей не составляло труда.

Алиса не успела сделать выбор. Она так и замерла с поднятой рукой. В распахнутое окно ворвался жуткий вопль, от которого Маша вздрогнула.

- Спасите!.. Убивают!.. Ведьма проклятая!.. Натравливает!.. — несясь с улицы хриплый женский крик.

Алиса вскочила и выглянула в окно.

- Это что-то новенькое! — усмехнулась Маша.

- Ничего не вижу. Маш, надо же что-то сделать?! Кого-то убивают!

- Успокойся и подумай: воскресенье, утро, народу на улице полно. Кто и кого убивать будет? Ну? Сообразила? И голос какой? Как у пьяницы. Скорее всего, Райка с Тайкой дурью мучаются.

- Горло мне... горло порвали... — продолжала орать неизвестная.
- Ну вот, еще и горло порвали, - с иронией проговорил Маша. — Чушь!

6

Аграфена Антиповна и Капитолина Григорьевна были притчей во языцех тихого московского двора.

Обе они поселились в коммунальной квартире на втором этаже старого, еще дореволюционной постройки, дома сразу после войны — обе еще далеко не старые, немного за тридцать, обе весьма интересные женщины, каждая в своем роде, обе вдовы.

Из-за чего они рассорились, никто не знал, просто не помнил, однако поговаривали, что то ли Капитолина Григорьевна, увела у Аграфены Антиповны завидного жениха, то ли Аграфена Антиповна у Капитолины Григорьевны, только жених скрылся в неизвестном направлении. В итоге обе женщины так и растили своих сыновей, уже имевшихся в наличии к моменту несостоявшейся женитьбы — Мишку и Гришку, — в одиночку. Потом сын Капитолины Григорьевны женился и уехал куда-то на север, где и умер, так и не подарив Капитолине внука. А сын Аграфены Антиповны женился на москвичке, жившей по соседству, и обеспечил старуху внуками по полной программе. Впрочем, внуки вздорную старуху, упрямо цеплявшуюся за свою коммуналку, не жаловали. Бегала к ней только правнучка — Лариска — и то с недавнего времени, вызывая удивление дворовых кумушек: и что общего у девчонки со старухой? Потом сплетницы сошлись на том, что Лариска метит на прабабкину комнату и успокоились. Что ж? Дело житейское.

Вражда двух старух пережила все: умирали и рождались люди, сносились и возводились рядом дома, росли, все более затеняя старушечьи окна, яблони, а в отношениях соседок ничего не менялось. Разве что по мере того, как бабки выживали из ума, вражда их приобретала все более причудливые формы.

Так, например, Капитолина Григорьевна, выходя во двор погреться на солнышке, не шутя рассказывала товаркам по старушечьим посиделкам на скамейке о том, что Антиповна «ведьмачит», чтобы ее, Капитолину, известить. А Аграфена Антиповна, в свою очередь, с усмешечкой сообщала тем же товаркам о том, что «ученая» Капитолина «совсем с глузду съехала» — стенки каракулями разрисовала и твердит, что от каких-то оборотней или призраков спасается. Причем вид у этой еще крепкой восьмидесятипятилетней старухи был таким злобным, что некоторые бабульки незаметно, в карманах, складывали пальцы в традиционные «фиги» от сглаза и порчи или украдкой крестились после ее ухода.

Возможно, корни вражды таились вовсе не в том, что кто-то когда-то кого-то у кого-то «увел», а в том, что уж слишком разны-

ми были старухи-соседки, как будто их нарочно выбирали по принципу противоположности. Худоцавая темноволосая «интеллигентка» Капитолина никак не могла не раздражать полную, немного блеклую, деревенскую «квашню» Аграфену, которую более всего злило то, что соседка ее просто не замечает — на скандал не идет, претензий не предъявляет, словом, бессовестно игнорирует. Пока сыновья, вовсе не разделявшие их вражды, жили с ними, все еще как-то сглаживалось, но когда старухи остались в одиночестве, война из холодной перешла в самую что ни на есть горячую. Остальные соседи старались не вмешиваться, хотя и им, разумеется, придурь старух счастья не добавляла. Потом и соседи разъехались, и остались две старухи одни в огромной неудобной коммуналке. В последнее время вражда достигла апогея — даже терпеливая Капитолина Григорьевна, прежде себе ничего подобного не позволявшая, стала срывать на крик, а уж идиотскими жалобами своими она изводила всех, у кого хватало терпения ее слушать. Причем жалобы эти заставляли всерьез сомневаться в здравости Капитолининого рассудка.

Поговаривали, что бабу Капу пора сдать на лечение, но заниматься этим было некому, да и, в конце концов, на людей она не кидалась. В результате все кончалось пустыми разговорами да спорами: удушит Аграфена кроткую Капу или Капа не выдержит, озверев и оглоушит чем-нибудь скандальную Аграфену.

Примерно год назад у Капитолины неожиданно пропал кот. Кот был старый, как сама бабу Капа, так что уподобить его в легкомысленных весенних настроениях было сложно. Капитолина обвинила в похищении на кота злобную соседку, но кот ни живой, ни мертвый так и не нашелся, а нести жалобу в милицию она не решилась, опасаясь, что поднимут на смех. Аграфена все обвинения отметала с гневом и возмущением, утверждая, что Капитолина заморила кота голодом, вот он и сбежал! Столь подлая клевета больно ранила чувствительное сердце бабу Капы. После того как у нее пропал и второй кот, маленький котенок, которого ей предложили сердобольные продавщицы из магазина, где столбовалась прилюдная кошка, Капитолина зареклась брать в дом животных. Вообще жители окрестных домов заметили, что в последнее время слишком часто стали пропадать коты и кошки. На столбе возле автобусной остановки постоянно висели объявления: «Пропаг ржжий пушистый котенок...», «Пропаг ласковая кошечка...», «Пропаг сибирский кот...», «Прошу вернуть за вознаграждение».

Дворовые кумушки, которым, как известно, до всего есть дело, единодушно постановили — животных ворует хулиган Юрка Черпаков и продает на шапки!

Неблагополучная семья пьяниц Черпаковых была для всех как бельмо на глазу. Однако соседи по подъезду относились к ним довольно лояльно — Черпаковы не дебоширили, не шумели, от них было одно неудобство: они могли ненароком заснуть под чу-

жой дверью, перекрывая хозяевам доступ в собственную квартиру, а то и просто улечься на лестнице. Тихое поведение выгодно отличало Черпаковых от другой головной боли участкового Кондратова — неразлучных подружек Раи и Таи, изводивших всех шумными сборищами, скандалами с гостями и соседями и ссорами между собой, в которые они неизменно старались втравить участкового, жалуясь друг на друга. Вероятно, со временем им предстояло стать достойной сменой Аграфены и Капитолины и занять не последнее место в анналах микрорайона.

Старший сын Черпаковых жил в интернате, из которого периодически сбегал. Двое младших, дошколят, целыми днями болтались по улице. Мамаша Черпакова не слишком беспокоилась об отпрысках, а папаша, скорее всего, и вовсе о них не думал. Кондратов не раз грозился заняться непутевыми родителями всерьез. Они пугались, устраивались на работу, но хватало их ненадолго. Тринадцатилетний Юрка постоянно искал какой-нибудь приработок — то машины мыл, то газеты разносил. Был он ершист и задирист, за словом в карман не лез. Его во дворе не любили и не без оснований считали кандидатом на посадку в колонию.

Бабка Капа попыталась было выяснить у малолетнего хулигана, не умыкал ли он ее котов, однако мальчишка только выразительно покрутил пальцем у виска, сплюнул в пыль и неожиданно хриплым голосом заявил:

- Точно ты, бабка, с дуба упала! На кой хрен мне твои коты?

И тем не менее подозрения с него не снимались. Валентина Петрова, продавщица из булочной, видела его однажды с каким-то подозрительно шевелившимся мешком в руках.

Но, во-первых, дело было вечером, во-вторых, она была близорука, в-третьих, отличалась буйной фантазией, а в-четвертых, связываться с Юркой — выяснять, что же такое он несет в мешке, — не стала. Кто его знает, Юрку-то, еще разозлится, окна побьет? Так что полной веры ей не было.

7

Воскресный день, начавшийся так неудачно, перевалил за полдень и так же неудачно продолжился.

Маша и Алиса обошли все соседние дома, надеясь словить кошку в чужом подъезде, излазили все открытые подвалы и чердаки, но Нюски так и не обнаружили. На сей раз они вооружились фонариками и соблюдали осторожность, так что их одежда в процессе длительной экскурсии по грязным чердакам и повалам почти не пострадала. Тщательно отряхнув друг друга, расстроенные подружки пошли, не выбирая направления, не имея цели, при этом тщетно ломая головы, что бы еще предпринять. И ноги сами привели их в Машин двор.

Заметив гревшуюся на солнышке троицу старух, Маша воскликнула:

- Как же я об этом не подумала!

- О чем? — захлопала длинными ресницами Алиса.

- Переходим к опросу свидетелей! — заявила Маша и потащила Алису к старухам. Хотя девушки выросли, можно сказать, на их глазах и ни свистушками, ни вертихвостками не считались, неодобрительных взглядов они все-таки удостоились. Молодость редко заслуживает похвалы в глазах старости. А эти еще и отвлекать от серьезных разговоров вздумали!

Надо же обсудить безобразный скандал, на сей раз устроенный чокнутой Капой. Ведь она превзошла даже известную скандалистку Аграфену: расцарапала себе шею и физиономию до крови, разоралась с балкона, уговорила Маринку Попову подняться к ней — мол, Аграфена на нее привидения ее собственных котов натравила.

Ей к врачу надо, а она выйти боится!

- Маринка, как последняя дура, пошла... — увлеченно рассказывала Анна Семеновна, пенсионерка, жившая с Машей в одном подъезде. Та самая Анна Семеновна, сурового осуждения которой Маша так боялась, собираясь лезть на чердак. — Мы с Тонькой глядь, а Аграфена — вон она! Идет себе из магазина, не спеша идет, ногой за ногу цепляет. А дома ее Лариска ждала, вот уж она Маринку-то на смех подняла! Чего, говорит, чокнутую старуху спускать? Лариска-то все видела — стояла-стояла Капа на кухне, суп себе варила, вдруг ни с того ни с сего ка-ак в глотку себе вцепится да ка-ак завизжит...

- Здравствуй! — вежливо, в один голос поздоровались Маша и Алиса.

- Ну, здравствуйте...

Маша решила поддержать разговор:

- А что, Капитолину Григорьевну действительно кошки расцарапали?

- Какие кошки! — махнула рукой Анна Семеновна. — Сама она поцарапалась. Или мы следов от кошачьих когтей не отличим? Сама себе всю шею разодрала, идиотка.

- Точно с катушек слетела, — фыркнула Галина Андреевна. Она совсем недавно вышла на пенсию и присоединилась к старушечьему клубу. — Говорит, Мурзик и Барсик до львиных размеров выросли. Я, говорит, своими глазами видела! И лапы у них, разве ж я их не холила, не лелеяла? А что пропали — так не моя вина!

Галина Андреевна очень смешно скопировала плаксивые интонации бабки Капитолины и заключила:

- А у самой на пальцах кровь.

- Аграфена, конечно, злыдня! — подала голос самая древняя из старух, которую все называли просто Ивановна. — Но врать-то зачем?

- Довела она Капитолину, — вздохнула Анна Семеновна.

- Да уж... — поддержала ее Ивановна.
 - Да-а... Ужасно... — протянула Маша сочувственно и, покосившись на Алису, лицо которой выражало полную уверенность в том, что они напрасно теряют время, выслушивая старушечью болтовню, спросила:
 - А вы Нюсю случайно не видели? Она тут не пробегала? Мы вот ходим, ищем ее...
 Старухи оживились.
 - Зря твоя мать мне не поверила! — с плохо скрытым торжеством заявила Анна Семеновна. — Говорила я ей — не выпускай кошку.
 - Почему? — вмешалась до сих пор молчавшая Алиса.
 - А потому! Этот обормот их ловит и на шапки сдает! — выпалила Анна Семеновна.
 - Живодер! Ирод! — подхватила Ивановна.
 - Ну... Нельзя же так сразу обвинять! — попыталась возразить Галина Андреевна. — Он же все-таки несчастный ребенок...
 - Ага, несчастный! — буркнула Ивановна. — Ворюга!
 - Вы это про кого? — Машу напугало высказанное Анной Семеновной предположение. Нюсю на шапки?! Нет, этого не должно, просто не может быть!
 - Известно про кого! Про Юрку Черпакова. — проворчала слегка пристыженная Галиной Андреевной Анна Семеновна.
 - Спасибо, — вежливо поблагодарили девушки и отошли. Теперь перед ними встала задача отыскать Юрку Черпакова. Если старухи не сочиняли и он действительно открыл сезон охоты на кошек, имело смысл хотя бы попытаться выкупить у него Нюсю, если нет...
 Маша решительно направилась к стайке ребятишек, увлеченно гонявших мяч. Алиса безропотно последовала за ней.

8

Разгневанная Аграфена Антиповна ворвалась в квартиру, как ураган. Увидев хохотавшую Ларису, она пришла в еще большую ярость.
 - Ты что сделала? Ты, зассыха, ты что вытворяешь? Ты зачем ей в глотку вцепилась?!
 Лариса продолжала заливаться смехом, сгибаясь пополам, хлопая себя руками по бедрам, всхлипывая и повизгивая от восторга.
 Бабка Аграфена, колыхаясь всем своим большим, дебелим телом, надвинулась на правнучку и замахнулась, намериваясь отвесить ей пощечину. Девушка легко перехватила ее руку и зло зыркнула сверху вниз, мгновенно перестав смеяться.
 - Ну ты полегче, бабуля! Руками-то не маши. А то я не посмотрю на твою старость-ветхость и на здоровье слабое. Так врежу, мало не покажется.

Насчет здоровья Лариса явно издевалась. Здоровье у Аграфены Антиповны было отменным, ей и иная шестидесятилетняя могла бы позавидовать.

- А ты, а ты... Как будто не понимаешь? — закричала она, вырывая руку из жестких пальцев правнучки. — Если она уедет или одохнет, мне одной здесь не удержаться! Зря я ее, что ли, пугала, что если вздумает съехать, то ей не жить?! Только она мне поверила, как ты не в свое дело полезла...
 - Уймись, бабука! Не трогала я ее. Пальцем не трогала.
 - А что же она как ошпаренная выскочила? И почему у нее такие царапины на горле?
 - Это она сама. Со страху.
 - Если она со страху уедет... — Аграфена Антиповна запнулась.
 - Что ты ей сказала?!
 - Ничего.
 - А как же?..
 - Не одна ты у нас колдунья... Выходит, и я не промах! — насмешливо проговорила Лариса.
 Мысли заметались в голове бабки Аграфены, как стая вспугнутых ворон:
 «Как же так? Он открылся ей? Он ведь только хотел, чтобы я помогла ей добиться своего! Потому что тогда она поможет нам остаться вместе. Неужели Он открылся?..
 - Физиономия у тебя, бабука, как будто ты уксусахватила! — ухмыльнулась Лариса. — Конкуренции испугалась?
 - Что ты сделала? — взяв себя в руки, строго спросила Антиповна, но голос ее предательски дрогнул.
 - Не твоего ума дело! — Глаза Ларисы сузились и она злобно сказала: — Я не знаю, что она увидела, но почти уверена — то самое, чем ты ее пугала.
 - Ладно! — Старуха поняла, что толку все равно не добьется, и сменила тему: — Принесла?..
 - Нет, конечно! Сама не видишь, что ли?
 - А когда же?..
 - Ты говорила, что тебе жена мешает? Так какого черта я раньше времени суесться буду? Вот уберу ее с дороги, тогда получишь...
 - Как?
 - Что как?
 - Как уберешь? — Старуха сглотнула, и по морщинистой щеке скользнул острый кадык.
 - А вот это уже не твоего ума дело! Ты же меня со своими чертами знакомить не хочешь? И от ворожбы твоей замечательной никакого проку.
 - Будет прок, дай только срок. Ты сама-то уж не натвори чего, а то в тюрьму сядешь...
 Лариса звонко рассмеялась.
 - За что в тюрьму? За ворожбу?

Антиповна сделала протестующий жест, но девушка уже под-
нялась.

- И чего ты, бабка, за эту пещеру держишься? Боишься, что твои черти за тобой не поедут? – посмеивалась она, натягивая плащ. – А ты их в лапоть и за собой на веревке! Небось в деревне-то твоей старорежимной так и делали? Нет, черти не дураки с тобой расставаться! Где они еще такую бабу-Ягу найдут? Один нос чего стоит!

- Уймись, тараторка! – отмахнулась бабка. – Чего приходила-то?

- А потренироваться! – загадочно ответила Лариса, подмигнула и скрылась за дверью.

Аграфена Антиповна заковыляла к себе в комнату и вдруг замерла, как громом пораженная. Случилось то, чего не случилось до сих пор никогда! Он обратился к ней днем. В ее голове ясно прозвучал его голос: «Хорошо...»

Значит, Лариска, что бы она там ни надумала, делает все правильно?

«Правильно...» – пришло, как отклик на ее мысли.

Он говорил, что Майоровская жена слишком любит мужа, что-бы Он мог приворожить его к Лариске... что она мешает... и она, Аграфена, Лариске об этом сказала... И даже попыталась помочь своими средствами, как ее еще в деревне собственная бабка учила... Вроде как соперница Ларискина должна начать чахнуть, дурнеть. Разве ж тогда ее муженек перед молоденькой-то устоит? Вот все и сладится.

Но Лариска ждать не хочет... Что же она задумала?

«Извести-и... Хорошо...»

Аграфена Антиповна содрогнулась всем телом. Извести? Это что же? Убить?!!

Но спорить с Ним? Нет! Она и так уже перед Ним виновата, и вина ее неискупима...

«Хорошо...»

9

На бензоколонке Юрки не оказалось. По понятным причинам Маше не хотелось искать его у него дома, но видимо, этого было не избежать.

Отыскивая возможного похитителя Нюски, девушки оказались неподалеку от Лискиного дома.

- Давай зайдём, перекусим? – предложила она.

- А вдруг у твоих Лариска все сидит? – поддразнила Маша.

- Ты же слышала, она к Аграфене ушла... – передернула плечиками Лиска.

- У меня такое впечатление, что ты ее боишься, – нахмурилась Маша.

32

- Да нет, не боюсь, конечно... Просто она мне неприятна. Скользкая какая-то, фальшивая. И знаешь... Мне кажется, что она отцу глазки строит... – Слова явно давались Алисе с трудом. – И не только мне.

- Что?! – Маша замедлила шаг и удивленно уставилась на подругу.

- Мать прямо сатанеет, когда ее видит.

- А дядя Сережа?

- А он смеется. Говорит, мне приятно, что ты ревнуешь...

- Но это же... это черт знает что такое!

Маше как-то сразу расхотелось идти к подружке домой. Она не могла поверить в то, что дядя Сережа может увлечься Лариской. Это было также нелепо, дико, как если бы ее, Машин, отец вдруг вздумал влюбиться, например, в Лиску! Но Маша чувствовала, что подруга чего-то не договаривает, что ее что-то тревожит, гнетет, но что? Задавать вопросы было бесполезно – Лиска все равно ничего не скажет, пока не «дозреет». Ведь молчала же про то, что уже две недели встречается с очень интересным и, главное, взрослым парнем? Ну... то есть, не то, чтобы встречается. Первое свидание у них только вчера было, но... Но дело не в этом. Отмахнуться от проблемы Маша не могла, отлично понимая, что ничем помочь не может. Хотя почему же ничем? Если старухи согласятся переехать, у Лариски больше не будет повода приходить в дом Майоровых... Но вот как на них повлиять, если они такие упрямые? Ведь действительно – полная клиника, самой себя до крови царапать!

А эта Лариска! С тех пор как они окончили школу, Маша практически ничего о ней не знала, да и не очень хотела знать. Они изредка встречались на улице, здоровались и проходили мимо друг друга, не проявляя ни малейшего желания остановиться и поболтать. Единственное, что бросалось Маше в глаза, это то, что Лариска стала одеваться, как наследница Рокфеллера. Таких нарядов даже Лиске родители не покупали, а ведь Лариска была из малообеспеченной многодетной семьи и ее родители уж точно не могли себе такого позволить. Впрочем, равнодушная к тряпкам Маша лишь мельком думала об этом и сразу же забывала. Зато теперь воспоминание об этом почему-то встревожило ее.

- Знаешь, Маш... – Алиса словно бы хотела сказать что-то и не решалась.

- Ну что? Говори, не бойся! – как можно мягче подбодрила Маша подругу.

- А ты смеяться не будешь?

Что-то в голосе Алисы заставило ее всерьез пообещать, что смеяться она ни в коем случае не будет.

И тут Алиса выдала такое, что смеяться Маше и вовсе расхотелось!

- Лариска на маму порчу наводит! – выпалила Алиса, и в глазах ее предательски заблестели слезы.

2. «МЫ» № 8

33

Маша поперхнулась, ахнула и, не успев толком собраться с мыслями, принялась возмущенно выговаривать подруге, причем получалось это у нее несколько бессвязно:

- Ну это уже вообще... Ни в какие ворота! Ты что, ты соображаешь, что говоришь? Ты еще к колдунье какой-нибудь мать поволоки, к бабе Любе, тете Моте, а то в центр «Марии-Лит», ума хватит! Ну-ка, рассказывай толком, что с тетей Аллой?

Алиса пожалала плечами.

- Да в общем-то ничего особенного. Нервная она стала. Спит плохо. На кошмары жалуется... Такого ведь с ней раньше никогда не бывало! А как Лариска приходит, так мама потом целый день сама не своя...

- Так! — категорично заявила Маша. — Тетю Аллу за руку и к невропатологу. Пропишет лекарство, грязи какие-нибудь... ну, я не знаю... А змею-Лариску на порог не пускать!

- Ты это отцу скажи...

- И скажу! Дядя Сережа всегда ко мне хорошо относился, уж выслушает, не прогонит!

- Послушай, Маш...

- Нет, это ты меня послушай! — перебила та, настойчиво заглядывая в глаза отводившей их подружке. — Как мы всегда к этой челухе относились? В гадалки играли? Играли! Целые тетради переписывали! Но ведь играли же, а не всерьез? Гороскопы читали? Читали! Но ведь смеялись же при этом? На стар-рый Новый год бумажки на тарелках жгли? Жгли! Но ведь опять же для смеха!

- Маш, подожди... Помнишь, Майка Колоскова рассказывала, что если хотят кого-то сглазить, то подсыпают наговоренную соль или крупу?

- Ну помню. Ерунда какая-то. Ты хоть сама-то подумай, кому какой вред гречка или рис могут принести?

- Но если Лариска...

- Лис, даже если после ее ухода ты где-нибудь на полу нашла рассыпанную соль, это еще ни о чем не говорит. В конце концов тетя Алла и сама могла случайно рассыпать и соль, и рис или там...

- В сапог?

- Что в сапог? — оторопела Маша.

- Я у мамы в сапоге недавно соль нашла. Она все жаловалась, что ей трет, я и проверила. А там — соль. А сама мама, когда перед стиркой карманы у вещей проверяла, в кармане своего халата пшенку обнаружила.

- Соль? В сапоге? Ну... Может, тетя Алла на нее наступила и не заметила... А пшенка... тоже, знаешь, не повод! Может, тетя Алла птичек на балконе собиралась кормить, вот и насыпала пшена в карман. А потом забыла!

Алиса покачала головой.

- Я бы с тобой согласилась... Если бы у нас в доме было пшено. Мама не выносит пшенную кашу, и пшена у нас в доме никогда не было и нет!

- Ну я не знаю... Все равно — чушь! Нашла о чем беспокоиться. И... надо же, Майка Колоскова говорила... — Маша фыркнула. — Ты лучше вспомни, как Майка Колоскова рассказывала, как они с сестрой имя суженого пошли выяснять? До того напугали пьяненького прохожего, что он напрямик в отделение милиции побежал и заявил, что его хотела банда девиц ограбить! Этих дурочек прямо на месте и повязали — они, видишь ли, и для сестры решили прохожего дождаться!

Алиса улыбнулась, так и не пролившиеся слезы высохли.

Воодушевленная успехом Маша продолжала:

- Ну, я еще понимаю, про мальчишек на картах гадать... помнишь, как мы с тобой в седьмом классе изучали миленькую книжечку «Друг тоскующих»? Ведь смех и грех! Казенный дом, задуманная особа... Чушь доисторическая! Особенно, когда казенный дом — школа, а задуманная особа — Пашка Гриценко из девятого «Б».

Алиса слегка покраснела и смутилась — Пашка Гриценко действительно ей довольно долго нравился, естественно, еще в школе, а потом увлечение как-то само собой сошло на нет. Это могло бы показаться весьма странным, но у удивительно хорошенькой Алисы поклонников... не было! То есть они были, но вздыхали о ней на расстоянии, как о прекрасной даме, а встречались с другими девушками. Все они пребывали в святой уверенности, что у недоступной красавицы где-то в рукаве, как у фокусника заяц, припрятан обожающий ее прекрасный принц, который, стоит только подойти к ней, как выскочит, как выпрыгнет и изрубит мечом-кладенцом в калусту! Или, того не легче, отделает нунчаками. А если и находились смельчаки, рисковавшие приударить за Алисой, то они оказывались из числа тех, кто никак ее заинтересовать не мог. Она довольно жестко пресекала их поползновения, чем окончательно и бесповоротно, хотя и косвенно, убеждала других в бессмысленности подобных попыток.

- Успокоилась? — спросила Маша.

- Наверное, ты права... Маме просто нужно отдохнуть...

- От чего отдохнуть-то? — фыркнула Маша. — Наоборот! На работу ей надо! Молодая еще в четырех стенах себя запирает. Вот и лезет в голову всякая чушь. От безделья.

Алиса знала, что ее мама придерживается противоположной точки зрения. Алла Владимировна часто говорила, что только избавившись наконец-то от необходимости ходить на работу, где, по ее выражению, «как всем известно, одна сплошная нервотрепка», обрела «на старости лет» покой и счастье. Алла Владимировна лукавила — о старости ей говорить было бы то есть, да и выглядела она намного моложе своих лет.

- Возможно, - пряча улыбку, согласилась Алиса и переспросила: - Ну так что? Пойдем к нам? Есть-то хочется.

- Знаешь... - Маша заколебалась. - Давай все-таки найдем сначала этого Юрку... Вдруг Нюська действительно у него?

- Ладно... Тогда я куплю мороженое. А то я тебя сейчас съем! Тебе какое?

Они двинулись к переходу - киоск, в котором продавалось мороженое, находился на противоположной стороне улицы. Резкий свист заставил девушек вздрогнуть.

- Черт знает что! - проворчала Маша.

- Эй!

Ну если свист еще можно было проигнорировать, то хамское - «Эй!» - точно было адресовано им. Девушки оглянулись. Перед ними стоял невысокий паренек в потрешенной джинсовой куртке, легкой не по сезону, и джинсах, настолько вытертых и грязных, что установить их первоначальный цвет не представлялось возможным.

Он мерил Машу и Алису оценивающим взглядом и явно не спешил сообщить, что ему от них нужно. Впрочем, Маша уже догадалась, кто перед ней. Она просто не знала, с чего начать переговоры. Как подступиться к делу, не разозлив и не настроив против себя возможного похитителя.

Наконец мальчик заговорил:

- Ну и чего?

- В каком смысле? - брякнула Маша и замолчала. Ничего глупее просто нельзя было придумать.

- Чего меня искали-то?

- Искали... - эхом повторила Маша.

Паренек начал злиться.

- На колонку вы приходили?

- Мы, - призналась Маша.

- Так зачем?

- Мы... понимаешь... мы...

- Заработать хочешь? - вмешалась Алиса, догадываясь наконец, что подруга в полной растерянности.

- Ну, - кивнул мальчик. - Заработать я всегда хочу.

- У нее пропала кошка, - виновато сказала Алиса.

- А я причем? - хмыкнул мальчик. Держался он уверенно и независимо, но Маша заметила, что глаза его забегали.

- Видишь ли... - продолжала Лиска. - Ты, конечно, ни при чем, но ты здесь всех знаешь. Может, попросишь ребят поискать?

Маша вздохнула с облегчением - дипломатия Лиски принесла плоды, мальчишка расслабился.

- Могу. А какая кошка-то?

- Сиамская, - осмелилась вставить слово Маша.

- Желтая с черными ушами, лапами и хвостом? - уточнил паренек.

- Да.

Он усмехнулся и кивнул:

- Есть разговор. Мани?

Теперь растерялась Лиска:

- Она Маша... Маня... это как-то...

- Да знаю я, что она Маша, мани, говорю, давай!

- А кошка? - голос Маши дрогнул.

- Что я тебе, дурик - за так бегать?

Алиса улыбнулась, она была почти уверена, что подружка получит свою Нюську в целости и сохранности. Щелкнув замочком элегантной сумочки, она вытащила сотенную купюру и протянула мальчишке.

- Достаточно?

- Посмотрим еще, сколько ее искать придется.

Он смотрел на девушек с вызовом. Ему было все равно, верят они ему или нет, и он этого не скрывал.

10

Алла Владимировна Майорова выглянула из окна. Противная старуха опять прогуливалась возле ее дома! Своего двора, что ли, нет? И не лень сюда таскаться? Что здесь нужно старой ведьме? Поводилась ходить, как будто дразнит! Алла Владимировна не могла объяснить себе, почему вид этой старухи будил в ней необъяснимую тревогу. Казалось бы, ничего необычного не происходило - муж расселял очередной дом и, как всегда, действовал в рамках законности, причем опять же, как всегда, старался устроить все так, чтобы жильцы дома не имели к нему претензий. И все сначала складывалось удачно. Если бы не несносные старухи, которые неведомо почему уперлись! Столько сил потрачено, столько средств вложено... Алла Владимировна понимала, что муж уже не может отступить, но, возможно, имеет смысл просто подождать, старушечки-то совсем древние.

Алла Владимировна устыдилась посетившей ее нехорошей мысли и вновь взглянула на старуху, которая теперь уселась на скамейке во дворе и смотрела на резвившихся на детской площадке детей. По лицу бабки блуждала столь мерзкая ухмылка, что у Аллы Владимировны побежали по спине мурашки. Она не хотела признаваться себе в том, что старуха пугает ее. Ну что, что могла сделать ей, жене преуспевающего бизнесмена, какая-то жалкая старушечка? Скорее следует беспокоиться из-за того, что к ним в дом зачастила Лариса, старухина правнучка и бывшая одноклассница Алиски. Вот ведь дрянь! Вырастили, что называется, смену! И ничего не скажешь. «Мне к Сергею Сергеичу по делу!» И чаем ее пои. И всякий вздор выслушивай! И нос свой она везде сует! И по квартире, как у себя дома, шастает! Впрочем, Сережу как будто бы ее вульгарное кокетство только смешит, но... возраст, проклятый возраст!

Алла Владимировна поймала себя на том, что никак не может вспомнить, с какой целью Лариса заходила сегодня во второй раз. Даже не может вспомнить, что она говорила. Прошла в сапогах на кухню... попросила водички попить... Кажется, хвасталась какой-то побрякушкой... До чего же глупа! Но возраст, проклятый возраст!

«Ах, вот, что она сказала! Она сказала: "А зеркало-то у вас грязное!" Ерунда какая! С чего ему быть грязным?» - вспомнила Алла Владимировна.

Она заставила себя отойти от окна - старуха словно заволаживала ее, и приблизилась к зеркалу, чтобы проверить, не грязное ли оно в действительности, и заодно, взглянув на себя последний раз, убедиться, что в свои тридцать девять она выглядит совсем неплохо.

Вот только спит она последнее время скверно. Какие-то дурацкие сны... Даже во сне ей не дает покоя противная старуха... и кошки... С какой стати ей все время снятся кошки? Вон даже мешки под глазами появились. Надо маску сделать...

Ей вдруг показалось, что злобедная Лариска права, и зеркало на самом деле грязное. «Зеркало грязное, зеркало грязное! Зеркало... Зеркало...» - назойливо и болезненно зазвучало в ее мозгу. Она потрясла головой, отгоняя дурацкую мысль: «Ну и что ж, что грязное, помыть, что ли, нельзя? Подумаешь горе какое?» - и отправилась в ванную за моющим средством. Несмотря на то, что Майоровы вполне могли позволить себе нанять домработницу, Алла Владимировна сама вела хозяйство, причем делала это с удовольствием.

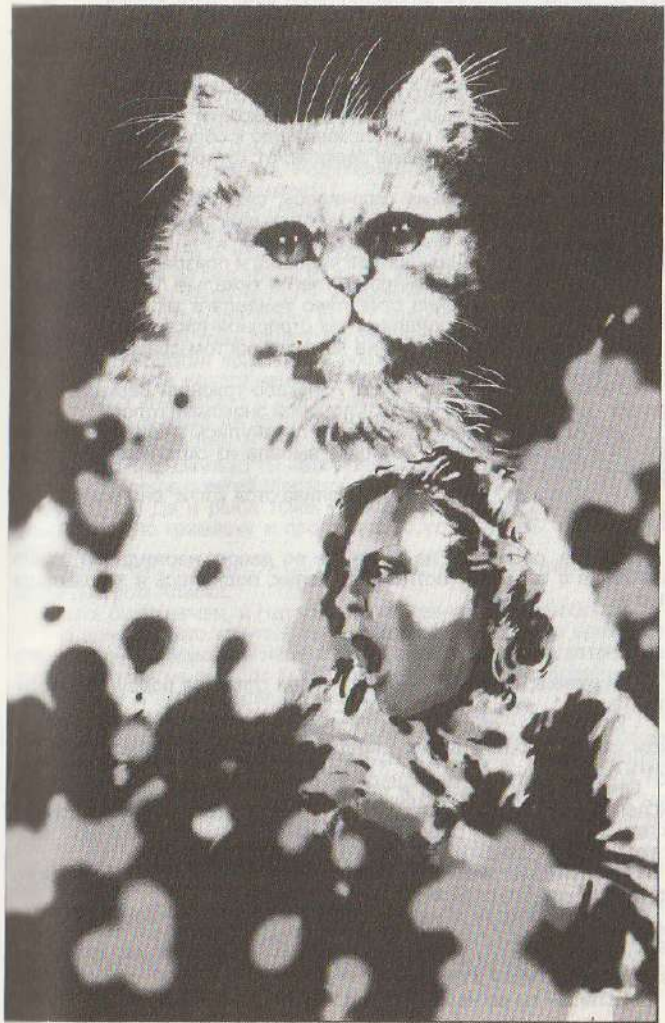
Как ни странно, и в ванной зеркало туманилось, как будто кто-то включил и надолго оставил течь горячую воду. Что такое? Алла Владимировна взмахнула тряпочкой, уверенно провела ею по поверхности стекла и замерла с поднятой рукой. Там, в зеркале, за ее спиной отражалось то... чего в принципе быть не могло.

Стены, до потолка закрытые узорчатым бежево-золотистым кафелем, искривились, потемнели и отдалились, перспектива изменилась, необъяснимо расширившийся дверной проем чернел пустотой, из которой выглядывали и тотчас же скрывались оскаленные кошачьи морды.

Это походило на повторение ее ночных кошмаров. Во сне она куда-то бежала, и ее преследовала стая черных, как сажа, кошек. Они гнались за ней целеустремленно, безмолвно, и неотвратно настигали. Когда первая кошка прыгала на нее, чтобы вцепиться в горло, она кричала и просыпалась... Ей и сейчас захотелось закричать и проснуться!

Заставить себя обернуться, чтобы удостовериться в том, что мыльные разводы на зеркале и разыгравшееся воображение пытаются сыграть с ней злую шутку, она не могла...

Потом Алла Владимировна увидела, как клубящаяся тьма за ее спиной взвихрилась, кошки слились в дьявольский волчок, который вдруг опустился на кафель пола, на миг растекся черной

безобразной лужей и медленно стал подниматься, формируясь во что-то невообразимо страшное...

Взбунтовавшийся рассудок несчастной женщины искал пути к спасению.

«Я сплю! Я сплю! Этого не может быть! Этого нет!»

Чужой, безжалостный, но смутно знакомый голос ворвался в мозг, лишив последних сил, сломив волю к сопротивлению: «Это есть! Это правда! Это правда зеркала, от которой тебе никуда не уйти! Зеркало! Зеркало!»

Побежденное сознание скорчилось, сжалось, превратилось в маленького человечка, который в отчаянии заметался по лабиринтам мозга, затопляемого вырвавшейся из-под контроля черной волной подсознания, полной чудовищ и призраков.

На плечо Аллы Владимировны легли тяжелые лапы с жуткими когтями. Она совершенно отчетливо увидела в зеркале оскаленную морду огромного хищника. Из страшной пасти текла желтая слюна... Тварь была похожа на кота, но ростом сравнялась с теленком...

«Зеркало... зеркало грязное... зеркало грязное! Зеркало! Зеркало!» - бичом хлестал чужой... но такой знакомый голос!

Руки Аллы Владимировны сами потянулись защитить шею от когтей и зубов хищника. Тряпочка выпала из скрючившихся, сведенных судорогой пальцев.

Почувствовав, как в ее горло вливаются когти, она вскрикнула и потеряла сознание.

Старуха, сидевшая на скамейке во дворе, неожиданно, точно вспомнив о каких-то неотложных делах, поднялась и заковыляла прочь.

11

- Думаешь, принесет? - с надеждой глядя на подругу, спросила Маша.

- Конечно, - ободряюще улыбнулась Лиска. - Иначе зачем бы он звонил, адрес спрашивал и деньги велел приготовить?

Они сидели на кухне и распивали чай с лимонным пирогом, испеченным Машиной мамой. Чай был приготовлен по особому «тети Марининому» рецепту с травками, очень вкусный, но... все-таки не такой, какой Маша пила у самой тети Марины.

Наталья Дмитриевна Князева восторгалась по поводу ожидаемого возвращения блудной кошки не проявляла.

- Прямо золотая у нас Нюсечка получается! - ворчала она. - Двести рублей за прогулочку! Что мы, миллионеры?

Маша покраснела, покосилась на оставшуюся абсолютно невозмутимой Лиску и сказала:

- Если бы ты ее не выпустила, ничего бы не случилось.

40

Мать, разумеется, вину свою ощущала и судьба кошки ее волновала, но непредвиденная трата все-таки не могла ее не огорчать. В глубине души она была убеждена, что Маша зря подняла панику и устроила целое расследование. Погуляла бы кошка да и вернулась. И уж, конечно же, ее никто не крал! Тоже сокровище! Просто хитрый мальчишка воспользовался доверчивостью и глупостью девчонок, разыскал беглую кошку с помощью приятелей и теперь выманивает у них деньги. Лиске-то что? Она бы, глазом не моргнув, деньги выложила. Родители без мороженого не оставят. А Маша как будто не понимает!

Однако Наталья Дмитриевна хотя и ворчала, но сознавала, что Маша настаивает на своем и деньги мальчишке придется отдать. Она еще не знала о том, что сотню маленький вымогатель уже получил. Алисе не без труда удалось убедить подружку в том, что раз уж она вела переговоры и, возможно, не лучшим образом, то и участвовать в выкупе кошки имеет полное право, тем более, что судьба Нюски ей тоже далеко не безразлична.

- Прямо золотая кошечка! - повторила Наталья Дмитриевна, разжигая в себе раздражение. - Двести рублей! Не говоря уж об этих вечных «вискасах» и «фрискасах»!

- Но ты же сама не хотела ее рыбой кормить! - возмутилась Маша. - Сама говорила, что «вискас» и полезнее и гигиеничнее! Между прочим, сколько ты кастрюлек пожгла, когда Сидору рыбу варила? Сядешь с тетей Мариной поговорить - и ты-то очередная кастрюлечка! Да и рыба тоже. А запа-ах! - Маша скорчила преуморительную гримаску и простодушно улыбнулась, чтобы смягчить укол.

- Туше, тетя Наташ! - с не менее простодушным видом довершила разгром Алиска.

Крыть было нечем, и Наталья Дмитриевна сбавила обороты:

- И все-таки это как-то... Неправильно! Вот в наше время ребята только попроси - нашли бы и никаких денег не затребовали. И в голову не пришло бы. Наоборот, только обрадовались бы новой игре. А тут - двести рублей! Да за что?!

Сорокадвухлетняя Наталья Дмитриевна любила поговорить о «наших временах», навеки канувших в Лету, причем не совсем ясно было, какие это «наши времена» имеет она в виду. Машин отец в таких случаях благодушно подшучивал: «Ну конечно, в наши времена! Ты, Маш, маму-то послушай, послушай, она у нас помнит, как по Тверской трамвай ходили! Потом реферат по истории напишешь!» Мать фыркала и уходила - обижалась.

Шутить в таком духе Маша не отважилась. Она спокойно, но очень твердо сказала:

- Знаешь, мам, я обещала мальчишке, и эти деньги нужно отдать. В конце концов обойдусь без новых кроссовок. Понимаешь, я не хочу его злить. Если Анна Семеновна не преувеличивает, по своему обыкновению, - Нюске придется гулять на балконе, пока он... ну, не вырастет...

41

- А если он поведется ее воровать и по двести рублей с нас требовать?

- Вот я и собираюсь с ним договориться... Неужели тебе хочется, чтобы из нее шапку сделали?

- Да нет, Маш, - мягко возразила Алиска. - Подумай сама, какие шапки из кошек? Из собак - еще понятно, а из кошек... Хотя живодерство есть живодерство.

- Так зачем он их крал?

- Вот это, наверное, и надо попытаться выяснить! Потому что, не знаю, как других пропавших котов, но твою-то Нюську он точно украл! Могу спорить.

- Мне тоже так показалось... Давай попробуем его разговаривать? Угостим чаем... - Маша посмотрела на кусок пирога, который держала в руке, и без сожаления вернула его на тарелку.

- Что?! - вновь взорвалась Наталья Дмитриевна. - Еще и пирогом его угощать?

Звонок в дверь прервал разговор, который вполне мог перерасти в никому не нужный спор.

Маша сорвалась с места, пробежала в прихожую и распахнула дверь. Юрка Черпаков протянул черный пакет с полустершейся надписью золотом, в котором кто-то бился и истощно мяукал.

- Смотри, твоя, что ли? - нарочито грубо проговорил он.

- Моя! - широко улыбнулась Маша, освобождая страдальцу. - По голосу слышу. Ну заходи, чайку попьем.

- Ты мне голову-то не морочь! Мани гони!

Оказавшись на полу, кошка ошалело повертела головой и порожнула вглубь квартиры. Маша невольно проводила ее взглядом. Вид у Нюски был такой, как будто ее не меньше месяца продержали в кошачьем концлагере, где она раз двадцать готовилась распрощаться с жизнью.

- Мани гони! - нетерпеливо поторопил Юра.

- Да-да, сейчас! - кивнула Маша. - Ты проходи.

- Некогда мне, - пробурчал мальчик.

В прихожую выглянула недовольная Наталья Дмитриевна и молча протянула Маше деньги. Юру она окинула уничтожающим взглядом и тотчас же скрылась. Маша сжала купюры в кулачке.

- Послушай...

- Нечего мне слушать! - перебил мальчик. - Мани гони!

- Отдам... если скажешь, зачем кошку украл!

- Я?! Да нужна мне твоя задрыга!

- А как же она у тебя оказалась?

- А так! Что я, пацан тебе кошек ловить? Мелкоте «марсов» посулил, они ее и нашли.

Молниеносным движением мальчишка выхватил у Маши купюры и побежал вниз по лестнице.

- А где? Где нашли-то? - крикнула ему вслед Маша, но ответа не получила.

Обласканная и обкормленная Нюська устроилась на любимом месте, на пуфике возле батареи, и мирно спала. Ужасное приключение, видимо, начисто истребило в ней весенние настроения.

Сердитая Наталья Дмитриевна уселась смотреть телевизор, а девушки закрылись в комнате Маши, где с упоением принялись шутиться.

- Ой, и как ты только решилась?! - В глазах Маши бегали бешенята.

- Сама не знаю! Понимаешь, когда автобус мне хвост показал, я на остановке стою и соображаю: или домой идти - переобуться, или машину ловить. Тут он и подъезжает. И говорит: «Опоздываете, девушка?» Я говорю: «Опоздываю!» А он мне шлем протягивает и говорит: «Садитесь!» Я сажусь и начинаю объяснять, куда ехать, а он мне: «Я знаю!» Я говорю: «А у меня каблук сломался!» А он мне: «Ну это уж совсем пустяки!». Представляешь?

Маша представляла. Историю знакомства Алисы с неким Максимом Шевыревым она слушала по крайней мере в третий раз. Они увлеченно обсуждали, что он сказал и как это следует расценивать, что ответила ему Лиска и правильно ли она сделала, или надо было придумать что-то другое, поостроумнее?

Все было очень просто, но вместе с тем весьма романтично. Однажды, когда они с Машей сидели возле института в автобусе, Алиса заметила какого-то парня на мотоцикле. Она даже попыталась обратить внимание подруги на него - уж больно впечатляюще смотрелся его атлетический торс, затянутый в черную кожаную куртку-косуху. Ветерок ерошил его светло-русые волосы, обрамлявшие красиво вылепленную голову, солнце играло на глянцевой поверхности шлема, который он держал в руках. Он сидел на мотоцикле, опираясь ногами о землю, и, не скрываясь, разглядывал ее, Алису, как ей показалось, пронзительно синими глазами. Но... подошел автобус, и им с Машей стало не до симпатичного незнакомца.

Однако на Алису случайная встреча произвела впечатление. Она даже сказала Маше: «Вот бы в меня такой парень влюбился!» Маша только отмахнулась: «И о чем ты только думаешь? Сессия на носу!» Алиса подумала, что подруга, как всегда права, и... забыла о незнакомце.

Но вечером следующего дня Алиса увидела его на «боевом посту» у своего подъезда! Сердце ее билось, как заяц в силках, когда она, пройдя мимо него, преодолевала на ватных ногах оставшиеся до подъезда метры. Она ждала, что он сейчас догонит,

остановит ее, начнет знакомиться... Она совершенно не представляла себе, что говорить, что делать, как себя вести?! У нее просто не было опыта. Нет, опыт-то был, но, так сказать, негативный, в данном случае абсолютно неподходящий: она отлично умела поставить на место уличного пристава, да так, что у любого пропадало всякое желание знакомиться с ней. Но этого парня она вовсе не хотела «отшивать»! Алиса страшно боялась, что автоматически ляпнет что-нибудь такое... привычное, и он уйдет. А еще лучше – начнет стучать зубами с перепугу, когда он с ней заговорит, и он примет ее за какую-нибудь непроходимую идиотку и... тоже уйдет! Но... ничего не случилось. Он не подошел и не заговорил.

Алиса вихрем влетела в квартиру, не скинув сапог, пробежала в гостиную и прижалась носом к стеклу. Парень смотрел словно бы прямо в ее окно! Он постоял немного, потом оседлал свой мотоцикл и укатил. Она прижала ледяные ладони к пылавшим щекам, сказала себе: «Ну и дура ты, Лиска!» – выбросила все из головы, поужинала и села заниматься.

Однако и на следующий день парень «дежурил» в ее дворе. И на следующий тоже...

Алиса уже не ждала, что он подойдет к ней. И каждый вечер исполняла сам собой сложившийся ритуал: задрал нос, проходила мимо безмолвного «часового», понималась к себе и смотрела из окна, как он уезжает.

С некоторых пор Алиса стала подозревать, что он не только дежурит в ее дворе, но и сопровождает ее в институт и из института. В автобусе она старалась попасть на заднюю площадку к окну и, как ей казалось, несколько раз замечала его. Так продолжалось почти две недели. Маше Алиса ни о чем не рассказывала, хотя та по мечтательности в глазах подруги, по неожиданно углубившейся рассеянности, по странной улыбке, блуждавшей на ее губах, догадывалась, что с ней что-то происходит. Однако Алиса знала, что Маша не позволит себе ни одного лишнего вопроса, и бессовестно помалкивала.

Маша и Алиса ездили в институт на одном автобусе. Сначала в него садилась Маша, через две остановки подсаживалась Алиса.

Вчера утром произошла накладка: Маша заметила из окна спешившую к автобусу подругу и осталась сидеть на месте в полной уверенности, что та успеет, а у Лиски вдруг сломался каблук! На одной ножке она, конечно же, не доскакала, а Маша, увидевшая, что у нее случилась авария, просто не успела выйти!

Каково же было удивление расстроенной Маши, когда Алиса обогнала автобус на мотоцикле, сидя за спиной затянутого в черную кожаную куртку парня, и, весело улыбаясь, помахала ей рукой!

Мало того: Алиса перехватила Машу у входа в институт и с сумасшедшим блеском в глазах заявила: «Ври, что хочешь, меня

сегодня на занятиях не будет!» Маша ахнула, попыталась удержать подружку за руку, но той уже и след простыл.

Как потом рассказала Алиса, они весь день прокатились по Москве. Побывали на Воробьевых горах, на Патриарших прудах, на Поклонной горе, на Красной площади... Куда только они ни ездили – им было интересно посмотреть на все глазами друг друга, переосмыслить заново. Раньше это была его Москва и ее Москва, теперь она становилась для них общей. Сумасшедшие от радости узнавания и понимания друг друга они жевали, сидя на скамейке, чизбургеры, купленные в попавшемся на пути «Макдональдсе», и говорили, говорили, не в силах остановиться. А когда они случайно забрели в церковь, где шла служба, Максим наклонился к ней и шепотом сказал:

- Я хочу обязательно венчаться в церкви!

- Я тоже! – ляпнула Алиса и залилась краской.

Они посмотрели друг на друга, растерянные и смущенные, и минутная неловкость мгновенно рассеялась. Это было не «для сейчас», это было не важно, сейчас главное заключалось в том, что они так замечательно понимали друг друга, что им нравилось одно и то же и одно и то же не нравилось, что им было так здорово вместе. И ни с чем не нужно было спешить. Не просто не нужно, а категорически нельзя! То, что их связывало, было еще так хрупко и зыбко, что могло растаять в один миг – от неловкого прикосновения, от неосторожного слова...

Максим Шевырев привез Алису домой к восьми часам, и они распрощались, даже не поцеловавшись ни разу. Нежность, окутывавшая их золотым коконом, не допускала поспешности...

Первое, что сделала Алиса, вернувшись домой, – позвонила Маше и категорическим тоном потребовала пойти с ней в кино. Потом она даже не могла вспомнить, какой фильм они смотрели, – это время потребовалось ей, чтобы собраться с мыслями перед тем, как посвятить лучшую подругу в первую настоящую тайну в своей жизни.

14

- Нет, Лиска, я тебя не понимаю! Вы общались целый день, а ты о нем толком ничего не знаешь! – укорила Маша.

- Ну почему не знаю?

- Стоп, стоп, про то, что он любит Булгакова и иконопись, я уже слышала. Ты мне скажи, где он учится, что делает, где живет? Сколько ему лет, наконец?

- Ах, это... – разочаровано протянула Алиса. – Живет он где-то под Москвой. Я только знаю, что там замечательный монастырь, в который он меня повезет в следующий выходной. Работает в автомастерской... Представляешь, я переспросила: в автосервисе? А он так поморщился, и на своем – в автомастерской. Представляешь, из-за того, что он каждый день меня утром и вечером

проводил, ему Бог знает сколько времени отработывать придется, ребята его подменяли...

- Ладно, а с учебой?

- Он два года назад из армии пришел, ну и пока должен работать. Но он собирается поступать в автодорожный. Понимаешь, он замечательно разбирается во всяких машинах и мечтает их конструировать! Хочет создать автомобиль для супергонок... Знаешь, когда я про армию его спросила, он как-то странно в лице переменялся и говорит: «Давай об этом не будем?» - и я больше не спрашивала...

Маша искоса взглянула на подругу. Можно было и не смотреть, и так ясно - влюблена по самые уши, хотя сама еще этого не осознает. Скорее всего, не осознает. Неожиданно для себя Маша выпалила:

- А что предки скажут?

По лицу Алисы пробежала легкая тень. Она сама все понимала: не москвич, не студент, из родителей - один отец, пусть механик - золотые руки, но работяга... Она решительно трянула головой, и в ее золотистых волосах заиграли блики электрического света.

- Отец поймет. Мама... должна понять! А если нет...

Маша взяла ее за руку:

- Ты только помни - я всегда на твоей стороне... Но... Лиска, ты... не спеши... Знаешь, как говорят: замуж выйти - не напасть, замужем бы не пропасть!

- Ну что ты? Никто спешить не собирается! Мне еще институт заканчивать...

Маше вдруг стало грустно и немного стыдно за себя.

«Тоже мне, умная Маша, - упрекнула она себя, - сижу и поучаю лучшую подругу, как... как меня моя мама! Да еще и ревную ее, кажется! Ну, конечно, ревную, я ведь уже на следующие выходные - не в счет! А совесть у меня есть? Лиска влюбилась, а я думаю только о том, что теперь буду реже ее видеть, о том, что мне придется делить ее привязанность с каким-то парнем, которого я совсем не знаю и которого уже готова невзлюбить!»

- Лис, а как он выглядит?

- Он высокий... Широкоплечий... Ноги длинные... - с воодушевлением взялась описывать Алиса.

«Ну, если для нее высокий, то в автобусе просто ездить не может, головой крышу проткнуть опасается!» - решила про себя Маша.

- Ну прямо, киногерой какой-то!

- Знаешь, а он действительно чем-то на Шона Бина похож.

- Та-акой старый?! - ахнула Маша.

- Ну, на молодого Шона Бина... на очень молодого.

- Так он всегда злодеев играет!

- Подумаешь, Басилашвили тоже... - Алиса перехватила взгляд подруги и все поняла: - Опять разыгрываешь?

- Угу, - невозмутимо признала Маша и рассмеялась, - а вообще-то я за тебя ужасно рада. Слушай, а давай попросим маму тебе погадать?

У Алисы загорелись глаза:

- А она умеет? Я что-то никогда не слышала, чтобы тетя Наташа гадала.

- Ну, я думаю, по такому случаю не откажет.

- Расскажем?

На лице Алисы отражались и страх и восторг. Ей одновременно хотелось и поведать о своей любви всему миру и сохранить ее в тайне. Это противоречивое чувство совершенно сбивало ее с толку.

Маша подмигнула:

- Не расскажем. Но намеком!

Конечно же, распираемая любопытством Наталья Дмитриевна согласилась! А когда девушки попросили ее к тому же держать все в секрете от Аллы Владимировны - мало ли, в магазине встретятся, так вовсе не обязательно спрашивать, а как там дела у Алисы с ее юношей? - и вовсе исполнилась гордости. Как же - подруга дочери выбрала в наперсницы не собственную мать, а ее! Ей как-то в голову не пришло, что, вполне возможно, в подобной ситуации Маша была бы куда откровенней с Аллой Владимировной или с Мариной, чем с ней.

Они долго искали карты. Наконец обнаружили колоду в одном из ящичков стандартной полированной стенки и ушли в комнату Маши. Никому не хотелось, чтобы, вернувшись из гаража, Машин отец застал их за столь легкомысленным занятием.

Наталья Дмитриевна была ужасно серьезна. Она потребовала, чтобы девочки убрали с письменного стола все учебники, все тетрадки, все ручки и карандаши. Вслед за ними на кровать перекочевал и любимый Машин «Шарпик» - подаренный ей на восемнадцатилетие агрегат, совмещавший CD-проигрыватель, магнитофон и радиоприемник.

Затем Наталья Дмитриевна потребовала, чтобы поверхность стола была тщательно вытерта влажной тряпкой, а потом и сухой, чтобы карты не прилипали.

- Мам, ну ты уж вообще! Он же совершенно сухой и чистый, зачем мокрой тряпкой-то? - попыталась возразить Маша, но мама сурово свела брови:

- Я не виновата, что ты вечно кусочничаешь у себя в комнате! Не должно быть ни крошечки хлеба! Это я точно помню - так Марина всегда говорила.

Авторитет тети Марины был неоспорим, и Маша покорно поплелась на кухню. Сетования матери относительно того, что она, конечно, что-то умеет, но по сравнению с Мариной - дилетант, а

Марина уже лет десять, как к картам не прикасается, ни под каким видом, — доносились до Маши даже на кухне.

Потом мать сказала:

— Раз уж мы гадать затеяли, давай я тебе, Алиса, заодно нагадаю, сколько у тебя детей будет? Пока Машунька копается.

Появившаяся в дверном проеме Маша фыркнула:

— А не рановато ли, мам? Она еще замуж не вышла, а ты...

— Ты меня не учи! Дети — самое главное в жизни! А иной раз от того, какой ребенок первым родится, зависит, устоит брак или нет.

Во взгляде Маши, обращенном к Алисе, читалось: «Мама оседлала любимого конька! Не спорь, а то еще обидится и гадать откажется!»

Алиса понимающе улыбнулась:

— Давайте, тетя Наташ! Дети-то все равно же когда-нибудь будут? Как без них?

Наталья Дмитриевна проворно принесла черную нитку и, продев ее в свое обручальное кольцо, скрутила нить вдвое.

— Смотри, Алиса, — проговорила она, повесив кольцо над ее ладонью. — Если по прямой линии качаться будет, то — мальчик, если по кругу — девочка.

Кольцо повисло, как мертвое.

Алиса вопросительно посмотрела на нее.

— А это что значит?

Наталья Дмитриевна хмыкнула.

— Наверное, нельзя чужим кольцом гадать.

Она сняла кольцо с нитки и машинально положила его на полочку над столом.

Маша, протиравшая стол уже сухой тряпкой, тихонько хихикнула.

— Тогда давайте моим, — добродушно предложила Алиса. Машина мать с сомнением посмотрела на украшавшие ее руки кольца — веточка с сапфиром и бриллиантами определенно не годилась. Она остановила свой выбор на кольце с одним бриллиантом и неуверенно сказала:

— Ну давай этим, что ли, попробуем?

Слова ее прозвучали так, как будто Алиса долго ее уговаривала, и она, наконец, неохотно согласилась. Однако, результат был тот же — кольцо над ладонью Алисы не шелохнулось.

— Н-да... Наверное, нужно все-таки обручальным. Маша права.

К чести Машинной матери — она никогда не стеснялась признать правоту дочери, даже в присутствии посторонних.

— Вот будет у меня обручальное, тогда и погадаем! — утешила ее Алиса и тоже машинально положила свое кольцо вместе с ниткой на полку, увлеченная совершенно другим: все приготовления были закончены и можно было приступить к гаданию.

Мама уселась за стол, девушки встали с двух сторон стола, опираясь на него локтями. Священнодействие началось.

Наталья Дмитриевна разогрела пальцы, словно собиралась не гадать, а показывать фокусы или обыгрывать кого-то с помощью шулерских приемов, дала Алисе снять колоду и спросила с видом заправской гадалки:

— И на какого короля будем гадать?

— Как это? — подняла брови Алиса.

— Ну он — черненький, беленький, рыженький?

Алиса открыла было рот, но Маша ее опередила:

— Да-а, мамочка, ты какая хитренькая! Все у нас выведать хочешь? Не-ет! Так не пойдет. Так всякий угадает. А ты давай на Алиску гадай. Вот мы и увидим, сумеешь ты про него угадать или нет.

— Пожалуйста! — с видом оскорбленного в лучших чувствах человека согласилась мать.

Но Маша прекрасно видела, что она нисколько не обиделась, что ей ужасно весело с ними, двумя сопливыми девочками, что она сама сейчас не очень, не совсем мать, а почти такая же девочка, как они.

Три головы склонились над столом, на который бросала круг света лампа на специальном зажиме, прицепленная к книжной полке, — золотистая, темно-русая и каштановая, с аккуратно закрашенными нитями седины. И возраст сейчас не имел никакого значения — три женщины собрались, чтобы найти ответ на самый главный во все времена для женщин вопрос: любит или не любит? А если любит, то как сильно? Так, что и в огонь и в воду, или до первых трудностей? Так, чтобы «они жили долго и умерли в один час» или до встречи с первой более смелой или более уверенной в себе «юбкой»?

Причем Машу и Наталью Дмитриевну ответ на этот вопрос волновал в данный момент не меньше, чем Алису.

Люстру они погасили, чтобы «было интересней»...

Маша поразилась, увидев, как мать раскладывает карты. Это не был один из тех довольно примитивных раскладов, которые предлагаются в продаваемых во множестве руководствах и самоучителях гаданий, такого ни Маша, ни Алиса никогда прежде не видывали. Девушки переглянулись.

— Что, никогда такого не видели? — словно прочитав их мысли, лукаво спросила мать. — То-то! Это меня Марина научила. Но так я гадаю только по особым случаям... Вот, например, как теперь.

То, что мать «балует» картами, Маша знала, так как порой Наталья Дмитриевна гадала подругам, приходившим к ним в гости, особенно на Новый год. Но это, конечно же, было чистой воды развлечение, и расклад мать использовала стандартный — из «Друга тоскующих».

Вообще-то Маша и не думала относиться к затеянному гаданию всерьез, она просто хотела развлечь Алиску и дать ей возможность и повод поговорить о Максиме. Может быть, даже подумать о нем вслух и заодно чуть-чуть разобраться в себе. Ино-

гда случайно оброненное слово дает мыслям нужный разворот и... Что «и», она не успела додумать. Мать заговорила.

- Многие, Алиса, тобой интересуются, но на сердце у тебя один! Тебе он очень нравится... а ведь ты его совсем не знаешь... Недавно познакомились... Случайно. Никак ты с ним познакомиться не должна была... не могла просто... не из тех он, кто рядом с тобой... а вон как звезды сошлись... - Наталья Дмитриевна говорила быстро, сосредоточенно, не оглядываясь на Алису и Машу, вовсе не нуждаясь в их одобрении или выражении сомнения, как обычно гадалки, которые «идут» за клиентом, замечая, как меняется его лицо и делая нужные выводы. - Он тебя, Алиса, постарше, но еще очень молод... волосы... Темнее, чем у тебя, но не намного. Богатых родителей нет. На наследство не надеется... все своими руками, но уже чего-то добился... Голова светлая. Ой, в прошлом... недавнем прошлом... Боже мой, вот натерпелся парень! Но это все, слава Богу, прошло...

Карты ложились в разные фигуры, которые почти незаметно менялись под ловкими пальцами Натальи Дмитриевны. Выстроив очередную фигуру, она помолчала немного, усмехнулась и подняла глаза на Алису:

- Знаешь, девочка, такой любви можно только позавидовать... Это невероятное счастье – встретить такую большую любовь!

Алиса зарделась, встретившись с Машей глазами. Та ободряюще кивнула.

Внезапно Наталья Дмитриевна воскликнула, смешала карты и с силой отшвырнула их от себя. Маша успела заметить только туз пик рядом с девяткой и семеркой пик, но ей показалось, что там же мелькнула и дама и чуть ли ни вся пиковая масть.

- Мам, в чем дело?

Наталья Дмитриевна сжала ладонями виски, потерла их и через силу улыбнулась. Улыбка вышла крайне жалкая.

- Похоже, я разучилась... Извините, девочки... У меня что-то голова...

- Да мы уже узнали все, что хотели, - смущенно проговорила Алиса. - Спасибо, тетя Наташ.

Она выпавших карт не видела, не поняла, на что так бурно среагировала Наталья Дмитриевна, и потому вовсе не встревожилась.

- Да, да... - рассеянно проронила Наталья Дмитриевна, резко поднялась и ушла, по дороге щелкнув выключателем, словно не могла больше выносить полумрака. Маленькую комнатушку залил яркий свет...

Маша, почуявшая неладное, последовала за ней.

- Мам, и все-таки, в чем дело?

Наталья Дмитриевна сидела, уставившись в темный экран телевизора невидящими глазами, и все терла и терла виски.

- Говорила мне Марина... говорила... не играй с огнем... о Господи!

Последнее слово она произнесла каким-то рыдающим голосом.

- Мама! Или ты мне сейчас скажешь, или... или... я не знаю, что я сделаю! - Маша вытянулась в струнку и сжала кулачки.

- Смерть там, Машенька...

- Чья?

- Не знаю, доченька... Я не разглядела... Испугалась...

Совершенно подавленная Маша вернулась к себе. Нет, она ни на секунду не поверила в мрачное пророчество! Еще чего! Вот в то, что Лиска встретила свое счастье, - да, поверила. Тысячу раз - да! А смерть? Глупости какие! Кто это умирать собирается? Разве что намекнуть Лиске, чтобы уговорила своего Максима потише гонять на мотоцикле? Вон как они мчались - автобус настолько обогнали, что, пока он дополз, Максим каблук Лиске починить успел. Но что же это творится-то? У тети Аллы с нервами беда, и мама - туда же?!

Алиса сразу засобиравшись домой. Маша хотела проводить ее, но она отказалась - время еще детское, семи нет, а тетя Наташа, похоже, заболела.

- Знаешь, давай-ка мы наших мам на пару к невропатологу отведем. - предложила на прощанье Алиса, наглядно демонстрируя то, что мысли их, как всегда, шли одним курсом.

- Пожалуй, пора, - согласилась Маша, и они засмеялись, хотя смех их прозвучал невесело.

Как зашел у Ларисы с прабабкой разговор о колдовстве и ворожбе первый раз, она уже и не помнила. Помнила только, что в тот вечер, устав от воркотни матери, согласилась занести старухе продукты. Почему она задержалась? Почему всерьез восприняла прабабкино обещание: в обмен на какого-нибудь кота приворожить ей любого «хахила», как та выражалась? Однако это случилось. Посмеиваясь про себя, Лариса вышла в темный, уже опустевший двор, отловила, приманив на кусок колбасы, одну из «мерзких тварей», которые так противно волят под окнами, и притащила его бабке. Кот явно был домашний - дворового, хитрого, наученного горьким опытом общения с людьми, так просто поймать бы не удалось. Но угрызений совести Лариса не испытывала - она просто не понимала, зачем люди обзаводятся домашними животными вообще и кошками в частности. Ей казалось это вопиющей глупостью.

Увидев Ларису с оравшим благим матом котом в руках - та несла его, не скрываясь, - бабка явно обрадовалась, хотя и проворчала:

- Поосторожней надо, а то люди увидят, разговоры пойдут...

За стеной у соседки гремел телевизор — бабка Капитолина была глуховата, и вопли ничего не понимавшего и оттого еще больше напуганного кота до нее не доносились. Кроме того, ни во дворе, ни в подъезде Лариса никого не встретила.

«Так чего беспокоиться?» — пожала она плечами, но промолчала.

Бабка Аграфена засунула кота в вытертую до основы дерматиновую сумку и куда-то умотала, бросив с порога:

— Жди!

Да с такой уверенностью, так сурово, что Лариса чуть не расхохоталась.

Она отправилась в прабабкину комнату, включила телевизор и, продолжая посмеиваться над собственной глупостью — надо же, пошла на поводу у выжившей из ума старухи! — вольготно устроилась в кресле. Приспособив под пепельницу одно из блюдец, стоявших на захлапленном круглом столе, она закурила. Ей было совершенно наплевать на то, что бабка наверняка разозлится.

Время шло к полуночи, на экране мелькали кадры какого-то боевика, Лариса увлеклась и не заметила, как пролетел целый час.

Взглянув на часы, она разозлилась: «Теперь из-за старой карги клизму от маман получать! Ведь не поверит же, что я у бабки столько времени проторчала!»

Она сердито выключила надоевший телевизор, и темнота в комнате сгустилась.

Свет от убогого, годов шестидесятих торшерчика вырывал из словно бы клубившейся тьмы небольшой круг, озарявший только подлокотник кресла, руку с дымившейся сигаретой и клочок вытертого, утратившего цвет ковра. Старуха за стенкой телевизор тоже выключила, и по квартире потекла густая, действовавшая на нервы тишина, оживляемая только непонятными шорохами и шелестами.

Ларисе вдруг стало не по себе. Ей показалось, что где-то, чуть выше уровня пола, почти бесшумно мечутся почти не различимые силуэты. Не веря в их существование, не желая разбираться в природе того, что вызвало у нее такую странную иллюзию — да скорее всего занавеска от сквозняка шевелится! — она против воли напрягла глаза и едва сдержала крик! Там были кошки! Десяток, может быть больше. Это были странные кошки. Пасти их были сжаты, точно стянутые аптекарскими резинками; глаза — закрыты, точно они не нуждались в том, чтобы что-то видеть, или же глаза им заменяли пустые глазницы, залитые мраком. Все они были черны, чуть чернее тьмы, в которой прятались. Они суетились, перебегая с места на место, беззвучно точили когти о ковер, били хвостами и ждали...

Чего?! Удобного момента, чтобы наброситься на нее?! Лариса застыла, боясь пошевелиться. Сколько времени она просидела

так, она не знала. Станный звук извне — не то скрип, не то скрежет — заставил ее очнуться от оцепенения.

Она вскочила, обливаясь холодным потом, так и не поняв, что это было — сон или наваждение, и метнулась к двери, за которой нос к носу столкнулась с прабабкой. Как та вошла в квартиру, Лариса почему-то не услышала.

— Тихо, ты, оглашенная! — цыкнула Аграфена Антиповна и бодрым шагом направилась на кухню к раковине. Не зажигая света — в окно кухни светил уличный фонарь — она включила воду и принялась старательно отмывать руки от чего-то темного, засохшего неровной коркой. С рук ее в чугунную, кое-где облупленную и проржавевшую раковину стекали грязные струйки воды.

Она подняла на Ларису глаза, в которых той вдруг почудился странный, хищный блеск. Тот блеск, которого напрочь были лишены пустые глаза только что привидевшихся ей кошек.

— Чего ждешь? — как ведьма, оскалилась прабабка. — А-а! Ну да... Ступай. Он поможет. Обещал.

— Кто — он? — онемевшими губами пролепетала Лариса. Бабка казалась ей свихнувшейся вампиршей из глупого ужастика, которая перешла на кошачью кровь, потому что ей по неведомым причинам разонравилась людская. В том, что с рук прабабки стекла перемешанная с водой кровь, Лариса не сомневалась ни секунды.

Того, что она собирается убить кота, Аграфена Антиповна не скрывала, но... Лариса почему-то была уверена, что прабабка его удавит, или шею ему свернет, или... Ну еще что-нибудь. Девушку заташнило. Неведомый Он представлялся ей чуть ли ни дьяволом...

— Чего стоишь, говорю? — чуть повысила голос бабка. — Ступай. И вопросов дурацких не задавай! Не твоего ума дело.

Лариса не помнила, как добежала домой. Понимая, что едва ли сможет уснуть после пережитого кошмара, она стащила из аптечки две таблетки димедрола и забылась тяжелым, похожим на бред сном.

Однако утром она почувствовала себя гораздо лучше и поднялась в полной уверенности, что дурацкие кошки — всего лишь игра ее воображения, а бабка попросту над ней поиздевалась или использовала, потешив свой старческий маразм.

Когда же Ларисе позвонил Гаврилов...

Да плевать ей было, какой ворожкой заставила его бабка влюбиться в нее, Ларису. Пусть чокнутая старуха хоть десяток кошек перебьет, ей-то самой рук пачкать не придется!

Лариса не сразу поняла, почему злобная прабабка вдруг взялась помогать ей. Однако последние события заставили ее кое о чем призадуматься и сделать кое-какие выводы. Оказалось,

что общение с фуфлыжником Гавриловым вовсе не было бессмысленным. Сначала она злилась — какого черта Аграфена, раз уж такая умная, не сказала ей, что Гаврилов — ноль без палочки? С другой стороны, разве бы она бабушку послушала? Нет, конечно. Но... Получалось, что Аграфена заранее знала, что Гаврилов научит ее, Ларису, чему-то такому, что послужит в итоге достижению ее цели? А единственная прабабушка — сидеть в своей пещере и иметь возможность проводить там какие-то идиотские колдовские обряды! Причем заниматься этим она, похоже, может только там. Теперь, если удалось повлиять на Аллу Владимировну — это все-таки не чокнутая Капитолина, — Лариса доведет свое дело до конца и... Тогда Аграфене и карты в руки! Пусть приворожит к ней, Ларисе, Майорова и живет себе дальше со своими домашними чертями. Но будет она тогда у Лары — в кулаке! Как муха глупая. Захочется кого-нибудь еще приворожить — приворожит, куда денется!

В конце концов Майоров сам по себе Ларису нисколько не интересует. Ее интересуют только его деньги. Ее интересуют деньги вообще, но добывать их так, как она это делала до сих пор, ей больше не хочется... Брак — вот идеальный путь к достижению благополучия. А там и Майорова можно будет заменить кем-то помоложе да посимпатичнее! Просто из тех, кто мог дать Ларисе вожделенное благополучие, он один оказался в поле ее зрения. Вернее, не совсем так, — к другим у нее не было шанса подступиться.

И все-таки, как ни крути, прабабушка ее использовала. Но ведь и она использовала прабабушку!

От всех этих мыслей голова у Ларисы шла кругом. Она и верила и не верила в то, что происходило на ее собственных глазах и частично по ее воле.

«Интересно, что у меня получилось на этот раз? — думала Лариса. — Алла Владимировна все-таки действительно не выжившая из ума старуха! Вдруг не сработало?»

Лариса миновала кухню, где мать гремела кастрюлями, и стала одеваться в прихожей.

— Куда? — спросила мать, выглядывая из-за обшарпанной двери.

— На Кудыкину гору! — как всегда изысканно вежливо ответила ей Лариса и выскочила в подъезд.

Маша бежала по улице, сломя голову. Получаса не прошло с того момента, как она, распрощавшись с Лиской, закрыла за ней дверь...

Мать успокоилась, вняв здравым доводам Маши, относительно того, что суеверия — суеверия и есть, и нельзя принимать их всерьез и уж тем более пугаться и переживать из-за каких-то карт.

Наталья Дмитриевна повеселела и даже стала ворчать, сердясь на отца за то, что «на семью у него никогда времени нет!».

— Не работа — так халтура, не халтура — так эта металлическая инвалидка, по которой свалка плачет! Да я лучше на электричке к нашим съезжу, если уж надо будет! Все равно эта консервная банка больше бензина жрет, чем толку с нее...

Маша слушала невнимательно — все мамины аргументы в пользу истребления ничем, в сущности, не мешавшей ей машины девушка знала наизусть. Знала она и то, что, останься отец дома, мать непременно нашла бы, чем его озадачить. Немедленно бы выяснилось, что ковры давно пора выбить на улице, что поджия срочно нуждается в покраске, что неплохо бы разобрать антресоли, что петли некоторых дверок стенок что-то подозрительно скрипят, что у кухонного стола расшаталась ножка... Одним словом, нашлась бы тысяча дел, а вечером мать заявила бы с упреком:

— Игорь! Ну почему вечно так получается? В выходной мне удается отдохнуть, только когда тебя нет дома!

Так что Маша почти не прислушивалась к тому, что говорила мать. Ее не оставляла неясная тревога, мучило странное беспокойство, которого она не могла объяснить. Может быть, поэтому телефонный звонок прозвучал для нее громовым набатом. Сердце немедленно оборвалось, ухнуло куда-то в желудок и заколотилось там, вызывая тошноту и озноб. Она опередила мать и первой схватила трубку.

Лискин голос зазвучал, как с того света. Она не плакала, скорее говорила безучастно, как человек, который перешагнул последний предел отчаяния.

— Маша, я тебя очень прошу, приходи скорее... Только ни о чем не спрашивай!

— А что?.. — заикнулась Маша и тотчас же осеклась — ведь Лиска просила ни о чем не спрашивать. — Иду.

Она повесила трубку и несколько секунд постояла, не поворачиваясь, стараясь справиться с лицом, по которому мать немедленно поняла бы — что-то случилось...

— Ну что там еще? Что? — недовольно спросила Наталья Дмитриевна.

— Мам, Лиске какую-то сногшибательную кассету принесли. На один вечер. Я пойду?

— Ну надо же? Не успели расстаться!

По ее тону Маша поняла, что мать вовсе не сердится.

— Ну мам!..

— А ужин?

— У Лиски поужинаю.

— Не позже одиннадцати!

Маша уже натягивала куртку и радовалась тому, что в полутьме прихожей мать не могла разглядеть выражения ее лица...

Сворачивая во двор Лискиного дома, Маша услышала треск мотоциклетного мотора и оглянулась, ожидая увидеть «Ромео» на мотоцикле, но увидела... Ларису Смирнову, которая сворачивала в соседний проулок.

Сердце Маши опять болезненно екнуло, но она поспешила успокоить себя тем, что, в конце концов, не столкнулась со Смирновой перед дверью Лискиной квартиры, что Лариса могла идти вовсе и не оттуда и что вообще она, Маша, могла и обознаться. Однако беспокойство росло в ней с каждым шагом.

Подойдя к двери квартиры Майоровых, она была уже на грани истерики, и несколько секунд просто не могла заставить себя нажать на кнопку звонка.

То, что она увидела, превзошло самые худшие ее ожидания. Лиска взяла ее за руку и, не дав ни разуться, ни раздеться, провела в спальню родителей.

Там, забившись в угол возле окна, на полу, скорчившись, сидела похожая на собственное привидение Алла Владимировна. На ее халатике темнели странные бурые пятна, волосы были растрепаны, а голова странно тряслась.

Маша подошла ближе. Алла Владимировна подняла голову и затравленно на нее взглянула, скорее всего, не узнавая.

Рука женщины медленно поднялась к горлу и тотчас же безвольно упала. И только в этот момент Маша разглядела страшные следы когтей, покрывавшие ее шею.

- Она не дает ни промывать, ни забинтовать... — тихо сказала Алиса.

- Ты отцу позвонила?

- Не дозвонилась. Он уехал на какую-то важную встречу с выгодными клиентами. А сотовый, наверное, в машине оставил.

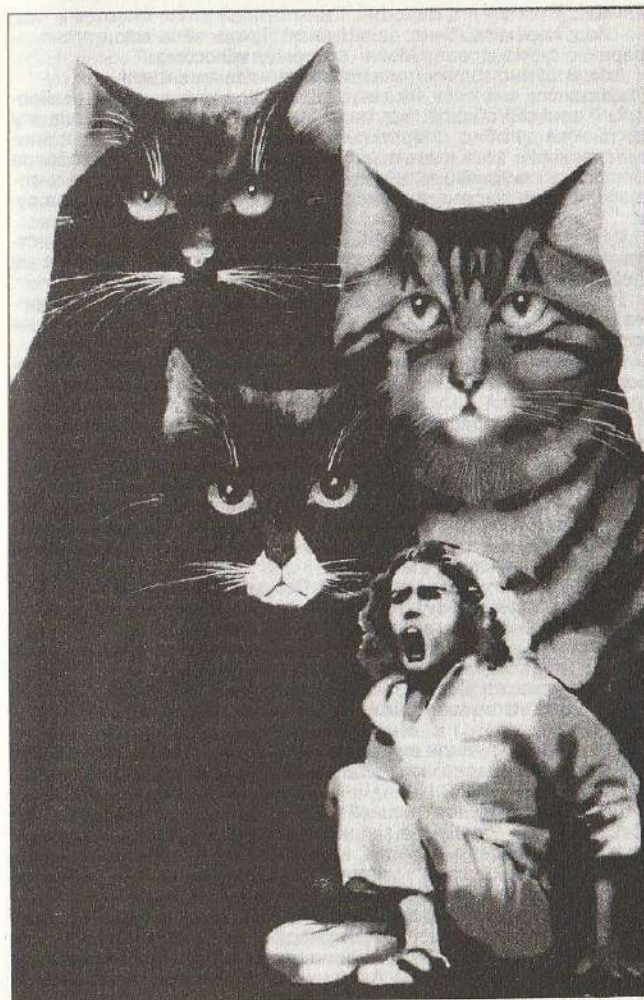
- Врача... — Маша подавилась недосказанной фразой.

- Какого? — горько спросила Алиса. — Из психиатрической скорой?

Естественный страх нормального человека перед психическими заболеваниями и их последствиями неистребим. Очень больно осознать и тем более признать публично, что близкий и дорогой тебе человек утратил рассудок. Нездоровое любопытство окружающих, их притворное и даже искреннее сочувствие в подобных случаях страшат не меньше, чем сама болезнь...

Маша встряхнулась. Рано или поздно придет Сергей Сергеевич. Он что-нибудь придумает, найдет правильное решение. У него большие возможности, не сравнимые с возможностями обычного, среднего человека. Он организует для Аллы Владимировны квалифицированное лечение, наблюдение и уход, а пока... Пока не следовало поднимать шума. Но ведь нельзя же оставить ее так?..

Она встряхнулась и вернулась в прихожую.

- Маш?

- Иод, перекинь, бинт, валерьянку! Лучше носи всю аптечку, - уверенно скомандовала Маша, стаскивая кроссовки.

Алиса шумно вздохнула и пошла за медикаментами.

«Неужели она хоть на секунду предположила, что я ее брошу?» - с легкой обидой подумала Маша и тотчас же отогнала эту мысль - не до обид. Старательно изображая полное спокойствие и уверенность, хотя у нее все поджильчики тряслись, она отобрала из коробки, заменявшей в доме редко болеющих Майоровых аптечку, нужное, засучила рукава свитера и тщательно вымыла руки.

- Сначала нужно выпатчить ее оттуда, - сказала Маша, чувствуя, как улетучивается ее показная уверенность при взгляде на несчастную, не похожую на себя Аллу Владимировну.

Девушки подошли к Алле Владимировне с двух сторон и, присев на корточки, принялись мягко уговаривать ее перебраться на постель.

Постепенно из глаз ее ушел ужас, она как будто бы начала понимать, кто рядом, даже слабо улыбнулась. В Маше проснулась надежда.

- Кто вас поцарапал, Алла Владимировна? - осторожно спросила она.

Женщина тотчас же встревожилась, напряглась и, вытянув шею, завертела головой.

- Кошки! Я их видела во сне... Много раз! А потом они превратились в одну... такую большую... такую страшную! Вы прогнали ее, девочки?!

Алиса беззвучно заплакала.

- Да, да, прогнали, тетя Алла! Пойдемте, вам надо лечь... - проговорила Маша, помогая женщине подняться.

20

Когда приехал Сергей Сергеевич, Алла Владимировна мирно спала. Раны на ее шее были неумело, но старательно перевязаны.

Девушки рассказали ему обо всем случившемся, и Маша впервые в жизни увидела, как человек на глазах может почернеть и осунуться.

Почувствовав себя лишней, она распрощалась и ушла, пообещав Алисе, что завтра зайдет к ней после занятий. О том, что сама Алиса поедет в институт, и речи не шло.

Спеша домой, чтобы успеть к условленному сроку и опозданием не спровоцировать мать на расспросы, которых она просто не вынесет, Маша думала об одном - как могло случиться, что причиной срыва у выжившей из ума старухи и у вполне здоровой Аллы Владимировны оказалось одно и то же - привидевшиеся им кошки? Капитолину и тетю Аллу ничто не связывало... Кроме до-

58

ма, в котором жила Капитолина Григорьевна и на который нацелился муж Аллы Владимировны. И еще их объединяло то, что они общались с Ларисой Смирновой.

Из невятного лепета Аллы Владимировны Маша с трудом, но поняла, что перед тем, как на нее напали кошки, в дом заходила вездесущая Лариса. Причем второй раз за день! Лариса была в квартире Капитолины Григорьевны, когда с той случился странный приступ... Забрали бабу в психушку или нет? Наверное, все-таки забрали... А может быть, и нет. Может быть, успокоившись, она пришла в себя, как Алла Владимировна, которая казалась совершенно нормальной, перед тем, как заснуть.

Маша решила выяснить это в ближайшее время и, если бабка Капа все-таки дома, расспросить ее с пристрастием. Кроме того, она собиралась поговорить и с Аллой Владимировной, когда та окончательно успокоится. Главное, Лариса обещала на порог не пускать Смирнову и оберегать мать от любого контакта с ней. И, кстати, рассказала Маше, что Лариса заходила к ним сегодня и в третий раз! Прямо перед появлением Маши. Услышав, что Алла Владимировна заболела, она предложила сбежать в аптеку и так противно при этом ухмылялась... Алиса ее еле-еле выводила.

Сергею Сергеевичу они о своих подозрениях не рассказали. Да и что они могли сказать? Что Лариска сглазила бабу Капитолину, а потом провернула такой же номер с Аллой Владимировной? Несмотря на то, что связь Ларисы с двумя несчастными случаями проглядывалась совершенно явственно, в глаза Маша не верила - она искала реальное объяснение случившемуся, и как ей казалось, нашла его. Все было очень просто - Лариска что-то подмешала и Капитолине и Алле Владимировне. Что? Куда? Как? Эти вопросы предстояло разрешить, досконально расспросив обеих пострадавших и сопоставив их показания. Маша так и сказала «показания», словно взяла уже на себя роль следователя, ведь и она и Алиса отлично понимали, что их подозрения в глазах официальных лиц, к которым пришлось бы обратиться, ничего не стоят. Мало того, девушки никогда в жизни наркотиками не баловались, в фармакологии не разбирались, а потому даже предположить не могли, какое средство могло вызвать подобный эффект. Но главное, что их смущало, - были кошки, кочевавшие из кошмара в кошмар, из видения в видение! Прямо наваждение какое-то кошачье!

21

Капитолина Григорьевна проспала весь день. Ей и раньше случалось подремать всласть после обеда, но чтобы проспать с утра до вечера - такого не бывало! Хотя после случившегося с ней сегодня она ощущала ужасную слабость. Еще бы, пережить такое.

59

Она радовалась, что сообразила не рассказывать в трампункте о нападении на нее кошачьих призраков. Выдала на ходу придуманную версию о нападении на нее в подъезде двух девиц с кроваво-красными когтями-бритвами, якобы требовавших у нее «кошелек или жизнь».

Медики перемигивались и пересмеивались, слушая ее рассказ, весьма смахивавший на бред, но вникать и разбираться не стали — обработав ей раны и вколов хорошую порцию успокоительного, отпустили домой. Работы и без чокнутых бабулек хватает, платят мало, так что себе лишнюю головную боль устраивать?

Капитолина Григорьевна домой возвращаться побаивалась, но идти ей больше все равно было некуда, так что, стараясь не шуметь, она открыла входную дверь, прошмыгнула мимо двери Антиповны, из-за которой слышались приглушенные голоса — Аграфены и Лариски, и заперлась у себя.

Чувствуя, что ее вот-вот сморит сон, она улеглась в кровать и, читая молитву за молитвой, заснула.

Вообще ее комната выглядела весьма странно. Убедившись в том, что Аграфена «ведьмачит» — наводит на нее порчу, чтобы извести, Капитолина обзавелась несколькими образками, которые смогла купить на свои скудные средства, и разместила их в «красном» углу, окружив бессмертниками, яркими искусственными цветами, вырезанными из белой бумаги кружевными салфетками, а также павлиньими перьями. Матушкино благословение — образ Богородицы — она повесила у себя над изголовьем. Этого ей показалось мало. Она выдвинула свою кровать на середину комнаты и, как Хома Брут, обеспечила себе укрытие — обвела охранным кругом, используя цветные мелки. Круг получился красивый, как радуга, — мелков она не пожалела. В магии Капитолина вовсе не разбиралась, а потому вместо каббалистических знаков написала по окружности — и снаружи и изнутри — слова молитв. Некоторое время она чувствовала себя в безопасности, но как-то подслушав, что Аграфена в очередной раз уходит около полуночи по своим ведьмачьим делам, принялась укреплять свои бастионы. Нарисовала кресты на рамах и на двери, но этого ей показалось мало, и, осененная вдруг снизошедшим на нее вдохновением, она все теми же мелками изобразила на двери Богоматерь с младенцем — копию своей иконы. Капитолина воспользовалась примитивной техникой перенесения и увеличения рисунка с помощью сеточки. Трудилась она несколько недель и, как ни странно, у нее получилась настоящая картина.

Ночами, когда Аграфена уходила из дому, Капитолина никак не могла понять — куда? Кладбища поблизости не было, а куда еще бегать ведьме ночью? Ни ступы, ни помела у Аграфены не было, а далеко ли может уйти старуха? Как только наступал вечер, не дожидаясь ухода ведьмы, Капитолина окружала свою кровать свечами и усердно молилась, пока ее врагиня не возвраща-

лась домой. Как это ни удивительно, незадолго до возвращения Аграфены страх и напряжение несколько отпускали бабу Капу, и она засыпала.

Чем чаще уходила Аграфена, тем больше боялась Капитолина — ей казалось, что зло, которому служила Аграфена и которое готово было помогать ей в злых делах, сгущается, концентрируется, с каждым днем набирает силу.

Капитолина стала зажигать свечи ежевечерне — только так она чувствовала себя защищенной от злых чар.

И вот — сегодняшний ужас!.. Каким образом удалось Аграфене материализовать кошмар, который она насылала на несчастную Капу чуть ли ни каждую ночь (раньше страшные кошки скалились, точили когти, но не нападали, только угрожали), Капитолина Григорьевна понять не могла, но то, что это случилось, говорило о приближении страшной развязки. Капитолина решила действовать. Если она сама себя не защитит, никто ей не поможет. Даже батюшка в церкви, которую она посещала многие годы, стоило ей после долгих колебаний заикнуться об Аграфене и колдовстве, замахал на нее руками и прогнал.

Капитолина Григорьевна была уверена, что в эту ночь ведьма Аграфена пойдет благодарить своего дьявола, чуть не уморившего ее, Капитолину, среди бела дня.

Выспавшись, она чувствовала себя как никогда бодро. Не зажигая света и даже свечек, она уселась на стуле возле двери и стала ждать, беззвучно повторяя:

— Я тебя проясню, я тебя на чистую воду-то выведу! Будешь знать, как колдовать! Как порчу наводить!

Ждать ей пришлось недолго.

Аграфена, не слышавшая, как вернулась ее соседка, была уверена, что той до сих пор нет дома, и вышла, не таясь и не скрываясь. После того как за ней захлопнулась дверь, Капитолина выскользнула из своей комнаты и припала ухом к скважине входной двери. Явственно слышались тяжелые, шаркающие шаги Аграфены.

Капитолина очень осторожно приоткрыла дверь.

Шаги Аграфены стихли.

«Черт ее, что ли, унес? — подумала бабка Капа и тотчас же услышала тихий скрип, шорох и негромкий хлопок. — Да она же в подвал ходит! И откуда только ключ добыла?.. Так что же, она черта своего прямо в доме поселила?!»

Капитолину Григорьевну окатила холодная волна ужаса, и все-таки она начала медленно спускаться, движимая непреодолимым любопытством, желанием разобраться, что все-таки происходит, и по возможности положить этому конец.

Аграфена не то совершенно обнаглела, решив, что находится одна во всем доме, не то утратила бдительность — она не только не закрыла за собой дверь подвала, но даже и не притворила ее.

Капитолина прикинула к щели. Короткий, всего в несколько ступенек, пролет лестницы, которая вела к подвалу, слабо освещала горевшая в подъезде лампочка. В самом же подвале стояла густая темень — только от дальней стены, откуда-то справа, пробивался рассеянный блеклый свет. Что там происходит, Капитолина разглядеть не могла, для этого надо было открыть дверь пошире. Бубнящий голос Аграфены, словно бы разговаривавшей с кем-то, звучал нечетко, слов Капа разобрать не могла. Движимая любопытством, пересилившим страх, она все-таки приоткрыла дверь пошире и просунула голову в пугающую темноту подвала.

У правой стены действительно стояла Аграфена и, склонив голову, что-то бормотала. Глуховатая Капа все равно не разобрала ни слова.

Над каким-то возвышением, представлявшимся Капитолине смутно-темным пятном, сливавшимся с тьмой, словно бы парили две свечи. По полу, возле ног Аграфены, скользили хорошо знакомые Капе темные, почти неразличимые силуэты — кошки, столь часто пугавшие ее по ночам.

Щурясь и изо всех сил напрягая глаза, Капитолина старалась рассмотреть — чему же это молится Аграфена? Насчет того, что она именно молится, сомнений не возникало. Однако ни идола, ни страшной маски с клыками и рогами, ни какого либо иного предмета возле свечей не было.

Неожиданно в подвале возник сквозняк. Словно небольшой вихрь промчался. Пламя свечей задрожало, заколебалось. По лицу Капитолины кто-то будто бы провел ледяной рукой, и она чуть не завопила от страха.

Размытый, слегка светящийся вихрь взметнулся прямо перед Капитолиной, и она, и так уже обмершая от ужаса, бросилась прочь.

Однако как ни была она испугана, все-таки у нее хватило ума, на цыпочках взбежав на второй этаж, с величайшей осторожностью открыть и затем запереть дверь и затаиться в своей комнате, по-прежнему не зажигая света.

Она слышала, как спустя примерно полчаса вернулась Аграфена Антиповна. Ходила по квартире она все так же не таясь, из чего Капитолина Григорьевна сделала вывод, что соседка ее не заметила.

Бабка Капа лежала, по самую шею укрывшись одеялом, и молила Бога об одном: чтобы Аграфена не услышала, как стучат ее зубы.

Маша вернулась из института рано и страшно обрадовалась, не застав мать дома, — видимо, та проводила дополнительные занятия со своими «оболтусами и лоботрясами». Если

вчера ей удалось отвертеться — сославшись на то, что она поужинала у Алиски (какой там ужин, Маше и дома-то кусок в горло не полез бы!), она быстренько приняла душ и улеглась спать, — то сегодня мать наверняка пристала бы с расспросами — что за фильм они смотрели? Пришлось бы выдумывать, врать. А у матери — видимо, это профессиональное, — абсолютный слух на вранье.

Маше страшно не хотелось, чтобы она узнала о болезни Аллы Владимировны: еще, не дай Бог, вспомнит о дурацком гадании, разнервничается...

Она поспешно намазала маслом два бутерброда, проглотила их, даже не почувствовав вкуса, запила холодным несладким чаем и выбежала из дому.

Направляясь к Майоровым, она по пути собиралась заскочить к Капитолине Григорьевне — вдруг она все-таки дома?

Сказано — сделано.

На улице моросил мелкий противный дождик, и Маша пожалела о том, что не прихватила с собой зонтик.

Поднявшись на второй этаж по лестнице, не видевшей уборщицы как минимум год, она озадаченно уставилась на табличку, привинченную на двери нужной ей квартиры лет пятьдесят назад, а то и больше. Буквы почти стерлись, слились с покрытой слоем грязи поверхностью, но Маше удалось прочитать расположенные строго в алфавитном порядке фамилии:

Арефьевы — 1 зв.

Бабурины — 2 зв.

Смирновы — 3 зв.

Яковлевы — 4 зв.

«Замечательно! — подумала Маша. — А фамилии-то Капитолиной я и не знаю! Что делать? Спускаться вниз, искать старух и выяснять у них? А кого сейчас найдешь? Дождик».

Она попыталась вычислить Капитолину фамилию «методом научного тыка».

Смирнова — прабабка Ларисы, значит, три звонка сразу отпадают. Арефьева Люся училась с ней в одной школе классом старше, а у Капитолины никого нет, один звонок тоже отпадает. Остаются Бабурины и Яковлевы. Пятьдесят на пятьдесят.

Маша подумала и нашла компромиссное решение — сделала два раза по два звонка. Как хотите, так и понимайте: или она звонит гражданке Яковлевой или от нетерпения дважды подряд Бабуриной.

Ей повезло.

— Кто там? — почему-то шепотом спросили из-за двери.

— Здравствуйте... Скажите, Капитолина Гавриловна... то есть, Григорьевна, дома?

— А ты кто?

- Я? - Маша как-то не подумала о том, как объяснит свой визит к практически незнакомой старухе. Она же просто может отказаться разговаривать с глупой девчонкой, вздумавшей приставать к ней с идиотскими вопросами. - Я... э-э-э... из собеса.

Дверь открылась, и из-за толстой цепочки на Машу уставились острые старушечьи глаза.

- Из себе-е-са? - насмешливо протянула она. - Чего ж так врешь-то по-дурацки? Ну кто тебя, соллю зеленую, к собесу-то подпустит? Там люди солидные работают... а ты... Я тебя знаю, ты Машка, Натальяна дочка, - заключила она, как припечатала, и собралась захлопнуть дверь перед Машиным носом.

- Капитолина Григорьевна! - воскликнула Маша, успевшая вставить ногу между косяком и дверью. - Мне очень нужно с вами поговорить! Понимаете, с одной моей знакомой случилось... то же, что и с вами вчера! Я хочу...

- Ногу-то убери, а то как я цепочку сниму? - проворчала бабка, и Маша послушно убрала ногу, совершенно не испытывая уверенности в том, что старуха все-таки ее впустит.

Беседа с Капитолиной Григорьевной Машу разочаровала.

Бабка почти бегом протащила ее по коридору, влихнула к себе в комнату и заставила усесться на не слишком опрятную кровать, от которой веяло каким-то особым старушечьим запахом - смесью лекарственной вони, плесни и затхлости. Вообще воздух в комнате свежестью не порадовал, окно и балкон были заперты наглухо.

Оглядевшись, Маша поняла, что с рассудком у Капитолины Григорьевны полная беда, причем далеко не со вчерашнего дня. Оформление комнаты не то что говорило - кричало о давней паранойе, глаза же старухи, то сходявшиеся к переносице, то смотревшие чуть ли ни под прямым углом друг к другу, наводили на мысли о застарелой шизофрении.

Как ни выпытывала у старухи Маша - могла ли Лариса Смирнова подсыпать ей что-нибудь в пищу? - ничего толком добиться не смогла. Капитолина Григорьевна как будто не понимала, о чем идет речь. Талдычила и талдычила, как заведенная, о ведьме Аграфене, которая водится с чертями и привидениями и напускает на нее, Капитолину, кошек-убийц. По ее словам, привидение она видела вчера своими глазами в подвале, где Аграфена устроила настоящее капище, а в реальности кошек-призраков вообще сомневаться не приходилось - иначе кто бы ей так шею разделал?!

- Не успела я до своего заветного круга добраться! - сетовала Капитолина Григорьевна. - На пороге они меня достигли! Еще бы два шажка сделала, и ни за что бы им меня не схватили!

Круг, нарисованный на полу цветными мелками, с оплывшими свечами, стоявшими по периметру, вообще показался Маше во-

площением маразма, в который впала несчастная одинокая старуха.

Придя к выводу, что дальнейшие расспросы бесполезны, Маша распрощалась и ушла.

23

Врач, который должен был прийти - отец позвонил и сказал, что договорился с хорошим специалистом, - задерживался, но Алиса почти не нервничала. Мама была в полном порядке - совершенно такая же, как обычно. Нет, кое-какие странности были: хотя Алла Владимировна полулежала в кресле с удовольствием перечитывала любимую книгу «Унесенные ветром» и не проявляла никаких признаков беспокойства, она напрочь забыла о том, что произошло вчера и была убеждена, что у нее - ангина. Она даже сделала дочери выговор: пропускать занятия из-за такого пустяка - не дело, ведь у нее, у Аллы Владимировны, даже температуры нет и в сиделке она не нуждается. А уж с врачом, который придет по вызову, она сама как-нибудь разберется.

Алиса, наблюдая за ней, уверилась, что непосредственной опасности повторения приступа нет, но, не посоветовавшись с врачом, не следует расспрашивать маму о том, что же все-таки случилось. Она не сомневалась, что Маша поймет ее и не будет настаивать.

Ожидая подругу, Алиса то и дело выглядывала в открытое окно, та запаздывала. Но ждала она не только Машу. В шесть обещал приехать Максим, и Алиса надеялась, что Маша сумеет тактично объяснить ему, почему она, Алиса не сможет сегодня с ним встретиться.

Мама несколько раз говорила, слегка хмурясь:

- Алиса, а я не простужусь еще больше?

- Мамочка, ты же не на сквозняке, а у нас ужасно душно. Свежий воздух не помешает. И потом на улице так тепло.

- Но ведь дождик?

- Зато он всю пыль прибил.

И Алла Владимировна будто бы соглашалась. Потом, заметив, что дочь словно прилипла к подоконнику, возвращалась к этой теме, и диалог повторялся с незначительными вариациями.

Алиса была терпелива и отвечала мягко и ласково.

Услышав звонок в дверь, она встрепелась и пошла открывать - она отвлеклась от наблюдений, разговаривая с матерью, и не знала, кого ожидать - Машу или врача.

Алла Владимировна вдруг заволновалась:

- Алиса, как же так? Куда ты подевала градусник и лекарства? Что подумает врач? Будет же неудобно!

- А-а... А они в спальне, мамочка! Я потом принесу! - нашлась Алиса.

Пока она открывала, Алла Владимировна, раздраженно покачивая головой, поднялась и направилась в спальню — за лекарствами, которых там, естественно, не было.

Увидев Ларису Смирнову, Алиса оторопела, та как ни в чем не бывало бросила:

- Привет! Родаки дома? — и, отряхнув мокрый зонтик, вознамерилась перешагнуть порог.

- Нет, — жестко ответила Алиса, оттесняя ее грудью и пытаясь захлопнуть перед ее носом дверь. — Никого нет.

- Ну как же нет-то?! — возмутилась Лариса, приподнимаясь на цыпочки и заглядывая за ее плечо. — Алла Владимировна!

Алиса оглянулась и ощутила полную беспомощность — мать стояла на пороге спальни такая несчастная, бледная и растерянная... И как кролик на удава смотрела на Ларису.

- Мама болеет! — почти грубо выкрикнула Алиса. — Я же тебе уже говорила!

- Ах, болеет... Ну да, на да... — На губах Ларисы появилась зловонная ухмылка, от которой у Алисы мурашки побежали по спине.

«Машка была права! Что она сделала, я не знаю, но это она... она!» — мелькнула у нее мысль. То, что произошло дальше, было совершенно непонятно, но ужасно напугало Алису, более всего своей непонятностью.

Продолжая улыбаться зловеще и злорадно, как злая колдунья из мультфильма, Лариса громко и отчетливо произнесла:

- Как ваше грязное зеркало, Алла Владимировна? Вы его вымыли, ваше грязное зеркало? Зеркало, Алла Владимировна, зеркало!

Потом она громко рассмеялась, развернулась и пошла к лифтам.

Алиса поспешно захлопнула дверь, обернулась и увидела, как мать шмыгнула на кухню.

- Мама, если ты чего-нибудь хочешь, я сама тебе принесу!

Не получив ответа, Алиса пожала плечами и вернулась в гостиную. Ей не давали покоя idiotские, совершенно бессмысленные слова Ларисы и ее поведение в целом. Что ей было нужно? Зачем она приходила и причем тут какое-то зеркало?

В кухне что-то грохнуло, но в этот момент Алиса увидела торпливо входившую во двор Машу и приветственно махнула ей рукой. Маша, широко улыбаясь, махнула в ответ. С минуты на минуту должен был появиться Максим. Так и случилось. Рокот мотора, ворвавшийся в открытое окно, на миг заглушил все остальные звуки, Алиса повернулась, чтобы возвратиться в прихожую, встретить Машу и сразу же отправить ее обратно — к Максиму, и...

Посреди просторной гостиной мать, не издавая ни звука, яростно сражалась с невидимым врагом, отчаянно размахивая огромным кухонным ножом.

- Мама!!!

Алла Владимировна издала глухое рычание и, глядя на дочь совершенно безумными глазами, сделала выпад ножом в ее сторону.

Алиса, стоявшая спиной к окну, в ужасе отшатнулась. Каблуки стареньких, но таких любимых и удобных шлепанцев заскользили по паркету... Она попыталась удержаться за раму, но пальцы лишь царапнули по пластику, невысокий подоконник ударил под колени...

Крик падавшей Алисы слился с криком Маши.

Алла Владимировна даже не заметила, что только что стоявшая в оконном проеме дочь — исчезла. Она продолжала сражаться с невидимым никому, кроме нее, страшным хищником, который тянул страшные лапы, чтобы сорвать повязку с ее горла. Мечась по комнате, она наткнулась на кресло, опрокинула столик с китайской вазой, споткнулась о пуфик и упала, неудачно повернув руку. Кухонный нож, зажатый в ее кулаке, вонзился в горло...

Алла Владимировна умерла мгновенно. Даже не успев понять, что умирает...

Маша бросилась к подруге.

- Лиска-а!

Алиса лежала на асфальте, неестественно подогнув левую ногу. Глаза ее были закрыты.

Маша склонилась над ней, приподняла ее голову рукой:

- Лиска! Лиска!

Губы Алисы шевельнулись, но Маша не расслышала того, что пыталась сказать ей подруга.

- Что?

- Она... скас-с... зерка... ло... — сделав огромное усилие, проговорила Алиса и закрыла глаза.

- Лиска! Ли-иска!

Маша вскинула голову и увидела, что вокруг них собирается толпа.

- Да позвоните же в «скорую»! — закричала она.

- Уже...

- Вы сказали, что она жива? Сказали?! — В голосе Маши зазвучали истерические нотки.

Ей никто не ответил.

Маша застыла в неудобной позе, на корточках, боясь шевельнуться, чтобы не повредить Алиске. Краем глаза она видела, как из Лискиного подъезда выскользнула очень знакомая фигура и, даже не поинтересовавшись, почему собрались люди, заспешила прочь. Маша знала, что это почему-то очень важно, но не могла думать об этом сейчас, когда на руках у нее умирала Лиска.

«Перезвоните, перезвоните, скажите, что она жива! А то они не скоро приедут! Перезвоните же! Она жива! Жива! Скажите им, что она жива! Она жива! Жива!» — как заклинание твердила Маша, не замечая, что по щекам у нее, не останавливаясь, катятся слезы.

Алиска открыла глаза и прошептала:

— Ма... ша... Ма... кси...

Веки ее сомкнулись, но не до конца. Между ними осталась узкая, совершенно белая полоска...

Подъехала, завывая сиреной, «скорая помощь». Машу оторвали от Лиски, которую немедленно уложили на носилки и внесли в салон реанимобиля. Маша сунулась следом, но ее бесцеремонно отстранили.

— Вы родственница? — услышала она у себя над ухом чей-то незнакомый раздраженный голос и замотала головой.

— Так отойдите, не мешайте!

Кто-то взял ее за плечо, отвел в сторону. Она тупо подчинилась и так и осталась стоять, не способная ни шевельнуться, ни вздохнуть. Воздух словно застрял в легких, и она почему-то была уверена, что если попытается дышать, то он вырвется вместе с криком, который она не сможет ни удержать, ни остановить.

— Куда ее повезут?

Она медленно поняла глаза и встретила взглядом с незнакомым русоволосым парнем в черной кожаной куртке.

«Максим», — равнодушно подумала она и отвернулась.

— Куда ее повезут? — настойчиво повторил он и почти приказным тоном добавил: — Встряхнись! Стыдно так распускаться!

И Маша вдруг почувствовала, что железный обруч, сжимавший ее грудь, немного ослаб.

— Я не знаю...

Он повернулся и двинулся к мотоциклу. Маша поспешила за ним.

Машина «скорой помощи» развернулась и, мигнув поворотником, стала вырывать из двора.

Парень сел в седло мотоцикла. Маша, ни слова не говоря, устроилась сзади. Он не возразил, только протянул ей шлем:

— Надень.

Маша поняла, что это тот самый шлем, в котором позавчера каталась по Москве Лиска, и почти беззвучно заплакала. Правда, теперь она осознавала, что плачет, и понимала, почему.

То, что происходило потом, Маша помнила плохо. Она и Максим подъехали к приемному покою вместе с реанимобилем и прошли вслед за каталкой, на которую уложили Лиску.

Лиску немедленно увезли, а они остались в неуютном, но довольно просторном помещении, где, кроме них, стояли и сидели люди с сосредоточенными, грустными лицами. Маша забилась в угол и приготовилась к долгому ожиданию. С ней

творилось что-то странное. Сознание ее словно раскололось на две половины, одна из которых билась, рвалась и кричала, успокоить ее могло лишь одно — появление живой и здоровой Лиски из-за во-он тех стеклянных дверей, за которыми мелькали размытые силуэты в белых халатах; другая — понимала, что это невозможно, и почти спокойно — как-то отстранено — анализировала ситуацию. После падения Лиски Маша видела, как из ее подъезда вышла Лариса Смирнова, которую она просто не сразу узнала, и не сомневалась: что бы ни произошло в квартире Майоровых, Лариска имела к этому прямое, непосредственное отношение!

Максим Шевырев куда-то уходил, возвращался, встретившись глазами с Машей, отрицательно качал головой и опять куда-то уходил. Наконец, он присел с ней рядом и замер. Губы его были сурово сжаты, кулаки, лежавшие на коленях, словно сводила судорога.

Маша взглянула на него, мельком подумала: «Ну какой из него Шон Бин? Рязань-матушка...» — и вдруг заговорила, словно эта нелепая, так некстати пришедшая мысль освободила ее от непосильного груза, принесла облегчение.

Она выложила ему все, что знала, рассказала о сумасшедшей бабке Капе и Алле Владимировне, столь неожиданно повредившейся рассудком, о привидевшихся им обоим кошках, и о Ларисе.

Максим выслушал ее, не перебивая, и только собрался что-то ответить, как из-за стеклянных дверей появился Сергей Сергеевич Майоров.

Маша бросилась к нему, но замерла, увидев его отрешенный, пустой взгляд.

Но он уже увидел ее.

— А, Маша... Ты тоже здесь...

— Лиска... — Машу едва не задушил ком, поднявшийся в горле.

— Нет больше Алисы... — медленно проговорил Сергей Сергеевич. — И Аллы... нет... Это она Алису толкнула, а потом... ножом себя...

— Она не толкала! — срывающимся голосом воскликнула Маша. — Я смотрела в окно! Аллы Владимировны рядом с Лиской не было!

— Может быть... Но... Не надо, Маша, что ты могла увидеть, это же восьмой этаж? Я должен был сразу отправить Аллу в больницу. Ничего бы не случилось... ей нужна была помощь, а я думал о репутации, о сплетнях...

Он махнул рукой и, странно скособочившись, быстро зашагал к выходу.

Маша зажала рот рукой, чтобы не закричать.

Максим положил ей руку на плечо.

— Пошли. Я тебя домой отвезу.

Окончание следует

Что нам делить? Поладим дело миром —
Не слишком славным миром нелюбви,
Ловя удачу, бегай по турнирам.
И — будь собой. А главное — живи.

У ЗЕРКАЛА

Как тебя мне вызволить
Из оков?
Как ты, моя близкая,
Далеко!
Татьяна Кайсарова

Примелькались мне давно твои черты —
Не дурна собой, но ведь не я, а ты,
Я-то знаю: я робка и некрасива —
Не ко всем судьба добра и справедлива —
Но привыкла, обхожусь без красоты.

Отражение — а правды ни на грош.
Ты моя почти намеренная ложь!
И когда, поверив гладкости зеркальной,
Друг обиженный уходит и печальный, —
Я клянусь тебя. И ты меня клянись.

* * *

Я вижу, как звёзды уходят в зарю.
И снова «спасибо» тебе говорю.
Спасибо, что я без тебя не могу.
Спасибо, что я от тебя не бегу.
Спасибо за теплое золото глаз.
За то, что всё грустно и трудно у нас.
Спасибо за то, что ночами не сплю.
Спасибо за всё, что в тебе я люблю.

* * *

Осень, золотая тишь,
Примиренье и смирение.
Шаг, другой — и угодишь
В неземное измеренье,

Как напев издалека,
На два голоса пропетый.

Где ещё прозрачней свет,
Где совсем не больно падать,
И забот привычных нет,
А живут любовь и память.

Ни утрат и ни обид
Будто вовсе не бывало.
Весь, до веточки, облит
Березняк закатом алым.

Да и память так легка,
Добротой полна приветной,

Стало к вечеру тянуть
Уж не осенью — зимою.
Отыщи скорее путь
В измерение земное!

Ярослава КОЛИНА

НЕПРИКАЯННАЯ ДУША

Роман

Иллюстрации Левона ХАЧАТРЯНА

25

Игорь Николаевич Князев озверел. Он вообще не выносил женских слез, а уж когда плакала его жена — это было совсем худо. Неостановимые рыдания Натальи Дмитриевны, измученные, полные боли глаза дочери, безуспешно пытавшейся ее успокоить, — все это полностью выбивало его из равновесия, буквально сводило с ума. Спасибо хоть Машка не ревела, но он отлично понимал, что держится она из последних сил.

Ему, разумеется, тоже было безумно жаль Алису Майорову и ее мать, конечно же, трагедия, случившаяся в семье лучшей подруги дочери, не могла оставить его равнодушным. Но то, что жена убивалась прежде всего из-за того, что предсказала смерть Алисы и не предупредила ее, пугало Игоря Николаевича до крайности. Этот факт он воспринимал чуть ли не как сигнал к тому, что жена готова свихнуться вслед за Аллой Майоровой.

Звонок Марины Константиновны Любарской, давней подруги Натальи Дмитриевны, показался ему спасательным кругом, брошенным утопающему, гибнущему среди волн бушующего моря.

— Марина! Я тебя умоляю, приходи скорее! Наташка меня сейчас утопит! — завопил он в трубку, услышав ее голос.

Его заявление повергло Марину Константиновну в некоторое замешательство.

— Это как? — с легкой заминкой спросила она.

Игорь Николаевич довольно путано, но с огромной экспрессией описал ситуацию, причем выболтал по запарке даже то, о чем упоминать не собирался, не желая дать Марине повод посмеяться над ним, «сугубым материалистом», — о «роковом» гадании, из-за которого Наталья так изводилась.

Однако оказалось, что, проболтавшись, он сделал самый верный ход.

Окончание. Начало в № 8

Марина сначала колебалась, выдвигала, с ее точки зрения, веские возражения — и поздно, и дождь, и «дай ей трубку, я ее так угомоню!» — но Игорь знал неистребимую ненависть Марины к незапланированным выходам на улицу и настаивал. Стоило ему упомянуть о гадании — Марина проворчала что-то неопределенное, вроде: «Опять полезла, идиотка! Говорила же ей...» — и бросила трубку.

Хорошо зная Марину, Игорь Николаевич сразу успокоился и пошел на кухню ставить чайник. «Скорая помощь» должна была прибыть с минуты на минуту.

Марину Константиновну Любарскую можно было с полным на то правом назвать человеком неординарным, экстравагантным и эксцентричным.

С Натальей Дмитриевной она дружила так долго, что Игорь Николаевич подшучивал над ними:

— Девочки, никому не говорите, сколько лет вы вместе, так вы сразу выдаете свой возраст! Помалкивайте, и никто и не подумает, что вам уже за двадцать.

Несколько скоропалительных браков Марины окончились крахом — мужья быстро уставали от ее причуд, и к сорока пяти годам она смирилась с одиночеством и абсолютно перестала тяготиться им.

Ее туалеты вызвали реакцию от «ну и ну!» до «вот это да!», но не заметить ее было просто невозможно. Пестрые, просторные, разлетающиеся хламиды, которым она оставалась неизменно верна, превращали ее в некое подобие колпны, полностью скрывая нелюбохо сохранившуюся фигуру. Марина терпеть не могла синтетики и всем тканям предпочитала шелка, причем умудрялась ходить в них даже зимой, компенсируя недостаток тепла длинной, до пят лисьей шубой. Она обожала тюрбаны и шарфы, которые завязывала самым немыслимым образом.

Шею ее постоянно обвивало невероятное количество цепей, цепочек и бус, на запястьях позвякивали самые разнообразные браслеты.

Ее коллекция украшений из полудрагоценных камней могла бы составить экспозицию небольшого музея, причем каждое из изделий являлось своего рода произведением искусства — она никогда не носила бус и сережек в том виде, в котором они попадали к ней из магазинов. Колье, герданы, подвески, серьги и браслеты из сердоликов, бирюзы, янтаря, топазов, гранатов, агатов, гагатов, жемчуга, перламутровых ракушек и крошечных раковин, колокольчиков, металлических висюлек, бисера и Бог знает чего еще, выполненные в технике бисероплетения, можно было рассматривать часами.

Кроме того, все эти вещи были не просто украшениями, они являлись талисманами на все случаи жизни, по крайней мере для Марины.

Она часто дарила свои работы Наталье и страшно сердилась, замечая, что та их не носит — для ПТУ они были слишком экстравагантны.

Дом Марины в полном смысле этого слова был ее крепостью — железная дверь и уйма запоров и замков, по ее словам, обеспечивали ей чувство защищенности — и не менее полно отражал ее странности.

Вся мебель в ее довольно просторной однокомнатной квартире была старинной, громоздкой и очень уютной.

Диван-книжку и два кресла укрывали пышные шоколадно-коричневые шелковые чехлы, выстеганные из пуховых одеял, так что человек, устроившийся в таком кресле, рисковал незаметно для себя погрузиться в сон, убаюканный пуховым коконом и непрерывным потоком Марининых речей, что не раз испытывал на себе Игорь Николаевич. Подушки, подушечки и «думочки» различных форм и цветов валялись даже на полу, соседствуя с разнообразными самодельными пуфиками, которые Марина изготавливала в огромных количествах, уверяя, что это занятие успокаивает нервы.

Повсюду — на платяном шкафу, на старинном буфете, на изголовьях на заказ книжных полках, полностью занимавших одну стену комнаты, на пианино — стояли скляночки со святой водой, плоские с четверговой солью, свечи, «сухие» букеты, ароматические палочки и пирамидки на подставочках из сандалового дерева. Квартира была буквально пропитана ароматами разнообразных курений, оттого, наверное, в ней вовсе не чувствовалось запаха табака — курила Марина постоянно, что называется, не выпуская сигареты изо рта.

Все свободное пространство на стенах занимали иконы — в окладах и без, причем старинные и, похоже, дорогие. Переменялись иконы странными изображениями, в основном окружностями, заполненными другими окружностями, крестами, звездами, с непонятными каракулями, выполненными на белом шелке и заключенными в рамочки — их Марина называла охранными пантаклями.

Вообще квартира Марины была набита предметами, необходимыми для отправления самых разнообразных культов. Когда Марину спрашивали, какую, собственно, религию она исповедует, она сердилась и говорила:

— Религий много, а Бог — один, вот в него я и верю, а остальное не имеет значения.

Люстра, тоже старинная, но модернизированная, то есть приспособленная под электрические лампочки, состояла из причудливо изогнутых бронзовых рогулек и финтифлюшек, по которым вились полупрозрачные шнуры для подачи электричества, в незапамятные времена пропущенные неким умельцем. Рогульки, финтифлюшки и даже толстая цепь, на которой висела люстра, были опутаны сухими ветками и обвешаны колокольчиками, из-

дававшими жалобный звон всякий раз, когда кто-то проходил под нею — не задеть их было просто невозможно. К тому же неосмотрительно решившийся пройти под люстрой гость имел шанс обнаружить в волосах сухой листок, веточку или еще какой-нибудь мусор растительного происхождения.

Наталья Дмитриевна всегда восхищалась вкусом и выдумкой подруги, однако свое жилище предпочла оформить «как у людей». Когда же она вздумала подарить Марине появившиеся в продаже в изобилии искусственные растения, мотивируя это тем, что она «устала труху с твоей люстры из волос вымывать», Марина страшно обиделась, и дамы едва не поссорились первый раз в жизни.

«Твоя ветка искусственная, а у меня растения — живые, хоть и сухие, и к тому же подобраны со значением!» — заявила Марина и демонстративно выкинула подарок в окно. К счастью, вовремя вмешался Игорь Николаевич и сумел «задушить» конфликт в зародыше.

Дверные проемы кухни и комнаты, лишенные дверей, закрывали длинные, до полу, «бусы», тоже собранные из самых разнообразных предметов — раковин, ореховых скорлупок, деревянных бусин и цилиндров, колокольчиков, бубенчиков и прочей чепухи. Со специальных кронштейнов, прикрепленных к книжным полкам, к дверным косякам, а кое-где просто к стенам, свешивались странные конструкции — подвески из множества тонких деревянных или стеклянных трубочек или металлических корабликов и звездочек. Они служили для того, чтобы позвякиванием и постукиванием оповещать хозяйку о... появлении в доме нечистой силы.

Одним словом, Марина Константиновна действительно была личностью экстравагантной. Правда, Маша подозревала, что все ее причуды — просто поза.

Когда грянула перестройка, Марина с удовольствием бросила скучную работу и занялась «предпринимательством». К удивлению многих и прежде всего Натальи, совершенно не понимавшей, как это можно уйти на «вольные хлеба», лишиться государственной службы, она вполне преуспела.

Марина стала вязать, и ее работы продавались в художественном салоне очень неплохо. Потом увлеклась изготовлением штор, чехлов для мебели, абажурчиков, пуфиков, скатертей и... необходимость сдавать вещи в художественный салон отпала сама собой — среди «новых русских» распространилась мода на вещи, сделанные Мариной, она была, что называется, нарасхват.

Зарабатывала она достаточно, чтобы исполнять любые свои капризы — уже дважды съездила отдохнуть за границу, в Грецию и Египет.

Теперь ее манили зеленые холмы Англии, вот только подходящий тур не находился.

С Натальей Марина разобралась быстро — отругала, успокоила, напоила чаем из трав, которые принесла с собой, и уложила в постель, к вящему удовольствию Игоря Николаевича.

Крестница Маша вызвала у нее куда большее беспокойство. Девушка перенесла серьезное потрясение, и ее сухие, словно остановившиеся глаза говорили о том, что загнанная вглубь боль будет мучить ее гораздо дольше, чем это обычно бывает в юности. В таком возрасте утрата воспринимается острее, но забывается скорее, переносится легче. Молодости вообще свойственно жить быстрее, проскакивая иные вехи не оглядываясь, в спешке...

Марина увела Машу в ее комнату, прихватив чудодейственный чай из травок, усадила напротив и попросила рассказать все подробно, что девушка и сделала.

— Я уверена, что Лариска каким-то образом сумела подмешать наркотики и бабке Капитолине и Алле Владимировне! — заключила свой рассказ Маша. — Конечно же, дело тут ни в какой не в соли и не в пшенице, а именно в наркотиках или еще каких-нибудь лекарствах. Ведь бывает же, что кому-то лекарство может помочь, а для кого-то яд? Особенно, если много подмешать? Правда? Порча ведь это же ерунда какая-то средневековая! Но вот при чем тут кошки — никак не могу понять. Их вообще как-то слишком много в этом деле, а связи я не улавливаю...

Маша не упустила ни малейшей подробности: она даже описала свой визит к чокнутой старухе.

Внимательно слушавшая ее Марина неопределенно пожалала плечами и загадочно проговорила:

— Может быть, может быть... наркотики... А может быть, и нет! Зря ты в этот дом сунулась...

— К бабке Капе? Почему? Что такого?

Марина Константиновна зябко поежилась, хотя в комнате было очень тепло.

— Там зло, Машенька...

— Как это? Какое зло?

— Зло. А разве ты не почувствовала?

— Нет, — вполне искренне ответила Маша. Она действительно ничего особенного не почувствовала, кроме естественной брезливости — слишком уж грязно было в подъезде да и в комнате старухи.

— А Капитолина правильно делает, что защищается. Только... Если он силу наберет — и это не поможет... И вообще лучше бы она пентаграмму элементарную на двери изобразила, чем иконы малевать.

— Кто он?

Марина проигнорировала вопрос:

— Она хоть круг пентаграммой замкнула?

- Пентаграммой? Это такая звездочка в круге? Не знаю, круг не весь видно, может быть, за кроватью... Так кто он-то?

- Элементал. Дух. Скорее всего, дух человека, принявшего насильственную смерть в этом доме. С его помощью Аграфена навела чары...

Маша порывисто встала, и Марина замолчала.

- Тетя Марина! - укоризненно проговорила девушка. - Вы же взрослый умный человек! Как вы можете? Ну ладно, бабка Капитолина, она из ума выжила, а вы?..

- Сядь! - властно сказала Марина Константиновна и сразу же улыбнулась, будто хотела сгладить резкость тона. Маша послушно села.

- Закрываешься? Как Наталья? - мягко продолжила Марина.

- От чего?

- Твоя мать действительно предсказала смерть Ларисы. Есть у нее кое-какие способности. Только она всю жизнь так хотела быть «как все», что благополучно их в себе задавила. Почти задавила. И как показала жизнь, была в этом абсолютно права.

Маша, удивленная грустью, прозвучавшей в ее голосе, неожиданно для себя спросила:

- А вы... не задавили?

- Нет. И очень даже зря!

- Почему зря?

- Потому что столкнулась с таким, что испугалась... На всю жизнь... Извини, рассказывать не буду! Ни к чему это. А тот дом... я даже мимо него стараюсь не ходить. Вся шерсть дыбом встает!

Марина криво усмехнулась и заговорила вдруг горячо и сбивчиво.

- Обещай мне, Машенька... обещай забыть об этом! Нет, конечно, не об Алисе... Забудь об обстоятельствах ее гибели! Не лезь к ним! К этой Аграфене и Ларисе! Это очень опасно. Так опасно, что ты даже представить себе не можешь! Дай мне слово, Машенька! Нет, не перебивай! - вновь повысила она голос, заметив, что Маша сделала протестующий жест. - Ты никогда не докажешь, что Лариса что-то там подмешала Алле Владимировне, да она, скорее всего, ничего подобного и не делала! Но даже если так - за руку ты ее не поймала. Поверь, рано или поздно эта Лариса накажет сама себя. Зло всегда наказывает само себя, только жаль, ждать этого приходится слишком долго... Обещай мне, Машенька, что забудешь о существовании этой девицы, тем более, что виновата, почти наверняка, старуха... Не буду, не буду! Мистические объяснения тебя не устраивают, ну и слава Богу. Я не хочу тебе своей судьбы, так что лучше цепляйся за реальность, девочка, цепляйся, пока сил хватит!

Странные речи тети Марины совсем запутали Машу. Она почувствовала, что на нее наваливается необоримый сон - то ли чай тети Маринин подействовал, то ли бредовый разговор усыпил. Маша зевнула, прикрыв рот ладошкой.

- Спать хочешь? Ну и чудесно. Ложись. А когда засыпать будешь, думай о чем-нибудь приятном... Вспомни самые счастливые моменты своей жизни... И... ну, пожалуйста, пообещай мне, что выбросишь все из головы. Пожалуйста!

Под пристальным взглядом тети Марины Маша смутилась - она терпеть не могла врать, но эти взрослые... Они всегда вынуждают врать, добиваясь своего, а потом еще и обижаются...

Маша кивнула:

- Хорошо.

- Ну вот и ладненько, - обрадовалась тетя Марина.

Маша не стала дожидаться, когда вернется отец, ушедший проводить тетю Марину - время незаметно подошло к полуночи и он не решился отпустить ее одну, и улеглась спать.

Стоило ее голове коснуться подушки, как сон окутал ее зыбкой, вязкой пеленой.

Словно по заказу или велению тети Марины, она увидела себя в доме деда и бабушки, к которым ездила в детстве каждое лето.

Ей снилось, что она - совсем еще маленькая, лежит в своей кроватке, (давно уже отправленной за ненадобностью на чердак), что она проснулась, но не спешит открывать глаза, наслаждаясь проникавшим сквозь ставшие розово-перламутровыми и прозрачными веки теплом ласковых солнечных лучей. Она знала, что, открыв глаза, увидит игру солнца в листве наклонившихся к самым окнам невысоких молодых яблонь; что, пронизав кроны деревьев, пройдя над ними, лучи вольются в комнату единым сильным потоком, отбрасывая на ее одеяло кружевную тень от хлопчатобумажной тюлевой занавески; что, выбежав на улицу, она увидит голубой дом с белыми резными наличниками, весь залитый солнцем и обрамленный буйно разросшейся зеленью; что возле стены, под ее окном, будут сиять лилово-голубым и желтым любимые ирисы...

Ощущение счастья - не от чего-то конкретного, просто так, оттого, что на свете есть солнце, цветы, оттого, что воздух вокруг звенит, напоенный пением птиц и стрекотом насекомых, оттого, что она еще неосознанно, по-детски чувствует радость бытия, переполняло ее.

Маша, та маленькая Маша, что была во сне, улыбнулась, потянулась и открыла глаза.

На ярко-синий кусочек неба, видимый из окна, напознала черная хищная туча.

И маленькая Маша заплакала, втайне надеясь и с нетерпением ожидая, что сейчас в ее комнату войдет бабушка и утешит, успокоит ее. Убедит, что туча растает, прольется дождем и навсегда исчезнет...

Утром, по дороге к автобусной остановке, Маша вдруг поняла, что просто не в состоянии идти на занятия.

Она представила себе, как объясняет, почему не пришла Лиска, как говорит, что Алиса Майорова не придет больше никогда и... повернула обратно. Это было ей не по силам. По крайней мере теперь.

В кармане ее лежало Лискино кольцо с бриллиантом, которое та забыла на полочке в Машинной комнате после гадания.

Маша подумала о том, что и глупое гадание с кольцом оказалось верным. У Лиски не будет детей. У нее никогда и ничего уже не будет. Казалось, кольцо жжет Машу сквозь ткань куртки и свитера.

Ноги сами принесли ее к Лискиному дому, и она решила зайти, отдать кольцо, хотя понимала, что едва ли застанет Сергея Сергеевича дома.

Ей необходимо было поставить перед собой цель — не важно какую, пусть нелепую, но цель.

Выйдя из лифта на восьмом этаже, Маша заколебалась — если даже Сергей Сергеевич дома, удобно ли тревожить его сейчас из-за какого-то кольца? Хотя, с другой стороны, может быть, она сумеет быть чем-то полезна?

Пока она раздумывала, стоя на лестничной площадке, дверь неожиданно распахнулась, едва не треснув Машу по носу. Она отшатнулась. На пороге стояла красная от злости Лариса. Выражение ее лица привело бы в трепет и человека с куда менее развитой фантазией, чем у Маши. Сергей Сергеевич Майоров недвусмысленно указывал Ларисе на дверь.

— ...И никогда, слышите, никогда не приходите сюда больше! Ваше чудовищное бессердечие... вопиющий цинизм... — Сергей Сергеевич осекся, увидев Машу, и удивленно поднял брови. — Маша?... Извини, я вчера уехал... Ты нормально добралась?

— Ты еще пожалеешь! — прошипела Лариса, грубо оттолкнула стоявшую у нее на пути Машу и, не вызывая лифта, помчалась вниз по лестнице.

Маша покачала головой. Похоже, исполнить обещание, данное тете Марине, не удастся — Лариска угрожала Сергею Сергеевичу. Кроме того, Маша отлично понимала, что униженная у нее на глазах Лариска ей этого не забудет. Но что Смирнова сможет им сделать, если Сергей Сергеевич не велел ей приходить, а уж Маша-то тем более на порог ее пускать не собирается?

— Что она хотела, Сергей Сергеевич?

— А-а... — Он брезгливо поморщился. — Эта девица просто спятила!

Ответ вполне удовлетворил Машу, она в принципе догадывалась, какой номер могла выкинуть Лариса, и порадовалась про себя тому, что не ошиблась в Сергее Сергеевиче. Выглядел он скверно — воспаленные глаза красноречиво говорили о ночи, проведенной без сна.

Маша достала из кармана кольцо и протянула его на раскрытой ладошке Майорову.

— Что это?

— Лиска... Алиса у меня забыла, — выдавила из себя Маша. Она вдруг почувствовала, что соваться с кольцом не следовало, что она по недомыслию причиняет Майорову боль, полежало бы у нее кольцо еще несколько дней — ничего бы ни случилось.

Губы его задрожали, но он усилием воли справился с собой и почти спокойно сказал, отстраняя ее руку:

— Алисе оно теперь не нужно...

— Но...

— Оставь у себя, Машенька... На память...

— Но...

— Не спорь, пожалуйста! Похороны в четверг. Отпевание в Елоховской...

— Я хотела... Сергей Сергеевич, если нужна помощь, я все, что смогу...

Он грустно улыбнулся.

— Ничего не нужно, Машенька, спасибо. Ребятам только скажи из группы. Пусть приходят, кто захочет...

— Извините...

Маша неловко потопталась перед дверью, которую Сергей Сергеевич не спешил запереть, повернулась и пошла к лифту. Он так и не закрыл дверь, пока она не уехала.

Несколько часов Маша бесцельно бродила по улицам, сидела на скамейке в парке — на той самой скамейке, на которой они так любили сидеть с Лиской. И думала, думала, думала...

Волей-неволей она возвращалась мыслями к Лариске. Неужели она останется безнаказанной? А что, если?.. что, если удастся обвинить ее в распространении наркотиков?! Ведь брала же она где-то то, чем отравила Аллу Владимировну? Но что Лиска сказала про зеркало... При чем тут зеркало?

Об этом Маша забыла рассказать тете Марине и теперь жалела о своем упущении: вдруг тетя Марина поняла бы, что имела в виду Лиска? Вдруг это было что-то важное? А она, Маша, прицепилась к кошкам, которые, скорее всего, вовсе ни при чем!

Может быть, зайти к тете Марине и рассказать? Но она обещала забыть о своих подозрениях... Хотя, может быть, имеет смысл попробовать выяснить это, не задавая вопроса напрямую? Надо попытаться... Но идти без звонка все-таки неудобно.

Маша решительно встала со скамейки и направилась к ближайшим таксофонам, прозрачные «ракушки» которых лепились на стене магазина.

Она все убыстряла и убыстряла шаг, не замечая этого, пока не остановилась, словно налетев на невидимую преграду. Мимо мусорных ящиков, сгибаясь и высматривая что-то, как индеец, бесшумно, прокрался... Юрка Черпаков! В руках его была старая хо-

зайцевенная сумка, когда-то синяя в горошек, а теперь настолько замызганная, что горох едва угадывался. Держал он ее как-то очень уж странно. Как будто голубя собирався поймать — по двору, в который выходили задние двери трех магазинов, бродили вездесущие московские голуби — наглые и ленивые, поймать любого не составило бы труда. И никого это не взволновало бы — двор был пустынен, только у входа в один из магазинов покуривали, греясь на солнце, грузчики. Они сидели спиной к мусорным ящикам и Юрку не видели. Хотя даже если бы и увидели, едва ли сделали бы замечание — ну ловит мальчишка голубя и пусть его!

Да почему же голубя?! Машу взбесила собственная бестолковость. Кота он ловит! Кота!

Юрка совсем скрылся за ящиками. Придушенное «мяу!» подстегнуло Машу. Она сорвалась с места и столь стремительно влетела в узкое пространство между мусорными ящиками и стеной, что столкнулась с Юркой, который от толчка выронил сумку. Кот не упустил неожиданно подвернувшейся возможности вернуть себе только что утраченную свободу, вылез из сумки, прыснул у Юрки под ногами и порскнул прочь, только его и видели.

Маша вцепилась в щуплые Юркины плечи и трянула его.

— Что, опять котами промышляешь? С кого теперь собрался деньги содрать?

— Отстань!

— Ну нет, золотко мое, теперь не отвертеться!

— Отстань, чокнутая!

Он дернулся, но Маша держала его крепко. На всякий случай она еще раз сильно встряхнула мальчишку.

— Я тебя заставлю все рассказать!

— Пусти! — взвыл он.

— Фигушки!

— А что ты мне сделаешь? — К Юрке вдруг стремительно стала возвращаться его обычная наглость. — В милицию сдашь?

— В милицию? Ну нет, я тебя отдам на расправу тем, у кого ты кошек крал, и прежде всего моей маме! Они тебе устроят! Мало не покажется!

— Да я всего третий раз... — огрызнулся мальчишка и сразу же прикусил язык.

Маша опять безжалостно встряхнула его.

— Зачем тебе кошки? Ну, говори!

— Да не нужны они мне! Она попросила, я и поймал.

— Кто она?

— Эта... Длинная, с черными волосами. Лариска...

Сердце Маши забилося сильнее: неужели ей удалось зацепить ниточку из клубка, в который сплелись подозрения, домыслы и не всегда достоверные факты? Неужели Лариска действительно является в этом деле центральной фигурой? И Капитолине Григорьевне и Алле Владимировне мерещились кошки! Что, если Ла-

риска заставляла мальчишку ловить их, а потом запускала к своим жертвам, которым бедные животные казались чудовищами? Разумеется, под воздействием наркотиков! Неизвестно, скольким людям Смирнова отравляла жизнь таким образом, и это вполне укладывалось в придуманную Машей схему — ведь кошки пропадали, и, вполне возможно, люди покрепче не сходили с ума, а, просто одурманенные, убивали животных, а потом тайно выбрасывали и никому не рассказывали о том, что пережили! Оставалось только понять, как удавалось Ларисе приносить кошек так, чтобы этого до поры до времени никто не замечал, и куда подевались кошки из комнаты Капитолины Григорьевны и квартиры Аллы Владимировны. Ведь не с балконов же выпрыгнули? Хотя у бабки Капы второй этаж... но у Майоровых-то восьмой!

Маша схватила руку мальчика и потащила его за собой — от мусорных ящиков пованивало, а разговор, похоже, предстоял долгий.

Усадив Юрку рядом с собой на спиленный тополь, лежавший на газоне, так что от посторонних взглядов их скрывала чья-то машина, оставленная во дворе, Маша приступила к допросу.

- Зачем Лариске коты?

- Я-то откуда знаю? Может, она из них мыло варит.

- А почему ты их для нее ловил? Она тебе платила?

- Ага, ща прям...

- Так почему же ты их ловил? Такой добрый — кто чего ни попросит, со всех ног бросаешься исполнять?

- Ага, добрый... — злобно сказал мальчик и сплюнул в сторону.

Догадка пришла как озарение.

- Ты не можешь ей отказать, потому что вы связаны из-за наркоты? — уверенно проговорила Маша.

Юрка вздрогнул и попытался высвободить руку, но Маша ожидала подобной реакции и держала его изо всех сил.

- Не надейся, удрать не удастся.

- А чего ты спрашиваешь, если знаешь? — с ненавистью бросил мальчик.

- Знаю. И, между прочим, по этому поводу заложить тебя в милицию могу запросто!

- Не докажешь! Да я у нее всего два раза-то и брал! Чуреки попросили найти, обещали заплатить... а я знал, что она торгует. Ну и, короче, взял я у нее, им отдал, наварил... Круто наварил... Пожадничал. А она как-то прочухала и сказала, что скажет чурекам, как я их наколот, чтобы они мне башку оторвали...

Маша лихорадочно соображала: «чуреками» Юра, очевидно, называл снявших в его подъезде квартиру нацменов, это было понятно. И в том, что у Ларисы имелись наркотики, она была уверена, но вот то, что Смирнова ими торгует!..

- На понт она тебя взяла! — уверенно выдала Маша фразу, недавно подсмотренную в автобусе, в книжке, которую читал сидевший с ней рядом гражданин.

- На понт — не на понт, — проворчал мальчик, — а заложит чурекам — мне точно мало не покажется. Ну что мне, к примеру, твоя мать сделает? Ну, мораль прочтает. А чуреки так уделают — кровью харкать буду. А мне шелупонь кормить надо! От мамыши с папашей не дождешься, им на водку не хватает.

- Где Лариса берет наркотики?

- Ага, так она мне и скажет!

- Какие наркотики она продает?

- Я те химик, что ли? Сам не балуюсь, а чуреки довольны остались.

Больше разговор с Черпаковым ничего не дал. Более того, Маша вовсе не была уверена, что ей удалось убедить его в том, что обещание Лариски «накапать» на него «чурекам» — пустая угроза и что ловить для нее котов совершенно необязательно.

«Хорошо, — рассуждала она, — мальчишка сказал, что Лариса торгует наркотиками, но это просто слова, в милиции он наверняка отпопрется, значит, надо найти доказательства... Но как?»

Маша поняла, что сама, пожалуй, ничего не придумает. Ей просто необходимо было с кем-то посоветоваться.

С тетей Мариной? Но ведь придется говорить все прямо... Нельзя... С Сергеем Сергеевичем? Едва ли он в состоянии сейчас все это обсуждать... С родителями? Маша даже покачала головой — и как только такая дикая мысль могла прийти ей в голову? Наверняка это от отчаянья... Она ведь ни словом не обмолвилась ни отцу, ни матери ни об истории с бабкой Капой, ни о безумии Аллы Владимировны, ни о своих подозрениях относительно Лариски. Матери и истории с гаданием с избытком хватило.

Максим Шевырев! Вот с кем она посоветуется. Она обещала позвонить ему, сообщить, когда похороны. Неужели он не захочет помочь разоблачить виновницу смерти Лиски и ее матери? Маша встала со спиленного дерева и направилась к таксофону...

28

Максим приехал через час с лишним — ему пришлось воспользоваться общественным транспортом, так как Маша предупредила его, что мотоцикл только помешает в осуществлении того, что она задумала. Они встретились в сквере, возле дома Ларисы Смирновой.

Выслушав Машу, Максим сказал:

- После того, как ты мне позвонила, ты тут так и сидишь?

- Да, а что? Я — чтобы ее не пропустить!

- Окна ее куда выходят?

- А-а! Вот ты про что... Не сюда. Отсюда только подъезд виден.

- Хорошо. А теперь иди домой.

- Почему?!

- Да потому, что тебя она знает, а меня нет. Жаль, ты меня не предупредила, я бы другую куртку надел, а то эта слишком заметная...

- Но как ты Ларису узнаешь?

- По-моему, ее трудно с кем-то спутать. Или с ней в одном подъезде еще две брюнетки под метр восемьдесят живут?

- Нет, но...

- Все, все, иди! Не хватало еще, чтобы она нас вместе увидела.

- Давай я тебе папину ветровку принесу? Старую. Она серая, как раз незаметная.

Он посмотрел на нее с сомнением.

- Ну... Не знаю. Ни к чему тебе здесь вертеться.

- А я мамин плащ надену и платок повяжу... и темные очки еще можно!

Максим покачал головой.

- Только не надо шпионские игры устраивать!

- Давай куртку, я быстро сбегаю! — решительно заявила Маша, беря инициативу в свои руки, — ее вовсе не устраивало то, что Максим собрался обойтись без нее. Он пожал плечами, сбросил куртку и отдал девушке.

- Ну, тогда давай в темпе.

Маша вернулась меньше чем через полчаса. То, что это именно она, Максим понял только тогда, когда девушка сунула ему в руки серую поношенную ветровку.

Темный свободный плащ, сапожки на каблуках, пестрый шелковый платок, перекрещенный на шее и завязанный сзади узлом, который в сочетании с очками-бабочкой напоминал о стиле, пришедшем из французских фильмов шестидесятых-семидесятых, сделали ее неузнаваемой.

- Смотри! — сказала она, приоткрывая сумочку, в которой лежала другая косынка и «платиновый» парик. — Я смогу менять свою внешность. Я еще одни очки взяла, мамыны... Только я в них ничего не вижу, они с диоптриями. Но зато я в них совсем-совсем другая.

- Слушай, шла бы ты домой! — без особой уверенности предложил Шевырев. Он уже понял, что от Маши так просто не отделаешься. Но спора не получилось — из подъезда вышла Лариса.

Они мотались за Ларисой по всей Москве целый день, то вспрыгивая чуть ли не на ходу в общественный транспорт, то, по примеру Ларисы, пользуясь услугами частников. Им определенно везло, но не следовало забывать, что это — до поры до времени. В любой момент троллейбус, увозивший Ларису, мог захлопнуть перед ними двери, или им не подвернулся бы готовый подработать водитель. Свободно вздыхали они только в метро, но и там следовало соблюдать осторожность — до часа пик оставалось до-

вольно много времени и Лариса могла их заметить. Они следовали за ней то вместе, то разделяясь в целях конспирации.

Максим, сначала ворчавший, что без мотоцикла они в любой момент могут потерять Ларису, умолк после того, как они первый раз спустились за ней в метро. Куртка на нем выглядела диковато — руки торчали из рукавов, молния не сходилась, поэтому он то набрасывал ее на плечи, то просто нес в руках.

Когда Маша в машине частного, на которой они преследовали Ларису, попыталась натянуть парик, Максим ее остановил.

- Неужели ты думаешь, что такое огородное пугало не привлечет внимания? Кошмар! Да это все равно что встать перед ее носом и заорать: «Смотри, вот я!»

Маша на «чучело» обиделась, но, посмотревшись в зеркальце над ветровым стеклом, не могла не признать его правоту.

Однако часам к семи в блокнотике, который Маша предусмотрительно захватила с собой, значилось уже шесть адресов (один, правда, без номера квартиры — Максим не успел отследить, ему показалось, что как ни бесшумно он двигался, Лариса его засекла, и слишком долго задержался внизу), причем по двум из них — первому и второму — Лариса заходила дважды. Когда она отправилась по второму во второй раз, Максим и Маша уселись на скамейке — с нее виден был подъезд, из которого должна была выйти Лариса, — и стали ждать.

- По-моему, она пошла по кругу, — заявил Максим, достав из кармана мятую пачку «Петра Первого» и закулив.

Маша открыла было рот, чтобы ответить, но поперхнулась дымом и закашлялась.

- Пересядь, — предложил Максим, и она пересела по другую от него сторону, чтобы ветер относил дым. — Надо было ее брать, когда она опять по первому адресу пошла. То есть, когда она оттуда вышла.

Маша поперхнулась, но на сей раз уже не от дыма.

- То есть как — брать? Мы что, милиция — кого-то арестовывать? И за что?

- Да не арестовывать! Неужели не поняла еще?

Маша замотала головой.

- Нет!

- По первому адресу живет сбытчик. Лариса — курьер, развозит по остальным адресам...

- Подожди, ты хочешь сказать, что по тому, первому адресу живет человек, у кого она берет наркотики?

- Именно это я и сказал, если ты не поняла. Она, видимо, взяла у него наркоту, развезла по адресам, потом вернулась, отдала деньги и взяла еще. Странно только, что она вроде как по кругу пошла.

- А-а... Значит, она опять поедет по всем тем адресам...

- Не поедет! — На скулах Максима заиграли желваки. — Вот сейчас выйдет, и мы ее прямехонько в ближайшее отделение

доставим вместе с наркотой, которая у нее осталась. И адресочки все представим.

- А осталась? — вдруг засомневалась Маша.

- Мы же с тобой решили, что она пойдет по кругу?

«Мы-то решили, знать бы еще, что решила она...» — вздохнула про себя Маша, которой их выводы казались несколько спорными, и спросила:

- А как мы докажем, что она Алле Владимировне наркотики подмешивала?

Максим посмотрел на нее как-то странно:

- Никак.

- Но, Максим, ведь это же самое главное!

- Ничего не главное, — хмуро сказал он. — Заявит она, что Алла Владимировна была наркоманкой и сама у нее наркотики просила, вот и все. Только боль лишняя отцу Алисы... А ему и так... — Он не договорил, отвернулся и стал так пристально разглядывать ближайший куст, как будто ждал, что из-за него вот-вот выскочит Лариса.

- Но... Да, конечно, ты прав... но неужели она останется безнаказанной?

- Если у нее с собой много наркоты будет, может и нехило на нары взлететь.

- То есть, надолго сесть? — уточнила Маша. — На сколько?

- Да не знаю я! — вспыхнул Максим. — Я что, юрист? Но это единственное, что мы можем сделать!

Маша надулась и отвернулась. Так они и сидели, молча злясь друг на друга, и не отдавая себе отчета в том, что оба злятся прежде всего от собственного бессилия.

Когда прошел час, Максим стал проявлять беспокойство.

- Что-то она долго, — проворчал он себе под нос, уже не в первый раз взглянув на часы.

- Да... Обычно она больше пятнадцати минут не задерживалась...

Максим решительно встал.

- Я иду!

- Куда?!

- Туда. Застукаю на месте...

- Я с тобой!

- Еще чего! — Шевырев, вскочив на ноги, придержал ее за плечо, силой удерживая на скамейке. — Сиди здесь, и если я через пятнадцать минут не появлюсь, беги за милицией.

- Нет! Я пойду с тобой, но постою на лестнице, так я сразу узнаю, если что-то случится, и быстрее приведу помощь! — Маша стряхнула его руку с плеча и тоже вскочила.

- А если?..

- Ничего не если! Я внизу буду стоять!

Он поднялся по лестнице к нужной двери, Маша, как и обещала, осталась пролетом ниже. Она прижалась к стене и прислуша-

лась. Максим тоже застыл у двери, протянув руку к звонку, но так и не позвонив.

Уж очень странные звуки доносились из-за железной двери.

- У-у! У-у! — подвывал кто-то. — Ах, дурак! Ну, дурак! — И опять: — У-у-у! У-у-у!

Приглядевшись, Максим увидел, что дверь не заперта, и легонько потянул ее на себя. Маша, наблюдавшая за ним, забыла об осторожности и подалась вперед.

За железной дверью была обычная, открывавшаяся внутрь квартиры, но и она не была закрыта. В нос Максиму ударил застоявшийся запах не стиранных носков и табака. В темноте прихожей он разглядел сидевшего на полу человека, который как будто не сразу среагировал на его неожиданное появление.

- У-у-у! У-у-у! — еще громче разнеслось по подъезду.

- Эй, мужик, кончай орать! — растерянно сказал Максим, разглядывая подвывавшего — взъерошенного, расхристанного мужчину лет тридцати пяти. — Ты чего?

Маша, пулей взлетевшая по ступенькам, выпалила:

- Мы из милиции, где гражданин Смирнов?!

Ее заявление произвело на мужчину совершенно неожиданное действие:

- Не наврала!.. — пробормотал он себе под нос и, уже обращаясь к Маше и Максиму, добавил: — Вы, голуби мои, из такой же милиции, как я из Большого театра. Чем вам насолила Лариска, я не знаю, только птичка-то все равно тю-тю!

Выдав эту тираду, он разразился хохотом, издевательским, но невеселым.

- Чего б вам пораньше не прийти? Глядишь, и мои деньжата были бы целы! Ведь сам отдал! Сам, своими руками! У-у-у! — вновь взвыл он, вцепился в и без того всклоченные патлы и дернул, рискуя значительно проредить свою шевелюру.

- Что значит «тю-тю»? Как это «тю-тю»? — в один голос спросили Маша и Максим.

- А то и значит! — с горестным смешком ответил хозяин квартиры. — Раз она не соврала, что вы ее «пасли», то пропустить вы ее не могли... бы... Если бы не черный ход! И денежки мои, кровные, честным трудом нажитые, не уперла бы! Тридцать девять тысяч... как одна копеечка!

- Рублей? — зачем-то уточнила Маша, подавленная грандиозностью суммы.

- Ага, рублей, кочерыжка! — с ненавистью бросил пострадавший. — Долларов! Кто торгует, кто ворует, а я-то, я — честно зарабатывал!

- Ничего себе, — хмыкнул Максим, — и где же это у нас такие деньги честно зарабатывают?

- А вот и зарабатывают! — Мужчина поднялся, опираясь о стену, заправил в брюки выбившуюся рубашку, подтянул узел гал-

стука, не застегнув пуговку на воротнике, и пригласил вздыбленные волосы. - Честь имею представиться - Гаврилов Альберт Игнатович, экстрасенс, сексопатолог и психоаналитик. Специализируюсь по нервным заболеваниям, расстройствам в интимной жизни и раковым опухолям!

«Вот это разброс!» - подумала Маша, но промолчала.

Максим нервно кашлянул.

- Вообще-то я психиатр по образованию, - продолжал мужчина, - но это сейчас, сами понимаете... Больших доходов не приносит. Зато если с умом...

Маша заволновалась. Ей показалось, что разгадка близка, что надо только задать несколько вопросов, и она, Маша, все поймет. Вот только какие вопросы задавать, она абсолютно не знала.

«Были ли вы знакомы с Аллой Владимировной Майоровой? Вступали ли вы с Ларисой Смирновой в преступный сговор? Рекомендовали ли вы Ларисе Смирновой средства, способные вызвать галлюцинации, причем на заданную тему, чтобы именно кошки мерещились? Нет, чушь какая-то... так он и признается! Отопрется и все. Да и вообще глупо!»

Маша беспомощно посмотрела на Максима. Парень, наморщив лоб, видимо, тоже придумывал нужные, правильные вопросы, чтобы вывести на чистую воду Ларису и ее сообщника.

Но тот, возможно, совершенно этого не понимая, сам разрешил все их сомнения:

- Ведь сам, своими руками отдал! - горестно повторил он.

- А почему же отдали-то? - спросил Максим.

- То-то и оно! Сам научил стерву, на свою голову...

- Чему?! - вскричала Маша.

- Она обладает исключительными способностями. Из нее получился бы потрясающий гипнотизер. Это так редко встречается у женщин... она могла бы выступать на сцене, могла бы вести частную практику...

- Так она владеет гипнозом? - поразилась Маша.

- Н-ну... Еще не так, чтобы... Ей хватило нескольких занятий, чтобы овладеть азами, но даже на таком уровне она сделала меня, как щенка! Меня! Вы поймите, меня!!!

- Вы знакомы с Аллой Владимировной Майоровой? - резко спросила Маша.

- С Майоровой? Нет. Но если с ней знакома Лариска и если их интересы в чем-то пересекаются, я ей, вашей Майоровой, не позавидую. Это же такая подлая стерва! В смысле Ларка. Даже меня...

- Но ведь для гипноза нужно время? Нужно видеть человека, которого гипнотизируешь, нужно говорить с ним? - перебила Маша.

- Видите ли, данная проблема относится к области научных, не знаю, поймете ли вы, если я... - напыжвшись, заговорил экстрасенс. Он, видимо, собрался прочитать незваным гостям лекцию

прямо на пороге, дальше которого он их явно не собирался пускать.

- Погоди, - вдруг перебил его Максим. - Ты у нее наркотики брал?

- Э-э... Что?! Да как вы смеете?! А ну вон отсюда! Вон! Я сейчас милицию вызову! Ходят тут! - Он с неожиданной силой отпихнул Максима и захлопнул дверь. Лязнул тяжелый засов.

Маша и Максим оторопело посмотрели друг на друга. Максим покачал головой и сказал:

- Брал, гад! Доверчивых клиентов дурить, которые с расстройствами в интимной жизни. Сам-то, вроде, не наркоман.

- Так надо в милицию... - вскинулась законопослушная Маша.

- И думать нечего - он все благополучно в сортир спустит, не успеем мы до первого этажа добраться.

Они стали медленно спускаться, тихонько переговариваясь.

- Что будем делать?

В голосе Маши звучала некоторая растерянность.

- Может, попробуем ее дома застукать? - предложил Максим.

Маша бросила на него испуганный взгляд.

- Вот так прямо дома?

- Не бойся, я один пойду. Заставлю написать все, как было...

и...

- Я не боюсь... То есть... Ладно, не важно. Как ты ее заставишь? Бить будешь? Так у нее уже и мать с отцом дома и два брата.

- На улицу вызову.

- Это ты здорово придумал, - не скрывая иронии, проговорила Маша. - Ты что, не слышал? Он сказал, что она заметила, что мы за ней следим! Она даже ко мне не выйдет!

- И что ты предлагаешь?

- Караулить ее у подъезда с самого утра. Должна же она будет из дома выйти?

Максим тяжело вздохнул.

- Что такое? - покосилась на него Маша.

- Да так... Ничего... Ребята выручат. Потом отработаю Маш, а ведь она сбежать может... Причем не завтра, а сегодня. У нас один шанс ее застукать - если она домой за вещами заглянет. Значит, надо, не задерживаясь, туда ехать и ловить. Если мы уже не опоздали.

- Куда сбежать? - Это предположение показалось Маше совершенно диким, но, подумав, она согласилась. - Так что же делать? Сейчас в милицию идти?

- С чем? Хотя... Нет, мы туда не пойдем. Только время потеряем. Сама понимаешь, пойдут вопросы «что? кто? да почему?». А за это время она запросто смоется. Жетончик есть?

- Да.

Он бесцеремонно схватил ее за руку и потащил за собой к видневшемуся на углу таксофону. Маша еле успевала за ним, смешно перебирая ногами — даже небольшие шпильки маминых сапог доставляли ей ощутимое неудобство.

29

- Ты мне все наврала, сука старая! Все, все наврала! — завопила Лариса, оттолкнув прабабку с дороги и ворвавшись в квартиру.

- Лариска, спятила что ли? — возмутилась Аграфена Антиповна.

- Все врала, все врала, гадина протухшая!

- Да что стряслось?

- А то, что он меня выгнал, даже разговаривать не захотел!

- Ой! — всплеснула руками старуха. — Рано ты к нему сунулась. Подождать надо было. Ну ничего, ничего... погоди, через недельку сам тебя разыщет, прибежит! Ты, главное, не забудь, уговори, чтоб меня-то не тревожили, дом не перестраивали...

- Только об этом и думаешь? — с ненавистью прошипела Лариса. — Нет у меня времени ждать неделю!

- А что?..

- То, что эта гадючка Машка меня выследила, и я теперь горю ясным пламенем! То, что я даже на прощанье ей отомстить не смогла — не смогла ничего сделать с ее паршивой мамашей! Так-то твой черт мне помогает?

- Он не черт, Лариса, не черт! Ты не понимаешь... Сейчас, когда ради Него кровь пролита, Он куда сильнее станет. А мы и другую девку уморим, и мать ее! Как этих, Майоровых! Уж я знаю, что она к Капке приходила, вынюхивала. Мы ей с рук-то не спустим... я уж поворожила малость. А ты мне вещичку ее принесла, как я просила? И кота? Кота Ему пора...

- Вещичку?! Кота?! Думаешь, я тебе поверю? Пошла ты...

- Лариска! Он тебя накажет!

- Да заткнись ты, дура! погоди, дай проверю, может, Машка и не поняла ничего? Может, я зря...

Лариса бросила на пол сумку, сняла трубку с висевшего на стене телефонного аппарата и стала лихорадочно накручивать диск.

Сломав ноготь, она яростно выматерилась и принялась накручивать номер снова.

- Алло, будьте добры Валеру... Что? Понятно...

- Ты мне толком объясни, на что злишься-то? — заворчала бабка. — Я ж говорила тебе, ворожба подействует. Ты соль сыпала? Пшено приносила? Вот я ее и сглазила... Теперь подождать только надо, он и...

- Заткнись, дура старая! — Лариска набрала еще один номер. — Зину, пожалуйста... Боже мой!..

28

- Но как же? Помогло же? Она же померла.

- Хрен тебе — помогло! — прошипела Лариса, накручивая диск. — Я сама ее уделала без твоего пшена дурацкого... — Услышав гудок, она оскалилась, и бабка притихла. — Паш, ты?.. Нет?.. Кто и?.. Знакомая, случайная... Не твое дело, козел!

Лариса с силой ударила по рычагам и, пробормотав: «Ну... пронеси нелегкая!» — набрала следующий номер:

- Алло? Ричард Генрихович?..

Выслушав ответ, она замерла на миг, потом с треском бросила трубку и заорала:

- А, ч-черт! Все! Все! Всех замели! Ты понимаешь, что я даже домой не могу зайти?!

- Кого? Куда? Что стряслось-то? — пролепетала уже не на шутку перепуганная старуха.

- Не поняла что ли, старая? Говорю же, поганка Машка что-то пронохала и, выходит, не только проследила за мной сегодня, но успела и всю мою клиентуру ментам сдать! И поставщика тоже! Если меня сейчас поймут, вместо свадьбы с богатеньким стариканчиком придется мне в тюрьму идти! Поняла? Так что я сейчас ноги сделаю, да с такой скоростью, что никому и не снилось... А ты, гнилопята, подыхай тут со своим чертом, и на меня больше не рассчитывай.

Аграфена Антиповна действительно плохо понимала, что говорила ей правнучка. Кроме одного — Лариса отказывается ей помогать! Что, что теперь будет с Ним?!

- Лариса... Вещичку... Кошку... Мы ее... Эту Машку... Лариса, не уходи!!!

Лариса на миг обернулась, стоя на пороге:

- Будь ты проклята, старая! Если бы не твои враки, я бы не полезла в эту аферу. Алиска бы не расшиблась, Машка не сунула бы нос в мои дела, и все было бы в порядке. Чтоб ты сдохла!

Аграфена Антиповна некоторое время тупо смотрела на захлопнувшуюся дверь, потом медленно побрела в свою комнату. Чтобы пройти пять метров, ей потребовалось гораздо больше времени, чем обычно. Несколько раз она, задохнувшись, останавливалась, опиралась о стену. Силы стремительно покидали ее...

Капитолина Григорьевна оторвалась от замочной скважины.

«Ведьмы! Ведьмы проклятые! Убить меня хотите? Не выйдет!»

Она почти ничего не расслышала, так как давно уже была туга на ухо, а то, что и расслышала, толком не поняла. Взяв из коробки розовый мелок, она еще раз обвела свой магический круг, затем зажгла свечи и уселась на кровать — ждать утра...

Лариса спешила. Сейчас она выберется на людную улицу, возьмет машину и поедет на вокзал. Нет, не сразу на вокзал! Она поменяет пару машин, чтобы сбить возможных преследователей

29

со следа. Хотя, положила руку на сердце, она была уверена, что особенно искать ее не станут. Ричард Генрихович - вот крупная рыба, а она... Так, плотвичка... Гаврилов на нее не заявит - не посмеет... А как она вовремя сообразила, что ей потребуются бабки! И как лихо его обработала... Жаль, Ричарду Генриховичу выручку сдала... Вот только почему ей не удалось «отоварить» Машкину мать? Совершенно непонятно... Альберта, как щенка, сделала, а ведь он профессионал, но тут... Затычки у нее в ушах, что ли, были? Но ведь даже на глухую бабу Капу действовало! А, ладно, что теперь...

Ларису вдруг окатила волна страха, но связан он был вовсе не с тем, чего она действительно могла опасаться. Ей показалось, что, сделав она еще один шаг, только один шаг, и земля перед ней разверзнется, с неба ударит снол огня, и ее, полыхающую, как факел, поглотит черная бездна... Эта картина была столь реальной, столь пугающей, что у нее похолодели руки и засосало под ложечкой. Так и будет... непременно будет, если она немедленно не вернется, не укроется за спасительными стенами дома, не спрячется у прабабки!

Она сердито мотнула головой.

«Что за ерунда? Вернуться к Аграфене? Там и повяжут, как миленькую! Бежать, бежать!.. Надо только скинуть товар, чтобы по-дурацки не вляпаться... Жаль, конечно, если продать, так неплохие деньги можно выручить, но... Нет! Лучше не рисковать!»

Лариса остановилась возле урны во дворе, без колебаний бросила в нее увесистый пакет и нырнула между домами, даже не оглянувшись.

А зря.

Иначе она бы заметила высокого мужчину в элегантном легком пальто и даму в цикламеновом до пят пончо с кистями. Голову дамы украшал нелепый розово-фиолетовый шарф, завязанный над левым ухом пышным бантом.

Они остановились в тени под деревьями и наблюдали за Ларисой с большим интересом.

30

Увидев Машу в своем плаще и сапожках, Наталья Дмитриевна всплеснула руками и ахнула. Она даже забыла, что собиралась сделать дочери замечание - ушла, записки не оставила, и вернулась только вдесять! И чья это кошмарная куртка огромного размера висит в прихожей?

- Машенька, что за вид? Зачем тебе понадобился мой плащ? Нет, если хочешь, носи, но ведь он уже не совсем новый, то есть, совсем не новый... да и вообще тебе не идет... И сапоги зачем? Ты ведь каблук терпеть не могла?

- Извини, мам... Я ничего не испачкала и не порвала.

30

- Но, Машенька, разве в этом дело? Где ты была и зачем?... Наталья Дмитриевна от удивления запнулась. Вместо того, чтобы скинув сапоги, надеть домашние тапочки, дочь деловито натягивала кроссовки. - Маша... Ужин остыл и... Маша!!! Уже десять часов! Ты куда, Маша?!

- Mam, заверни мне несколько... нет, побольше бутербродов заверни, и... где термос?

- Папа на халтуру с собой забрал! - почти жалобно проговорила Наталья Дмитриевна. Она видела, что дочь не остановит, что Маша сейчас уйдет с бутербродами куда-то в темноту, видимо, к хозяину этой самой чужой безобразной куртки, почему-то оказавшейся у них дома.

- Mam, не волнуйся, это по поводу похорон Лиски, - внутренне ежась от отвращения к себе, соврала Маша. - Там наши однокурсники, мы должны еще кое-что обсудить... А все голодные. И еще чаю, мам, хоть в бутылку налей.

- А-а! Понятно!

Несмотря на упоминание о похоронах, Наталья Дмитриевна несколько успокоилась - хоть какое-то объяснение лучше, чем никакое.

- Так пригласи их сюда! - крикнула женщина уже из кухни и принялась проворно нарезать вареную колбасу и колбасный сыр.

- Нас много.

- Ой, Маш, чуть не забыла! К тебе, тоже насчет похорон, заходила ваша одноклассница.

- Какая?

Маша похолодела от недоброго предчувствия.

- Да я не помню, как ее зовут... Высокая такая, черная...

- Лариска?!!

- Ну да... Такая странная...

- Мамоchка! - выронив куртку Максима, которую она пыталась упаковать в пакет, Маша бросилась к матери. - Мама! С тобой все в порядке?!

- А что мне будет-то?! - шарахнулась от нее Наталья Дмитриевна, уклоняясь от объятий и в испуге пряча за спину острый кухонный нож, на который Маша едва не наткнулась.

- Что она тебе сделала? Она в кухню входила? К посуде или к одежде прикасалась? Что она сказала? - сыпала вопросами Маша, с которой определенно творилось что-то неладное.

- Машенька, ты успокойся... Сядь, деточка... Вот... водички выпей...

- Мама!!! Ты в порядке?!!

- Тьфу! Это, по-моему, вы с Маринкой да с Нюской не в порядке! С ума посходили! - в сердцах бросила Наталья Дмитриевна и на всякий случай убрала нож в стол - он ей уже не был нужен, для бутербродов она все приготовила.

- Так... Так... - Маша присела на табурет, прикрытый стеганым покрывальцем с оборками до полу - работа тети Марины, и по-

31

старалась взять себя в руки. — Расскажи, пожалуйста, все по порядку.

— Пожалуйста! Сначала пришла твоя Лариса...

— Во сколько?

— Я на часы не смотрела, но... папа только ушел... Значит, где-то часа полтора назад.

— Как она себя вела, что делала?

— Я же говорю, странно она себя вела. Спросила, когда похороны... Потом попить попросила. А когда я ей принесла, и не взяла даже, вдруг стала хвастаться какой-то побрякушкой — трясла ей у меня перед носом, пока у меня в глазах не зарябило, и болтала, болтала что-то... Ерунду какую-то. Про музыку, вроде... А-а, вспомнила, про «Кошек»! Ты мне включала послушать, я помню. Мол, Алиса эту музыку очень любила, и надо ее на похоронах завести. Представляешь? В общем, глупость полная. Ну да я-то привыкла от наших лоботрясов и оболтусов отключаться... В общем, я сказала, чтобы она тебе позвонила попозже, когда ты придешь, а мне некогда. Она как-то странно на меня посмотрела и ушла. Вот и все.

«Ох, мамочка! — подумала Маша. — Какое счастье, что ты научилась отключаться от своих замечательных лоботрясов и прекрасных оболтусов, если бы ты знала, как я их сейчас люблю и как им благодарна!»

— А что тетя Марина?

— Маринка просила, чтобы ты ей сразу, как придешь, позвонила.

— Что же ты мне не сказала?

— Не сказала! А ты мне рот дала раскрыть? Сначала бутерброды тебе подавай, потом вообще накинулась, чуть детоубийцей меня не сделала!

— Как? — поразилась Маша, которая ничего не заметила.

— Ну как-как? Наскочила на меня, как сумасшедшая, а у меня в руке нож был... Еле от тебя увернулась, прям душа в пятку провалилась! — укоризненно проговорила мать.

— Ну извини, мамочка, — примирительно сказала Маша, сердце которой нехорошо ёкнуло. — Ты мне чайку налей с собой, ладно?

Однако разговор с тетей Мариной заставил Машу полностью пересмотреть свои планы.

Повесив трубку, она натянула джинсовую куртку, подхватила «косуху» Максима и направилась к двери.

— Маша! А бутерброды-то? И чай?

— Прости, мамочка, уже не надо... И не волнуйся. Я буду у тети Марины. Может быть, задержусь. А может, и заночую у нее. Мы тебе позвоним.

— Что? — не поверила своим ушам Наталья Дмитриевна. — Что значит — заночуешь? Зачем?

— Ой, мам, ну долго объяснять.

— Нет, как так — заночуешь? У нее и спать-то негде! Она же даже Изольду Марковну у нас ночевать устраивает...

Изольда Марковна была одной из свекровей Марины, с которой она сохранила удивительно добрые отношения. Изольда Марковна жила в Питере и, наезжая в Москву раз в год, обязательно заходила к Марине. Естественно, они засиживались за полночь, и Маше порой приходилось перебираться среди ночи на раскладушку, чтобы получше устроить пожилую женщину, у которой болела спина.

— Ничего, как-нибудь разместимся. Оставляла же ты меня у нее на ночь маленькую, когда вам с отцом куда-то надо было уехать?

— Но тогда у нее на кухне диванчик стоял! — простонала Наталья Дмитриевна.

— А она меня никогда на тот диванчик не клала. Всегда вместе с собой — на диван! — заявила Маша. Она вовсе не хотела затягивать спор, боясь, что не справится со своим лицом, по которому всегда можно было читать, как по открытой книге, и мать поймет, как она растеряна и напугана.

— А твои однокурсники? — выдвинула Наталья Дмитриевна последний аргумент.

— А... А мы с Макс... Они меня к ней проводят, заодно все по пути обсудим и разъедемся.

Наталья Дмитриевна строго придерживалась правила — детям нужно доверять, излишняя подозрительность портит отношения, но... С Машей определенно происходило что-то странное.

— Всю ты мне голову заморочила! — в сердцах бросила Наталья Дмитриевна. Неведомо откуда выскочившая Нюска стремглав промчалась через прихожую. Хвост ее был распушен, шерсть на загривке — вздыблена.

— Мам... — Маша, вдруг почувствовавшая странный озноб, оглянулась на пороге. — А что Нюска?

— Нюска? — не сразу ответила Наталья Дмитриевна, мысли которой были заняты совершенно другим. — Да тоже вроде вас с Маринкой. С ума сходит. Уставится в пустое место и воет, и рычит. Шерсть торчком, глаза красные. Жуть! Душит или с жиру бесится. Марина бы сказала — недобрый дух залетел, а Нюска его гоняет.

— Давно? — Маша кивнула, точно услышала то, что и ожидала услышать.

— Да часов с пяти, как только я пришла...

Маша грустно улыбнулась, еще раз кивнула и вышла.

После разговора с тетей Мариной, который Маша вела, отвечая односложно «да» и «нет», чтобы не волновать мать, она чувствовала себя не в своей тарелке.

Маша предпочитала жить в нормальной вселенной, где связь между причинами и следствиями очевидна и проста, где у истины одно лицо и оно не подменяется изнанкой, хотела ходить по ров-

ной земле, которая не уходит из-под ног и не кренится вдруг ни с того ни с сего во всех направлениях сразу.

Теперь она поняла и другое — нельзя, уподобляясь страусу, прятать голову в песок, столкнувшись с чем-то неведомым, необъяснимым, с тем, что не хочет или не может принять рассудок. Но согласиться с этим она все равно не могла!

Ежась от холодного ветра, втянув голову в плечи, Маша шла, врезаясь в темноту, казавшуюся ей заполненной тенями и призраками...

31

Он звал ее. Звал как никогда громко. Ему грозила опасность, а она ничего не могла сделать, ничем не могла помочь ему. Она опять предавала его, как тогда, но теперь виной тому была не ее непроходимая глупость, а навалившееся на нее бессилие.

Аграфена Антиповна лежала на неразобранной постели, не в силах шевельнуть ни ногой, ни рукой, не в силах позвать на помощь. Да и кого звать? Ненавистную Капку? Нет, этого не будет! Никогда! Да и вообще больше ничего не будет. Она чувствовала, как жизнь медленно и неотвратно утекает из нее, и не могла с этим бороться, даже ради того, чтобы защитить Его.

Она лежала так уже довольно долго. И часы за стеной у проклятой Капки неотвратно отсчитывали текшее, как песок, время, оповещая ее гулким боем о том, что еще один из последних часов ее жизни истек.

Вечерний сумрак сменился ночной тьмой. Чуть скосив глаза, Аграфена Антиповна смотрела на насмешливо помигивавшие ей из окна звезды — шторы, против своего обыкновения, она закрыть не успела, сраженная непривычной слабостью, и теперь даже радовалась этому. Пусть хоть они проводят ее. Такие же равнодушные и жестокие, как все те, кто окружал ее всю жизнь. Все, кроме Него. Он любил ее. Несмотря на то, что она Его убила.

Воспоминания, которые она всегда гнала от себя, хлынули на нее звенящим потоком, затопили и повлекли, качая на волнах. И внезапно она поняла, что это не так уж и страшно...

Федора она встретила случайно — в трамвае. Хотя ее товарки постоянно сватали ей кого-нибудь — то вдовца, то инвалида, тридцатипятилетняя Груня осторожничала. Уж больно неказисты были женишки, да и сразу в глаза бросалось — не она, не больно складная да не слишком говорливая, их интересует, а ее комната и неплохой заработок... Но Федор... Широкоплечий, чернобрый, веселый, он сразу покорила ее. Тут она не раздумывала, не прикидывала. Едва она издали видела его — ошибиться было невозможно, он чуть прихрамывал после ранения, сердце ее начинало бешено колотиться, руки холодели, а к щекам волной приливалa кровь, полнокровная Груня всегда легко краснела.

34

Она так любила его, что не могла отказать ни в чем. Они сошлись очень быстро, да и что жениться-то? — думала тогда Груня, — не дети, поди? Ей — тридцать пять, ему — тридцать два. Она — вдова, и он — из-за войны жениться не успел, одинокий... Жил Федор в общежитии, и встречались они у нее, украдкой, тайно от сына и от соседей: все-таки сын — взрослый, а соседи и осудить могут. Вот запишутся, тогда уж... Даже закадычной подружке Капке она Федю не показывала. Только говорила, что вот, есть, мол, у нее человек на примете, да она еще не решила, идти за него или нет, все-таки отчима Мишке брать побаивается. И так при этом заливалась краской, так сверкали ее глаза, что хитрованка Капка только посмеивалась: «Чего тянешь? Смотри, уведут!»

И Груня с потаенной усмешечкой любящей, любимой и уверенной в этой любви женщины отвечала: — Да пусть уведут! Если смогут.

Куражилась перед подружкой. Вот смотри, мол, и меня вниманием не обходят, не одной тебе переборчивой быть. В отличие от Груни, которая уже и надежду потеряла выйти замуж по любви, у Капки, интересной и бойкой, от мужиков отбою не было. Она этого не скрывала, но держала себя строго — хотя, когда сын подрос, порой и не ночевала дома, к себе никого не водила, и провожали ее мужчины чуть ли ни каждый вечер. И все разные! Конечно, она служила в каком-то учреждении, где выбор, как на ярмарке, а у Груни на фабрике мужиков раз-два да и обчелся. Соседки только о Капке и судачили. А Груня мечтала о том, как гордо войдет она в дом с Федей под руку, провожаемая завистливыми взглядами соседок... Конечно, только после ЗАГСа. В каком нарядном платье она будет. Какой пир закатит — на это у нее уже была скоплена кругленькая сумма.

Груня о многом мечтала, но Федор о том, чтобы записаться, и не заикался. Она не торопила. Известное дело, мужик — не баба, его шея по хомуту не плачет. Что ж? Груня подождет.

Она и ждала, гася в себе поднимавшее голову беспокойство, — что-то ее Федя покучнел, что-то все чаще хмурит брови да задумывается, что-то все неохотней время находит, чтобы с ней увидеться. Не разлюбил ли? Нет, не может такого быть! — уверяла она себя. Ведь она его дитя под сердцем носит...

Груня долго колебалась, сказать ему об этом или не сказать. И все откладывала, не решалась. При ее фигуре ей довольно легко удавалось скрывать уже немалый срок. Только подружки на фабрике да Капка подшучивали: «Ты бы, Грунь, ела поменьше, а то разлюбил тебя твой благоверный, ишь, как раздалась...» Она только отшучивалась.

В тот день, когда она поняла, что больше тянуть нельзя, он... не пришел.

Груня металась, терзалась, мучилась, искала его, ходила и на завод и в общежитие — он словно сквозь землю провалился или

35

так успешно скрывался, что ей не удавалось и следа его обнаружить. Парни, у которых она о нем спрашивала, или пожимали плечами, отводя глаза, или одаривали понимающими, снисходительными усмешечками, от которых ее бросало в жар. Наконец она прекратила поиски и смирилась.

32

- Послушай, тебе совершенно незачем идти со мной! — повторила Маша, поднимаясь по лестнице вместе с настырным Максимом. — Она сбежала. Это ясно. Если бы она не собиралась исчезнуть из Москвы, она бы не выбросила наркотики.

- Но ты-то идешь не домой!

- Максим, это уже касается только меня. Это... это вообще дикий бред, но тетя Марина уверяет, что мы найдем доказательства... Правда, у меня даже язык не поворачивается сказать тебе, доказательства чего... И что есть опасность не только для меня и для мамы, но и для других людей. Что, если все это не остановим мы, то...

- Ты мне можешь объяснить, что «это» вы собираетесь остановить? — с нажимом спросил Максим.

Маша с несчастным видом затрясла головой.

- Нет. Не могу. Я не могу ни толком понять, ни поверить...

- И все-таки идешь?

- Да... — Маша виновато понурилась.

- Значит, и я пойду.

- А потом скажешь, что побывал на сборище психов!

- Ничего я не скажу.

- Да-а...

- Послушай!

Максим остановился, взял за плечи Машу, стоявшую ступенькой выше, причем ей все равно приходилось смотреть на него снизу вверх, и легонько встряхнул.

- Алиса погибла. У нас нет реального объяснения, почему это произошло. Если мне дадут хотя бы нереальное... Да если мне покажут привидение, которое столкнуло ее из окна, я задушу его своими руками, и тогда, может быть, мне станет легче. Понимаешь ты это?

- Понимаю... — пискнула Маша, у которой неожиданно пропал голос.

Или все, посвященные в то, что произошло: тетя Марина, ее знакомый, бабка Капитолина, — сошли с ума и Максим, готовый душить привидение, свихнулся тоже, или она одна из нелепого упрямства не хочет признать очевидного — мистической подоплеку случившегося...

Илья Ильич Захарьин, знакомый тети Марины, произвел на Машу крайне благоприятное впечатление. Она даже как-то сразу

36

успокоилась. Не может такой человек быть сумасшедшим! Просто не может.

Крупные черты его удлиненного лица дышали сдержанной силой, уверенностью и благородством. Седые, коротко стриженные волосы наверняка превратились бы в пышную шевелюру, если бы их обладатель допустил это. Высокий, подтянутый, без малейших признаков вялости или намечающейся сутулости, он, казалось, просто обязан был носить мундир, но не современный, армейский или милицкий, а какой-нибудь гусарский или уланский — Маша в этом не очень разбиралась. Но зато пребывала в полной уверенности — мундир должен был бы быть как минимум полковничий, а вернее, генеральским.

Однако он носил строгий серый костюм, под которым виднелся красный щегольской пуловер, белая рубашка и серый, в тон костюму, галстук. Он казался Маше безнадежно старым, по крайней мере, заметно старше тети Марины, а той было не меньше сорока пяти. «Значит, ему уж точно пятьдесят! Или скоро будет...» — решила Маша, совершенно не умеющая определять возраст взрослых, иначе она бы поняла, что Илья Ильич перешагнул пятидесятилетний рубеж.

- Машка! — шепнула ей в прихожей тетя Марина. — Назовешь меня тетей — убью!

Маша удивленно вытаращила на нее глаза, но кивнула.

Встречая вошедших в комнату вслед за тетей Мариной Машу и Максима, Захарьин не поленился встать из кресла-кокона и стоял, пока хозяйка их не разместила. Максима — во втором кресле, а Машу рядом с собой — на сложенный диван-книжку.

Чувствовалось, что Ильей Ильичем Марина принимала в парадном варианте. Хотя между диваном и окном стоял незаконченный пуфик, обтянутый чехлом, собранным из кусков кожи разного цвета с аппликациями — по барханам, направляясь к оазису, обозначенному пальмами, шел караван верблюдов. Видимо Марина, убираясь в спешке, не нашла ничего лучшего, чем задвинуть его в темный уголок.

На столе красовался старинный сервиз, белый с голубой тонкой росписью, томился и прел под пестрыми юбками румянощечной куклы-купчихи огромный чайник — тетя Марина, заваривая чай, не признавала деления на кипятки и заварку. «Чай — это когда чай неразбавленный, остальное — помой!» — таков был ее лозунг.

На блюде поповского фарфора грудой лежало фирменное «курабье» и «бантики» с изюмом, и то и другое Марина лекла великолепно. Необъятная коробка шоколадных конфет, очевидно, была только что вскрыта. Букет обожаемых тетей Мариной лилий высился на верхней крышке пианино, между стопкой нот и подсвечником, и вызывал необъяснимо щемящее чувство сладкой грусти своей хрупкостью, нежностью, плавностью и одновременно помпозностью линий.

37

После взаимных приветствий и представлений Марина налила Маше и Максиму чаю и взобралась на диван с ногами, окутавшись своей пестро-розовой хламидой-облаком. Колокольчики на ее браслетах жалобно звякнули, когда она потянулась за сигаретой, дымившейся в пепельнице.

Маша перехватила взгляд Максима, который он украдкой бросил на печенье, и остро пожалела об оставленных дома бутербродах. Рассчитывать получить у тети Марины что-то посущественней тающих во рту печенюшек было чистым voluntarизмом. Задумавшись, она пропустила начало фразы тети Марины.

— ...Не только друзья, Илья Ильич даже был моим начальником, когда я работала вместе с ним в лаборатории паранормальных явлений, организованной под эгидой КГБ. А сейчас он возглавляет свою лабораторию...

— Это не важно! — перебил ее нахмурившийся Илья Ильич. — Прости, Мариночка, но нашим юным друзьям совершенно не обязательно...

Маша готова была поклясться, что он собирался сказать «знать об этом», но он сказал:

— ...Забивать этим головы, особенно сейчас. Давайте еще раз обсудим все, что нам известно. Если Марина Константиновна ничего не напутала, а у меня нет оснований ей не доверять, и если я услышу из ваших уст нечто, столь же внушающее опасения, дело может оказаться не только серьезным, но и безотлагательным.

Маша добросовестно, не упуская ни одной детали, поведала историю с самого начала — с пропажи ее собственной кошки до завершения слежки, которую они вели с Максимом. Прервал ее Илья Ильич только раз, когда после описания визита к экстрасенсу Гаврилову она заявила, что гипноз — гипнозом, а Лариска все равно что-то подмешивала своим жертвам, ведь ее-то маме она не сумела причинить вреда? Подмешать дряни никакой не сумела — вот у нее ничего и не вышло!

Илья Ильич покачал головой и сказал:

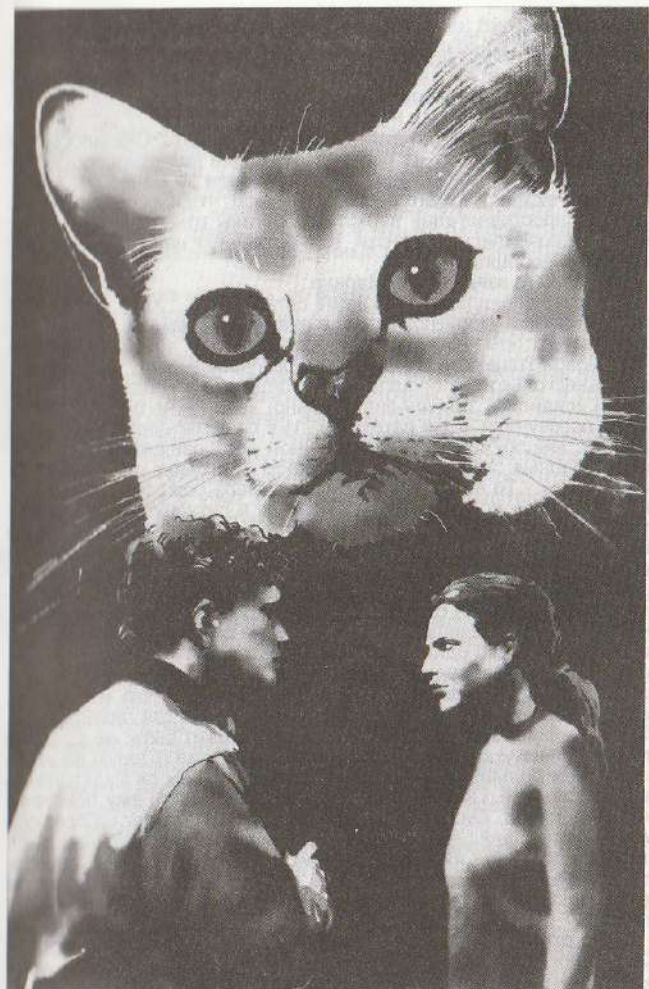
— Ничего подобного. Я хочу сказать, что Ларисе не было нужды что-либо подмешивать своим жертвам. Здесь, скорее всего, имел место постгипнотическое воздействие.

— Как это? — забеспокоилась Маша.

— Объект гипноза подвергается внушению, которое заставляет его действовать по воле гипнотизера после произнесения некоего ключевого слова...

— Зеркало! Вот о чем Лиска хотела меня предупредить! Лариска сказала «зеркало», и тетя Алла... — воскликнула Маша, вскочив и едва не своротив стол. — Тетя Марина! Надо позвонить маме... То есть папе, чтобы он ни в коем случае не говорил этого слова, а то...

— Да сядь ты, уймись! — махнула Марина рукой и прикурила новую сигарету. — Наташка не восприимчива к гипнозу.

- Как?

- Так. Абсолютно. Смирнова могла хоть в лепешку расшибиться, Наталья она все равно ничего бы не сделала.

- Успокойтесь, Маша, - подтвердил Илья Ильич. - Мы когда-то давно обследовали вашу маму. Марина Константиновна права - ей действительно ничего не грозит.

Как выяснилось, и Максиму было что сообщить. Оказалось, что пока он ожидал Машу на своем посту возле подъезда, туда приехала милицмейская машина. Она простояла не менее получаса, а потом уехала. Из этого он сделал вывод, что к их сообщению о сети распространителей наркотиков органы отнеслись серьезно, и раз уж появились у Лариски, то и остальных наркодельцов вниманием не обошли.

После него взяла слово Марина.

- Я сразу поняла, что Маша не остановится... Хотя и обещала мне, - с легкой укоризной сказала она. - Впрочем, то, что она получила некоторые новые сведения от мальчика, похищавшего для Смирновой кошек, ее в какой-то мере оправдывает. Сегодня утром я несколько раз прошла мимо того дома и убедилась - эманации усилились, причем значительно. Увы, я - не борец! - В речи ее прозвучали нотки патетики. - И я решила позвонить Илье Ильичу. Мы поужинали в симпатичном ресторанчике, где подают великолепные стейки... - Под взглядом Захарьина она несколько смешалась. - То есть где я ему и рассказала обо всем. Он любезно согласился помочь мне разобраться в ситуации. Мы пошли к тому дому и видели, как туда входила Лариса. Эманации еще больше усилились! Мне просто нехорошо стало! А уж когда она выскочила оттуда, прямо буря поднялась - такие вихри страстей закрутились... Он, я имею ввиду наличествующего там элементала, ужасно не хотел отпустить эту девицу. Насылал на нее страх, но она хорошо защищается - он так и не смог ее остановить. Ее волновало только одно - она спешила скрыться из города. Когда она ушла, мы забрали из урны сверток с наркотиками. Потом я позвонила тебе, Маш. Вот и все. Единственное, что могу добавить, - потеряв Ларису, он лишился многого, но где гарантия, что бабка не завербует другую помощницу? Может быть, не с такими великолепными данными, как у Ларисы, но тоже готовую на убийство? Чем больше будет проливаться крови, тем он будет становиться сильнее. Причем заметьте, судьбы тех, кто ему помогает, его не волнуют. Он делает их одержимыми и толкает на преступления ради своей цели - приумножения зла. И хотя для начала он может и поманить их призрачным исполнением желаний, расплата, которая их ждет, поставит их в ряд его жертв... Сейчас же он взбешен! Попомните мое слово, сегодня ночью разгуляется такая гроза!..

- Но откуда?.. Откуда вы все это взяли? Элементал какой-то? Эманации? Откуда вы это знаете? Вы его видите? Но как, если никто другой не видит?! - не выдержала Маша.

- А я вот вижу. Особым духовным зрением! Видеть это глазами невозможно. Надо чувствовать, - несколько раздраженно обронила Марина. - Но я уверена: там, в подвале, есть нечто такое, что заставит поверить мне даже такую Фомищу-неверующую, как ты!

Илья Ильич остановил ее, перебив:

- Вы, Марина Константиновна, слишком привержены к трактовке данного вопроса, предложенной Лидбитером. Впрочем, дело не в этом. Наши молодые друзья не склонны со всей серьезностью воспринимать некоторые относящиеся к области паранормальных явлений факты. Поэтому я возьму на себя труд проанализировать имеющиеся у нас данные в более-менее приемлемой для них форме.

Марина слегка надулась, но все-таки кивнула.

- То, что произошло, Маша, - продолжал Захарьин, - вызвало у Марины Константиновны справедливые опасения за вас, причем настолько серьезные, что она позвонила мне и попросила помочь в решении проблемы. Поговорив с нею, а также побывав на месте, где находится предполагаемый источник опасности, я убедился в том, что ее подозрения вовсе не беспочвенны. Хотя я и не обладаю способностями Марины Константиновны, достаточно взглянуть на нее, чтобы убедиться - в этом доме наблюдается отнюдь не благоприятная аномалия, в плане... Простите, я тоже несколько увлекся. Итак, проблема оказалась запутанной потому, что кроме очевидного факта - контакта человека с элементом, имело место гипнотическое воздействие на жертвы, произведенное другим человеком с той же целью, с которой первый пытался, причем довольно неумело, использовать возможности элементала. Весь ваш поход имел единственный положительный результат: вы установили, что второй или косвенный контактер обладал гипнотическими способностями, и заставили его самоустраниваться...

- А то, что разрушена сеть наркодельцов? Это не результат? - обиделась Маша, которая плохо понимала, о чем говорила тетя Марина и совсем запуталась, пытаясь вникать в закругленно-обтекаемые пассажи Ильи Ильича.

Тот притворился, что не услышал реплики Марины:

- Сами-то вы тоже к Лидбитеру неравнодушны, а?

Он сделал неопределенный жест кистью правой руки и небрежно проговорил, обращаясь к Маше:

- Это тоже, безусловно, положительный эффект, но к нашему делу отношения не имеющих, а потому его следует считать побочным.

Маша пожала плечами, а Максим одарил ее уничтожающим взглядом, в котором ясно читалось: «Лучше умолкни!»

Но Маша не сдалась. Она упорно не хотела принимать в расчет ни загадочных элементалов, ни эманаций, а потому спросила:

- Раз Лариска сбежала, чего же теперь бояться? Появления новых помощников? Но это же смешно, тетя Марин! Кто с бабкой Аграфеной связываться-то станет?

- И тем не менее следует опасаться продолжения цепи несчастных случаев...

Захарьин покачал головой.

- Правда, при отсутствии помощника они будут происходить локализовано — на территории интересующего нас дома или поблизости от него, пока не будет разорвана связь между элементом и его медиумом. Вам, наверное, не очень хотелось бы, чтобы отец вашей подруги случайно упал там с лестницы и сломал себе шею?

- Нет, но бабка Аграфена просто не сможет его толкнуть так, чтобы он упал! — возразила Маша.

- Никто не говорит, что она это сделает. Достаточно будет, если отец вашей подруги увидит перед собой призрак вашей подруги или ее матери. Это может довести его даже до самоубийства. Элементал действительно набирает силу, и скоро, вполне возможно, он сможет являться и вам или показываться в вашем доме — ведь вы неосмотрительно посетили его территорию. Вы легко это заметите... Не удивляйтесь! Понаблюдайте за вашей кошкой. Ее странное поведение покажет вам...

- Нюска... — злясь на себя — и кто вечно за язык тянет? — сказала Маша. — Она сегодня рычала на пустое место и носилась по квартире, как ненормальная...

Илья Ильич величественно кивнул.

- Вот-вот. Животные сразу чувствуют появление духов, но если он уже добрался и до вас, то силу он набирает просто стремительно, что, в общем-то, почти неудивительно после двойного убийства, совершенного по его наущению, а также может объясняться, к примеру, приближением годовщины его смерти, и времени терять нельзя.

Маша беспомощно оглянулась на Марину, вид которой ей категорически не понравился. Марина скорчилась в уголке дивана и слушала, опустив голову. В руке она держала незажженную сигарету, о которой, похоже, забыла. Маше показалось, что крестная даже побледнела.

Максим вдруг слегка пристукнул ладонью по столу:

- Так делать-то что?

Захарьин улыбнулся.

- Нам придется отыскать реальное подтверждение наличия элементала. Те самые доказательства, которые Марина Константиновна так хотела предъявить вам, Маша...

- Ну какие могут быть доказательства? Смеетесь вы надо мной, что ли? — чуть не плача, пробормотала девушка. — Нюску туда нести?!

- Нет, — покачал головой Захарьин. — Это совершенно лишнее. Я уверен, что мы обнаружим там нечто более существенное —

бренные останки... — Он перехватил взгляд Максима и закончил: — Короче, мы должны пойти в подвал того дома и произвести раскопки. Вероятно, нужно будет провести ритуал усмирения, иначе мы до останков можем вообще не добраться. Может случиться все что угодно — обрушение, затопление, возгорание... Я имею в виду — подвала. Элементал не в состоянии понять, что это только ускорит снос его укрытия. Затем мы должны позаботиться о том, чтобы останки были преданы земле, причем непременно с соблюдением церковного ритуала, что, как ни странно, является самым действенным способом освобождения неприкаянной души, застрявшей в переходном состоянии, для загробной жизни...

Марина судорожно, громко вздохнула.

- Я не пойду! Я боюсь!

- Ну, Марина Константиновна! — развел руками Илья Ильич. — Без вас мы до утра можем прокопаться и ничего не обнаружить! Марина Константиновна, мои юные друзья, — сообщил он, обращаясь к Маше и Максиму, — имеет потрясающие сенситивные способности, она...

- Но это же взлом! — охнула Маша.

- Сиди здесь с Мариной Константиновной, — резко сказал Максим и решительно поднялся. — Инструменты какие-нибудь есть?

Марина кивнула.

- Да... Две садовых лопатки и даже ломик. Я им лед колю зимой у подъезда. Дворники у нас...

- А я ведь рассчитывал на вас, Марина Константиновна! Ну... тогда хотя бы Маша должна пойти с нами! — воскликнул Илья Ильич. — У нее был контакт с элементом, он скорее проявится в ее присутствии, иначе нам с вами, юноша, действительно придется перерывать весь этот подвал, что просто невозможно проделать до утра. А утром мы станем объектом нежелательного внимания со стороны жильцов и, возможно, правоохранительных органов.

- Не дам из Машки живца делать... — взвилась Марина.

- Как только определится место, Максим ее сразу же приведет обратно! — поспешил заверить Илья Ильич.

- Не дам!

- Нет уж! Я пойду! — трянула волосами Маша. — Еще каких-то духов я не пугалась! Я в них вообще не верю. Вот не верю и все тут!

На самом деле у нее зуб на зуб от страха не попадал, но если ее присутствие необходимо, она сумеет взять себя в руки и сделать все, что от нее зависит.

Она уже не думала о том, верит или не верит в присутствие какого-то там элементала, зато прекрасно понимала, что единственный путь к избавлению от всех страхов и сомнений пролегает через подвал проклятого дома. Надо сделать так, как говорит знакомый тети Марины. Тогда все это наконец-то кончится! И для нее, и для Максима, и для всех остальных.

Наблюдая за Максимом, Илья Ильич время от времени сдержанно улыбался — парень определенно ему нравился. Они втроем прошли через пустынный двор к темному, мрачному, в темноте напоминавшему величественный склеп дому, причем Маша упорно держалась на шаг сзади.

— Илья Ильич... — неуверенно обратился Максим к Захарьину. — Вот вы сказали — обрушение, наводнение, возгорание. А почему бы ему просто не поскручивать нам головы, если он такой крутой?

Захарьин покачал головой:

— Сам он ничего не может в физическом плане. Он же бестелесен. Но он может внушить какому-нибудь бомжу или той же Аграфене устроить поджог, или, например, пьянице слесарю-водопроводчику — своротить вентили. Люди с расшатанной психикой особенно внушаемы.

— И где же это он среди ночи водопроводчика найдет? Его и днем-то не дождешься, — проворчала Маша.

— Вот поэтому я так и спешу, на это и надеюсь, — проговорил Илья Ильич. — Раз уж Марина с нами не пошла.

Поднимаясь по ступенькам невысокого крыльца к входной двери, он заметил:

— Взгляните на небо! Чует... Вот как раз бурю он вызвать способен.

— Что чует? — глупо спросила Маша и подняла голову, так и не услышав ответа. По небу неслись рваные гроззовые облака. Откуда-то издалека донесся раскат грома, Маша вспомнила метеорологическое предсказание тети Марины и почувствовала, как по спине ее побежали мурашки.

Максим легко, сорвав скобу ломом, справился с замком, висевшим на двери подвала, жестом указал Маше и Илье Ильичу, чтобы они отошли в сторону, к стене, сам же рывком распахнул дверь и, держа лом наизготовку, прижался к стене за косяком.

— Не надо, — усмехнулся Илья Ильич. — Я же говорил, он бестелесен. Ничего такого не будет. У него нет ни автомата, ни гранатомета, ни рук, чтобы ими воспользоваться.

Максим смутился и сказал:

— Извините. Это я на автопилоте.

— Ничего. Разведка?

— Да.

— Служба срочная?

— Да. То есть, так точно, — выпалил Максим и еще больше смутился.

— Кем демобилизовались?

— Старшина...

— О, даже так? Это серьезно! Наверное, предлагали остаться?

— Так точно.

— А почему же не остались?

— Не мое это дело... — мрачно сказал Максим.

— А в органы?..

Максим дернул плечом и промолчал.

Илья Ильич понимающе кивнул и высветил фонариком на стене выключатель.

— Отлично...

Он зажег свет и сразу же повернулся к куче песка совершенно непонятным образом оказавшейся в подвале.

— Это еще что? — забормотал он, не заботясь о том, слышат его или нет. — Неужели убийство совершено недавно? Но это же просто глупо — прятать труп в песке... И запах... Я полагаю... Нет, это определенно очень странно... Он не мог стать настолько сильным...

Маша переминалась с ноги на ногу у порога, не решаясь войти. Тяжелый, неприятный запах, которого она прежде никогда не ощущала, словно пригвоздил ее к месту.

— Покойничком потягивает... — хмуро сказал Максим и качнул головой в сторону бледной как мел Маши. — Может, отвести ее назад к Марине Константиновне? Сами по запаху найдем.

— М-м-м-э... Нет... — протянула Маша и разозлилась на себя — ну, испугалась, что блеять-то? Движимая уязвленным самолюбием, она шагнула к куче песка и взялась за одну из лопат, принесенных Максимом от тети Марины.

— Ну это уж простите! — мягко сказал Илья Ильич, засучил рукава и отобрал у нее лопату.

Все стало ясно уже через несколько минут — извлеченный из песка кошачий труп, завернутый в грязную тряпку, сплошь покрытую бурными пятнами, разложился еще не до конца и ужасно смердел.

Маше чуть не стало дурно.

— Неужели всю кучу раскапывать? — спросил Максим. — Думаете, там, под песком то, что мы ищем?

Одним мощным взмахом он скинул большой пласт песка, обнажив еще три свертка. В следующем слое их было уже пять...

— Боже мой! Боже мой! — прошептала Маша. — Здесь наверняка и наш Сидор... А они видели кошек в своих кошмарах... Боже мой! Нюска... Она могла лежать тут!

На глаза Маши навернулись слезы, но она стиснула зубы и удержалась — не заревела.

— Мария! — озабоченно спросил Илья Ильич. — Вы в порядке?

— Да. Мы искали это? Это — элементар! То есть это был дух убитых кошек?!

— Нет. Но я впервые вижу, чтобы жертвы превращались в слуг... Вы спрашивали, почему в видениях и старухи Капитолины и Аллы Майоровой наличествовали кошки? Вот вам и объяснение — они стали слугами духа, забравшего их жизни, но как это может

быть? Я раньше ни с чем подобным не сталкивался... Да не было такого! — Илья Ильич опять словно бы ушел в себя. — Вернее, такие случаи... бывали, но описывались в источниках, не совсем заслуживающих доверия... Да, да... А элементар, видимо, одержим жадной крови. Ему любезно любое кровопролитие... Годи-лось даже несчастное зверье... Старуха, скорее всего, была не в состоянии понять, что ему куда больше по вкусу пришлось бы че-ловеческая кровь... или не могла исполнить его желание без чу-жой помощи. И тут подвернулась Лариса... О! Простите, мои юные друзья, я отвлекся... Оч-чень интересный случай.

Он двинулся было вдоль покосившегося, полуразвалившегося стеллажа и вдруг остановился, как вкопанный.

— Не логично... Абсолютно не логично! Максим, забросайте, пожалуйста, песком животных... А то мы задохнемся. А вы, Ма-рия, будьте любезны, зажгите курительную палочку и пройдитесь по подвалу, может быть, вы что-нибудь почувствуете?

Илья Ильич протянул Маше странную, разноцветную и необы-чайно толстую курительную палочку, которую она послушно взя-ла, и щелкнул зажигалкой. Палочка затлела, и Маше стало легче. Резкий, но приятный аромат курения забивал трупный запах.

Девушка осторожно пошла вперед, стараясь на всякий случай не дышать через нос и чувствуя неопишное облегчение от того, что Илья Ильич неотступно следует за ней.

— Алтарь... — пробормотал Захарьин, остановившись перед об-шарпанной тумбочкой, из которой извлек две полуобгоревшие свечи и замызганный старушечий платок — затканый люреком по черному полю с алыми розами. Рядом с тумбочкой валялась ма-ленькая скамеечка.

Маша вздрогнула, ей показалось, что на улице страшно завыл ветер, хотя в глухой — даже отдушины в нем были неумело, но старательно заложены кирпичом — подвал едва ли могли прони-кать какие-то звуки извне.

— Здесь? — вопрошающе заглядывая ей в глаза, спросил Илья Ильич.

— Н-не знаю...

Она не могла четко проанализировать свои ощущения. В ка-кой-то момент, буквально на миг, ей показалось, что ее пронзило чувство острого дискомфорта, ее даже будто бы что-то оттолкну-ло, но не здесь, а возле водопроводных труб, уходивших под це-ментный пол подвала. Но с другой стороны, кто вообще мог бы себя чувствовать комфортно здесь? А уж чуть больше, чуть меньше...

— Так что? — переспросил Илья Ильич.

Маша беспомощно оглянулась на Максима, старательно заки-дывавшего кошачьи трупы песком — только лопата взлетала, и развела руками.

— Я не... я даже не знаю, что я должна почувствовать, — виновато сказала она.

- Что-нибудь странное, необычное. Я думаю, он здесь, у алтаря...

И в этот момент...

Скрипнула дверь, и на пороге в темном проеме, слабо озаряемая неверным светом, возникла белая фигура с огромной зажженной свечой в левой руке, правая была как-то странно отведена назад, будто заломлена.

Огонек свечи подсвечивал странное, полускрытое капюшонным лицом, на котором черные глазницы, будто маленькие спруты, выпустили на мертвенно бледные щеки черные щупальца. Саван казался прозрачным, но не совсем, скорее он выглядел так, будто его сделали из мокрой кисеи. Привидение всхлипнуло, нелепо дернуло заломленной рукой и провило, постукивая зубами:

- Не-ет! Не та-ам...

Маша почувствовала, что все вдруг поплыло перед ее глазами, и, выронив курительную палочку, схватилась за тумбочку-алтарь, чтобы не упасть.

Максим издал странный булькающий звук, поднял лопату, и, огибая кучу песка, начал красться к привидению.

- Стой! Стой! Не надо! — закричал Илья Ильич. Маше показалось, что она слышит его как сквозь подушку — все ее силы уходило на героическую борьбу с навалившейся на нее дурнотой. Меньше всего она хотела упасть в обморок и покрыть себя вечным позором...

34

Все свободное время Груня проводила, лежа на кровати и тупо глядя в потолок. Сын Мишка приходил с улицы, бросал на нее сочувственный взгляд и шел на кухню — готовить нехитрый ужин. Уж к чему — к чему, а к самостоятельности она его приучила. Она не могла проглотить ни крошки...

По ее подсчетам, заканчивался седьмой месяц беременности. Что она только ни пила, какие тяжести ни поднимала, сколько в бане ни парилась — избавиться от ребенка не удавалось. Приходилось и с этим смириться, но тогда пора было идти к врачу, чтобы потом оформить декретный отпуск, а мысль о том, чтобы поведать кому-то о своем позоре, рвала ее душу на части. Мать-одиночка! Отец неизвестен... за что? За что ей это?! О ребенке она не думала. Он не существовал для нее. Реален был только позор, который он принесет ей, когда все выплывет наружу!

Это было настолько невыносимо, что Груня подумывала о том, чтобы наложить на себя руки. Казалось, жить после такого — невозможно. Она еще не знала, что можно вынести худшее и остаться жить. И ей предстояло убедиться в этом на собственном опыте.

48

Груня взяла на тот день отгул, собираясь пойти к врачу, и ей не нужно было спешить на работу. С утра она никак не могла заставить себя подняться с постели — так ей было скверно, а когда нашла в себе силы встать, стало уже поздно... Она замерла, услышав, как открылась входная дверь, как прошуршали крадущиеся шаги мимо ее комнаты и как прозвучал до боли знакомый ей голос:

- Дома-то точно никого нету?

- Нету, нету, — хихикнула Капка. — Да тебе-то что, я женщина свободная...

- Да мне-то ничего... — рассмеялся Федор. — Тебя подводить не кочу. Это вы, бабы, как листик на ветру трясетесь, как бы кто чего не узнал.

Они вошли в комнату Капки и наступила тишина.

Груня металась в постели, прислушиваясь к звукам за стеной. В раздражающей уша тишине ей мерещились стоны и вздохи, скрип кровати и шорох сползавшего на пол одеяла, уже не нужно-го разгоряченным любовникам. Она не хотела этого слышать, не хотела об этом думать, но вслушивалась, выдирая ногтями нитки из вышитого коврика, закрывавшего стену, и думала, вспоминая, как ласкал Федор ее, и представляла его теперь рядом с ненавистной Капкой!

А потом пришла другая боль, физическая, затмившая боль душевную. У Груни словно выкручивали все внутренности, рвали их на части, грызли зубами, вытягивали из нее по ниточке... Ребенок ворочался в животе, бился и рвался наружу. Кровать под ней промокла...

Груня вцепилась зубами в подушку, чтобы не закричать. Боль стала невыносимой...

Она не помнила толком, что с ней произошло. Помнила только одно — когда раздался жалобный писк ребенка, она подумала: «Я страдала... А они там тешились... Сейчас они услышат. И придут... И будут смеяться надо мной...»

Подушка словно сама собой закрыла уродливое, сморщенное личико, и Груня, больше ни о чем не думая, тяжело навалилась на нее грудью.

35

- Отставить, старшина!!! — Грозный рык Захарьина словно отрезвил Максима, он замер, хотя лопаты, занесенной над головой призрака, не опустил. Впрочем, призрака все равно исчез — жалобно взвывая, он сгинул в полумраке за дверью, точно растворился в нем.

- Марина! — Захарьин, проявив неожиданную прыть, пересек подвал и выскочил наружу.

- Ох! — вздохнула Маша и вытерла крупные капли холодного пота, выступившие у нее на лбу.

49

- Ни хрена себе! – буркнул Максим и с силой всадил лопату в песок. – Чуть человека не угробил!

- Вставайте, Мариночка, вставайте! – послышался снаружи голос Захарына. – Ступеньки холодные, вы простудитесь.

- Я и т-так н-навверняка п-простужусь. П-промокла насквозь и з-замерзла...

Захарын, бережно поддерживая, ввел в помещение похожую на мокрую курицу Марину Константиновну. Она всхлипывала, и количество черных щупалец на ее щеках увеличивалось прямо на глазах. Илья Ильич нес большую черную дорожную сумку. Ту самую, из-за которой рука «призрака» казалась неестественно заломленной назад.

- Тетя Марина! – Маша бросилась к ней.

- Сколько раз тебе говорить! Не называй меня тетей! – сквозь слезы проговорила та и шмыгнула носом: – Вы с ума тут сошли – так пугать? Кто это придумал – с лопатами на людей кидаться?

- Марина Константиновна, извините, я вас за этого, за элементала принял! – виновато сказал Максим.

К женщине, видимо, медленно, но все-таки возвращалось чувство юмора.

- Спасибо, что не за Бармалея!

- Марина Константиновна, что заставило вас изменить решение и присоединиться к нам? – не без ехидства поинтересовался Илья Ильич.

- Понимаете, я когда увидела, что вы ничего для обряда усмирения не взяли, просто испугалась... А тут еще мои маячки заработали...

Маша поняла, что тетя Марина говорит о многочисленных деревянных, стеклянных и металлических подвесках, призванных сигнализировать о появлении в квартире бестелесных сущностей, и слегка вздрогнула.

- Ну, я переделалась для ритуала, собрала все, что нужно, и побежала...

- Мариночка, – мягко проговорил Илья Ильич. – Что значит – «не взяли ничего»? А кто бы из нас этот обряд проводил? Вы одна среди нас посвященная. Вы лучше объясните, почему вы так легко оделись – ведь не лето!

- А! – Марина беспечно махнула рукой, сдернула с головы совершенно мокрый белый шарф и краем его протерла лицо, удалив зигзагообразные потеки туши со щек. – Я, когда нос из дому высунула, дождина как хлынет! Ну, я пончо в сумку и засунула, еще полиняет! Думала – добежу, рядом же... Ну, всё равно всё удачно получилось. Есть хоть во что переодеться. Отвернитесь! Ох, а там такая гроза, такой ливень! Такой ветер! Меня чуть не сдуло. Беснуется наш элементал...

Она извлекла из сумки цикламеновое пончо с кистями, сдернула с себя кисейную, насквозь промокшую хламиду и бросила ее

ничего подобного не ожидавшей Маше. Та еле успела поймать одеяние, превратившееся в сомнительного вида тряпку.

- Теть...ам... Мари... ам... – Маша совсем сбилась. Она тряхнула головой и предложила: – Может, мой свитер возьмете? У меня под ним еще майка – не замерзну.

- Не надо. Лучше выжми это и повесь где-нибудь. Обряд-то надо в белом проводить.

- Вечно эти условности, – проворчал Илья Ильич.

- Ну, с этим я, пожалуй, соглашусь, – рассмеялась Марина, – лучше другого цвета, зато сухое! Однако все-таки есть шанс, что высохнет... – Ежась, она накинула пончо прямо на мокрое белье и сказала: – Я готова, господа. Приступим?

Две гнутых железки, которые она извлекла из сумки, двигались в ее руках, как живые. Маша не без удивления опознала в них детали от устройства для перематывания пряжи. Вообразить, что Марина использует их в качестве «рамки», она как-то не могла. Тем не менее женщина, побродив по подвалу, уверенно направилась к той самой трубе, возле которой Маша что-то почувствовала. Когда железки в руках Марины Константиновны завертелись, точно взбесившись, Маша даже приоткрыла рот от удивления.

- Здесь, – уверенно заявила тетя Марина.

Маша шумно вздохнула.

- Что? Сама засекла? – понимающе улыбнулась Марина.

- Н-не знаю...

- Зато я знаю.

Максим взялся за лом.

Грохот, казалось гулко разнесся по всему пустому зданию.

- Сейчас милицию вызовут... – заволновалась Маша.

- Ничего, – Развеселившейся Марине стало, похоже, море по колено. – Я нам алиби заготовила.

Она достала из сумки белый сверток, взяв осторожно, через полу пончо, и положила его на полку стеллажа.

- Если что, скажем, искали тайник Ларисы Смирновой.

- А... – Маша открыла рот, чтобы выразить опасения – не сочтут ли их самих причастными к торговле наркотиками, застывав с этим свертком в руках, но Марина словно прочитала ее мысли:

- Там только ее отпечатки. Кстати, и вы не хватайтесь голыми руками!

Максим, пробив слой бетона, сменил лом на лопату. Ему хватило нескольких взмахов – он остановился и сказал:

- Там что-то есть...

Наклонившись над ямой, он осторожно разгреб слежавшуюся землю и извлек свернутый конвертом когда-то яркий, а теперь почти истлевший коврик.

Максим поднял голову и вопросительно взглянул на Захарына.

Тот опустился на корточки рядом с ним и медленно откинул край коврика.

Дружное «ах!» Марины и Маши растаяло под сводом подвала. Перед ними лежал скелет крохотного младенца.

- Н-да... — пробормотал Илья Ильич, поднимаясь. — Такого я не ожидал...

- Да это просто невозможно! — плачущим голосом воскликнула Марина

Маша и Максим подавленно молчали.

36

Погрузившаяся в полусон, полубред Аграфена открыла глаза, как будто ее ударили.

Он был рядом. И Он гневался. Она попробовала пошевелить рукой... и не смогла.

«Они близко... Они близко... Сейчас они меня возьмут! Встань! Встань! Прогони их!»

Ветер за окнами выл, как тысяча проклятых душ. Ветви яблонь хлестали в стекла, которые дождь сек почти перпендикулярно их поверхности.

- Сыночек мой! — простонала Аграфена. — Прости меня! Прости! Я все делала, как ты хотел... Кошечек тебе носила... Ларке помогала... а теперь... Не могу!

Перед глазами ее опять, как в калейдоскопе, постоянно меняясь, отражаясь и дробясь, замелькали картинки воспоминаний.

В тот день она дождалась, когда уйдут рабочие, что-то переобустраивавшие в подвале, и спустилась туда. Цемент возле новенькой трубы еще не успел застыть. Она разрыла его, разрыла и грунт под ним, положила завернутый в ковер трупик и, закопав его, тщательно заровняла цемент.

С тех пор почти сорок девять лет она в подвал не спускалась ни разу, хотя Он и звал ее... а потом вышла эта дурацкая история с котом Капки. Он сам, сам, мерзавец, кинулся под ноги! Она, Аграфена, из-за него обварилась. Но ему полало куда хуже. Фу! Как он орал! И не ее вина, что она не выдержала и придушила его.

Она не ходила в подвал, но знала, что он давно уже стоит незапертый — там никто ничего не хранил, и даже бомжи в нем почему-то не приживались. Пришлось пожертвовать навесным замком, завалившимся среди хлама. Соседи — тогда еще в доме было куда больше жильцов — решили, что повесить замок распорядилась жилконтора... Словом, появление замка никого не удивило.

Исдохшего кота Аграфена завернула в несколько пакетов и бросила в подвале. Потом не поленилась, принесла песочку из детской песочницы, что во дворе, и присыпала.

А ночью опять заговорил Он. Как Он благодарил ее! Как радовался! Она, правда, не очень поняла, зачем ему дохлый кот и какая от него радость, но...

Когда она заснула, ей приснился чудесный сон. Она со своим сыночком — не с Мишкой, который ее бросил! не читил, не любил, не покоил в старости! — с Иванушкой шла по золотому пшеничному полю к своей деревне, к своему родному дому, где ждал ее муж... и счастье — простое, незатейливое крестьянское счастье. Касание теплых коровьих губ, звон молочных струй, бивших в дно подойника, запах свежего хлеба и пряных, млеющих на солнце трав на покосе, шушуканье белоголовых детишек на печи, скрывающаяся гудящее от усталости тело истома и жаркие поцелуи мужа за красной в горох занавеской...

Муж давным-давно погиб на войне, но во сне это не имело значения.

Как же она была счастлива!

Выйдя утром из дому, она увидела маленького кудрявого мальчика, игравшего с котенком, и все поняла: Ванечка, ее Ванечка тоже хотел играть с котенком, но поскольку он был мертв, то и котенок должен был быть мертвым.

В ту же ночь Аграфена вышла на улицу и поймала для него еще одного кота. Или кошку. Это не имело значения.

Потом она поняла, что чем более жестоко умерщвляет пойманных животных, тем больше доставляет удовольствия Ванечке. «Ну, конечно, Он ведь страдал, пусть и они пострадают!» — нашла она для него оправдание. И это тоже перестало ее смущать.

Но Ванечка хотел не только кошек... он хотел друга... или подружку... Маленького мальчика или девочку...

Он не сразу сказал об этом, а, когда сказал, ее любовь к Нему стала уже настолько сильна, что она решилась бы и на это. Но она была стара и слаба...

Она надеялась, что рано или поздно исполнить Его волю ей поможет Лариса.

Аграфена Антиповна несколько не удивлялась, когда видела, как кошачьи призраки свободно разгуливали по всему дому после полуночи. Они ее не пугали, не то, что Капку...

Но Ванечку своего она не видела — только слышала. Зато он являлся ей во сне. Всегда маленьким, лет пяти мальчиком, кудрявеньким, светловолосым, голубоглазым. Как ангелочек. А ангелочек плохого от нее потребовать не мог. Уж в этом-то она была уверена.

Так она и жила в наполовину придуманном, наполовину порожденном бредом ее воспаленного мозга мире, где не было ни времени, ни разделения на черное и белое, где ничто не имело значения, кроме нежданно-негаданно обретенной сыновней любви и материнского счастья. И реальности в этом мире места не было.

Почти не было...

- Вста-а-а-а! Прого-о-о-ни их! Убей их... — раздавалось возле ее изголовья. Она невероятным усилием повернула голову и увидела Его — своего сыночка Ваню... Ивана Федоровича. Которого безжалостно загубила и которому имя-то дала только после того, как он дозвался ее... Бедный... Жаленный...

Он стоял у ее изголовья таким, каким стал бы сейчас, если бы она его не убила. Стройный, высокий, как подлец Федька, только волосы светлые. А может быть, седые, ведь ему уже исполнилось бы пятьдесят... в аккурат сегодня!

- Ванечка... — вздохнула старуха. Ее несколько удивил костюм, в который был одет Он. Такие она видела только в кино, даже название знала — фрак. Но зачем Ванечке фрак?

Аграфена застонала.

- Прости меня, Ванечка... я ведь думала, ты все равно не жи-
лец... Семимесячным родился...

- Поди, поди, прогони их! Огнем сожги! Запали дом! Пусть они сгорят!

- Нет у меня силушки, Ванечка...

- Дура... какой я тебе Ванечка?! — с ненавистью бросил Он. — Ду-у-а-а!

Голос его слился с шумом ветра, и Аграфена увидела, как Его и без того полупрозрачная фигура начала расплываться, рассеиваться, теряя очертания, и, превратившись в облачко, медленно потекла к двери.

Она поняла, что Он уходит навсегда, рванулась за Ним, протянула призывно руку, и упала с кровати.

Страшная судорога исказила ее лицо. Аграфена дернулась последний раз и застыла.

И даже звезды, закрытые тучами, которые гнал и гнал бесноватый ветер, не посмотрели в ее угасавшие глаза в этот последний миг ее жизни...

Капитолина сидела на кровати, прижав к груди образ пресвятой Богородицы и громко стучала зубами от страха. Потому, наверное, молитва, которую она читала, звучала несколько странно:

- Отче наш... клац-клац-клац... иже еси... клац-клац... Да прии... клац-клац-клац... дет царствие твое... клац-клац-клац...

Она слышала странный шум в комнате Аграфены, слышала, как потом кто-то помился в ее собственную дверь, как удалился, страшно взвывая напоследок...

«Образ Богоматери отвел!» — не без гордости подумала она, устремив взгляд на едва угадывавшийся в темноте рисунок на двери.

Но когда спустя несколько минут оконное стекло за ее спиной со звоном раскололось и в комнату вместе с дождем и ветром ворвался здоровенный сук яблони, с треском отломившийся от ствола, Капитолина поняла — пришли по ее душу!

Огоньки свечек, горевших по периметру охранного круга, погасли в один миг.

- Господи, оборони! Да расточатся врази твои! — заорала бабка Капа и полезла под кровать, не выпуская из рук иконы. Она еще успела заметить, как по комнате промчалась странная фигура во фраке и, не заметив ее — укрытую не то магическим кругом, не то подзорами кровати, — растаяла в воздухе.

- Господи, оборони! — повторила Капитолина Григорьевна и потеряла сознание.

- Копайте дальше! — уверенно приказала Марина. — Он здесь!

Максим остервенело колотил ломом, расширяя отверстие в цементном полу, Илья Ильич рьяно копал. Через некоторое время его сменил Максим, отложивший лом...

На глубине почти полутора метров их взорам открылся другой скелет — вполне взрослого человека.

Марина схватила принесенную икону и поставила ее «в головах» импровизированной могилы. Затеппив огромную свечу красного воска и несколько белых, поменьше, «в ногах», она что-то быстро-быстро забормотала.

Ветхий дом содрогнулся, будто в него ударила страшная молния. Перекрытия затрещали и заскрипели, словно выражая готовность сдаться на милость урагана. На головы смельчаков посыпалась какая-то труха... Вой ветра смешался с неопределимыми звуками, в которых слышались и боль, и страдание, и неукротимая злоба...

Максим стряхнул с костей комья земли и, указывая на лежавший меж ребер скелета, как кенарь, запертый в клетку, маленький кинжалчик, хрипло сказал:

- Вроде зарезали его...

Илья Ильич прыгнул в могилу и выложил на край ее, под ноги Маши, старинные часы на массивной цепочке — золотые, а потому не пострадавшие от времени, — и заржавленный кинжалчик — по виду малайский крис с витым лезвием и вычурной ручкой. Пошарив рукой под костями, он извлек еще золотую булавку для галстука с крупным бриллиантом и золотые же запонки.

Максим выкарабкался из ямы и протянул руку Захарьину. Тот не преминул последовать его примеру.

Машу трясло, как в ознобе, в то же время она чувствовала, что голова ее горит, мысли путаются. Еще немного, и она не выдержит...

Неужели тетя Марина и Захарьин правы? Неужели всему виновный был мертвец, принявший насильственную смерть... Даже два мертвеца... младенец ведь тоже, видимо, был убит...

Ураган неожиданно стих.

Тетя Марина устало опустила руки и прошептала:

- Все... Теперь похоронить их по-людски и... можно будет забыть об этом...

Машу передернуло. Кто как, а она об этом кошмаре едва ли когда-нибудь сможет забыть!

38

Участковый, капитан милиции Виталий Савельевич Кондратов, не мог не признать, что такого насыщенного утра у него не было, пожалуй, с начала долгой и многотрудной службы в органах охраны правопорядка. Казалось бы, он все знал о людях, населявших жилой фонд его участка, а вот поди ж ты!..

Лариска Смирнова, дочка его давнего приятеля Витьки, оказалась причастна к сбыту наркотиков. Кроме того, стоило ему, Кондратову, появиться возле опорного пункта, как на него налетел неизвестный гражданин и, орошая его китель слезами, поведал леденящую душу историю о похищении ни много ни мало тридцати девяти тысяч долларов, оставленных ему на хранение неким господином Васькиным, который уехал работать за границу. Причем похищение это совершила все та же Лариска Смирнова, без предупреждения исчезнувшая, по словам матери, еще вчера вечером в абсолютно неизвестном направлении. А его еще - в смысле многострадального гражданина Гаврилова - обвиняют в причастности к торговле наркотиками, которой занималась вышеупомянутая Лариска, а сам он «ни сном, ни духом»!

Потом позвонила гражданка Колбасина и сообщила, что у Райки с Тайкой всю ночь шумела компания, а под утро подружки разошлись, не поделив не то кавалера, не то остатки горячительных напитков. Словом, произошел дебош и скандал. Гражданка Колбасина требовала принять меры и примерно наказать хулиганок.

Потом явилась гражданка Бабурина Капитолина Григорьевна и на полном серьезе попросила призвать к порядку чертей гражданки Смирновой Аграфены Антиповны, которых та якобы развела в доме «вагон и маленькую тележку». Те же самые черти гражданки Смирновой, по словам жалобщицы, устроили ночью грозу, обвалили крышу во втором подъезде дома, в котором проживали Бабурина и Смирнова, сорвали там же балкон, пытались посягнуть на честь Капитолины Григорьевны, являясь к ней во фраках и в усах стрелками, а также удушили Аграфену Антиповну, которая хрипела ночью так, что тем самым чертям «тошно стало», и они вроде бы отстали.

Самое неприятное заключалось в том, что покинуть опорный пункт без сопровождения, опасаясь повторного нападения нечистой силы, гражданка Бабурина наотрез отказалась.

Участковый Кондратов жалел старуху и не хотел, чтобы той пришлось доживать век в сумасшедшем доме, однако такое ее поведение переполнило чашу его терпения.

56

Однако на сигнал об удушении реагировать приходилось и, как вскоре выяснилось, труп по указанному адресу действительно имел место быть.

За запертой и вскрытой по настоянию Капитолины Григорьевны дверью комнаты старухи Смирновой было обнаружено ее уже остывшее тело без видимых признаков насильственной смерти.

А потом началось уже просто форменное безобразие.

По пути к опорному пункту Виталий Савельевич поймала за рукав Маша Князева и сообщила тако-ое, что он грешным делом подумал - а не заразно ли сумасшествие? Однако подобный сигнал опять же без внимания оставить было нельзя. Попав в подвал чертова дома, Виталий Савельевич впервые за свою отнюдь не короткую жизнь понял, как это бывает, когда волосы встают дыбом.

Два скелета не первой свежести, широкомасштабное захоронение кошек и триста граммов героина «в одном флаконе» кого угодно выбьют из равновесия!

Маша Князева очень просила его не афишировать ее участия в этом деле, и он, скрепя сердце, пошел на небольшое служебное нарушение, сообщив руководству, что сам обнаружил все это... «по оперативным данным».

И вот теперь перед ним в опорном пункте сидела парочка «гробокopatелей», согласившаяся прояснить для него некоторые факты в приватной беседе, чтобы не пришлось ему краснеть, отчитываясь перед начальством, а он даже и не знал, о чем их спрашивать.

Парочка, сказать прямо, была странноватая. Что могло связывать соплюшку Машку, выросшую у него, Кондратова, на глазах, и гражданина Захарьина, весь вид которого, и манеры, и выправка, говорили о причастности, по крайней мере в прошлом, к организации, одно упоминание о которой повергало советского обывателя в трепет?

Виталий Савельевич мялся, мучился, ерзал, кряхтел и чесал в затылке, но вопроса этого так и не решился задать.

«Ну, Машка! Ну, коза! Каких дел наворотила?» - растерянно думал он.

Дружный коллектив «гробокopatелей» представляли только Маша и Захарьин, поскольку Илья Ильич, не слушая возражений - хотя возражал только Максим, отправил Максима и Марину Константиновну к ней домой. Сам же он счел своим долгом присутствовать при разговоре Маши с участковым, опасаясь, что та, измученная бессонной ночью и нервотрепкой, сболтнет лишнего. Ему вовсе не хотелось, чтобы девушку сочли психически нездоровой, да и, на его взгляд, было просто несправедливо заставить Машу в одиночку расхлебывать все последствия заварившейся каши.

57

Хотя его участие в этом деле и казалось странным, тем не менее необходимость давать объяснения выглядела, на его взгляд, меньшим из зол.

Маша же... поглядывала на него искоса и с глубоко недоумевала: как неожиданно и резко изменился этот милейший человек! Ну да, он показался ей гусарским полковником, но... в отставке! На покое, так сказать. Откуда же теперь этот пронзительный, жесткий взгляд? Откуда... нет, не высокомерие, скорее, непоколебимая уверенность в себе, в том, что его слова — не обсуждаются? И вообще, что-то такое... Необъяснимое... Непонятное... Маше казалось, что Виталий Савельевич Кондратов, разговаривая с Захарьиным, едва сдерживался, чтобы не вскочить, не встать по стойке «смирно» и не взять под козырек. Да ей и самой стало как-то не очень уютно рядом с милейшим Ильей Ильичем.

Однако как бы там ни было, опасения Захарьина насчет Маши оказались напрасны — она, как скала, стояла на версии, которую они досконально обговорили перед тем, как обращаться к участковому.

Маша честно поведала участковому о своих подозрениях относительно причастности Лариски к смерти Аллы Владимировны Майоровой. Правда, свела все к тому, что Лариска чем-то опоила Аллу Владимировну. Рассказала она и о том, как вместе с одним приятелем выследила Ларису, о чем они и сообщили по всем известному телефону 02. Также она сказала, что они собирались поймать саму Ларису и сдать ее в милицию с наркотиками на руках. Однако они, «неопытные сыщики», Лариску проворонили, и приятель Машин уехал, а она пошла к крестной — Марине Константиновне Любарской...

«Вот уж по кому психушка-то плачет, так это по Любарской! — мельком подумал Виталий Савельевич. — Рыдает прямо!»

Но вслух своей мысли не высказал, в конце концов, Любарская была вполне законопослушной гражданкой.

У Марины Константиновны Маша встретила Илью Ильича, которому обо всем рассказала. К тому же, по ее словам, она вдруг догадалась, где Лариса прятала наркотики, которые по вполне понятным причинам дома держать не могла. Илья Ильич вызвался помочь и... они нашли в подвале не только героин, но и два человеческих скелета, не считая кладбища кошек.

Виталий Савельевич поймал себя на том, что рука его непроизвольно тянется к затылку. Он недовольно крикнул и пробасил:

— Ну хорошо, нашли наркотики... Я не пойму, она их каждый раз цементом, что ли, заливала?

— Нет, — мило улыбаясь, ответила Маша. — Там дырка была, возле трубы.

— А зачем дальше-то копали? Лом зачем с собой брали?

— Копали потому, что подумали — а вдруг там еще что-нибудь есть, и, заметьте, не ошиблись. А лом... а вдруг на нас бы Лари-

скины сообщники напали? — Машиную хладнокровию можно было позавидовать. Однако от Виталия Савельевича не укрылась улыбка, скользнувшая по губам Захарьина при упоминании о «нападении возможных сообщников».

Кондратов покачал головой и неожиданно обратился к Захарьину, ткнув пальцем в сданные ценности, разложенные перед ним на столе: старинные часы с цепочкой, бриллиантовую булавку, запонки и странный кинжальчик.

— Как вы думаете, сколько трупы пролежали?

— Я не эксперт, — развел руками Илья Ильич.

— А на вскидку?

— Н-ну... На вскидку... Скелет мужчины пролежал около сотни лет. Возможно, он был убит и зарыт либо в момент постройки, либо в момент реконструкции дома, но точно до революции. Так что результат экспертизы может быть уточнен по архивным данным. Младенец же был захоронен при замене водопроводных труб, я полагаю, что это было в конце сороковых, начале пятидесятых. На это указывает и коврик, в который он был завернут, тогда такие были модны. Впрочем, это всего лишь мои догадки. Безусловно, к области догадок относится и то, что это — ребенок умершей нынешней ночью гражданки Бабуриной...

От Виталия Савельевича не укрылось и то, что при последних словах Захарьина Маша вздрогнула.

— А на чем, простите, основывается эта догадка? — осторожно спросил Кондратов.

— В подвале мы обнаружили тумбочку, которая, очень возможно, использовалась для проведения каких-то самостоятельных обрядов. Если вы опросите соседей, скорее всего окажется, что тумбочка, как и платок, найденный нами там же, принадлежали умершей...

— Это вы из-за следов воска?.. — не утерпел участковый. — Так, может, она там раньше что-то хранила? А свечи использовала по прямому назначению — чтобы ноги в подвале не поломать?

Захарьин развел руками:

— Можно и так... Если забыть о куче песка, которую натаскала старуха, и убитых кошек. И о том, что в подвале есть электрическое освещение.

— Насчет песка надо в жилконторе уточнить. Может, они завезли? — неуверенно сказал Виталий Савельевич.

Захарьин улыбнулся:

— Зачем? Дом-то под снос.

— Ну да... а ребеночек, думаете?.. — Участковый не договорил.

— Ребенок или родился мертвым, или был убит матерью... одно точно — он был незаконнорожденным. И его рождение Смирнова хранила в тайне. Остается предположить, что угрызения совести не только испортили ее характер, сделали нелюдимой, но и вызвали некоторые необратимые изменения в психике — отсюда трупы кошек...

- И она, значит, устраивала там для него что-то вроде жертвоприношений? Мистика прямо какая-то... — покачал головой Кондратов.

- Мистика? — Захарьин не скрывал иронии. — Скорее, все-таки, больная психика. Подумайте, каково это — жить над тайной могилы собственного ребенка? Едва ли кто-то способен понять, что творилось в мозгу несчастной женщины, зачем она убивала живых, зачем притащила в подвал тумбочку... Впрочем, тумбочка могла быть там брошена и другими жильцами.

- Да нет, ее, ее тумбочка. Соседка уже подтвердила — Капитолина Григорьевна Бабурина. А насчет больной психики... — Виталий Савельевич покачал головой. — Что уж тут... Старость, конечно, не радость. Посмотрели бы вы, что у Бабуриной в комнате творится! Она у себя не то моленную сектантскую, не то филиал церкви устроила. Совсем бабка — того! — Он выразительно pokrutil пальцем у виска и добавил, словно оправдываясь: — В общем, обе они... того... Но ведь насчет всяких культов, это раньше строго было, а теперь молись хоть на икону, хоть на утюг.

- Ага... Вот аум-сенрико, например... — глубокомысленно встала Маша, чтобы хоть что-то сказать.

- А как же вы про другого-то покойника догадались? — виновато, точно ему было неудобно продолжать расспросы, поинтересовался Кондратов.

- Совершенно случайно, — безмятежно ответил Захарьин, — просто лопатой зацепили. Он неглубоко лежал.

Виталий Савельевич вспомнил глубину вырытой в подвале ямы и... промолчал. Захарьин и Маша тоже молчали, выжидая глядя на него.

- М-да... — промычал участковый через некоторое время и забарабанил пальцами по столу. — Не простой покойничек... Часы золотые, запонки, булавка опять же... И кинжальчик... Интересный кинжальчик! Прямо как в романе каком...

- Вся наша жизнь — роман.

Илья Ильич сделал неопределенный жест кистью левой руки и поднялся:

- Надеюсь, мы ответили на все интересующие вас вопросы?

- М-да... Пожалуй...

Маша, вздохнув с нескрываемым облегчением, тоже встала, попрощалась и скрылась за дверью.

Илья Ильич замешкался.

- И все-таки, мне кажется, у вас есть еще какой-то вопрос ко мне.

Кондратьев крикнул, помялся и проговорил:

- Ну Машка — ладно... Но вы-то... Ведь на пакете ни крошки земли не было! Не выкапывали вы его ниоткуда.

- Допустим.

- Тогда как же вам в голову пришло рыть-то там? Откуда вы взяли, что там — покойнички?! По *вашему* ведомству они, что ли,

проходили? — Участковый смутился. — Я хотел сказать, тот, с ча-сами? Младенец-то что... Бабыя беда, одно слово.

Захарьин усмехнулся:

- *Моего* ведомства давно и в помине нет. Да и кому нужен мертвец столетней давности? Ну а я, видите ли, вообще на пенсии.

- Так как же?

- Интуиция. Будем считать, что тумбочка на мысль навела.

- Так тумбочка или все-таки что-то еще?

Илья Ильич обворожительно улыбнулся.

- А какая разница?

39

Маша шла не спеша, чтобы задержавшийся Илья Ильич мог ее догнать. События минувшей ночи вымотали ее до крайности. Больше всего ей хотелось сейчас лечь и, ни о чем не думая, уснуть. А надо еще зайти к тете Марине, сообщить, что все обошлось... А потом придется объясняться с мамой... Ой, нет! Домой лучше вернуться, когда она уже на работу уйдет!

Маша чувствовала, что беседа с участковым лишила ее последних сил и мать при желании и должном упорстве вытянет из нее все-все... А тогда не миновать визита к невропатологу, а то и к психиатру...

- Ну что, Машенька, устали?

Услышав голос Захарьина, она вздрогнула и с некоторой опаской подняла на него глаза. Илья Ильич опять стал прежним — мягким, внимательным, благожелательным. Куда что делось? И проницательный взгляд и начальственные манеры?

- Нет... то есть да... Очень устала, — не очень уверенно проговорила Маша.

- Вы молодец, отлично держались.

- Илья Ильич, умоляю вас, объясните мне...

- Что же вам объяснить, Машенька? Ведь вы все слышали. Но, если точнее... Тот, первый убитый, наверняка при жизни был великим грешником, за что и поплатился. Однако после несомненно насильственной смерти он не был должным образом захоронен, оттого душа его не могла попасть даже в ад. Убиенного... Да, я все-таки склоняюсь к тому, что убиенного младенца, к тому же не окрещенного и также не получившего должного захоронения, он воспринял, как языческие боги воспринимали заклятия младенцев на их алтари, и обрел некоторую силу, давшую ему возможность мучить бедную мать, выдавая себя за дух ее ребенка. По молодости она, скорее всего, находила в себе силы сопротивляться его влиянию. В дальнейшем дурной характер, угрызения совести, одиночество, наконец, сломили бедную женщину, и она предала себя его власти... Гибель людей доставляла ему мстительное удовольствие, и он...

- Ой нет! — воскликнула Маша. Лицо ее жалобно сморщилось, казалось, она вот-вот заплачет. — Ой, нет! Не заставляйте меня верить в это... Я просто не могу! Я не выдержу!

- Но ведь вы почувствовали там, возле трубы...

- Ничего я не почувствовала!

Она упрямо мотнула головой.

Он тонко улыбнулся:

- Что ж? Пусть будет только постгипнотическое внушение и так любезная вашему сердцу версия с подмешиванием наркотиков. Ну и свихнувшаяся старуха... А гроза... В конце концов это — обычное климатическое явление, хотя и не слишком часто наблюдаемое в это время года.

- А как же быть с кошками? Почему они мерещились и бабке Капе и Алле Владимировне?

- Я же говорил — элементар сумел сделать их своими слугами, а так как именно его воздействию подвергались Бабурина и Майорова... — Заметив, как жалобно скривилось Машино лицо, Илья Ильич резко оборвал себя. — Читайте, что это — случайное совпадение.

- А то, что вы знали, что там скелеты зарыты? Это тоже из области случайностей и совпадений? Или я должна вам нам слово поверить, что тетя Марина и правда чувствовала, что они — там?

- Не хотите — не верьте. На ваше усмотрение, Машенька. Ведь, согласитесь, довольно часто происходят вещи, совершенно нам непонятные, тем не менее имеющие вполне реальные объяснения, которые просто ускользают от нас в силу того, что нам остаются неизвестны некоторые факты или события... А если хотите, я могу пригласить вас в нашу лабораторию. Возможно, это изменило бы ваше отношение к некоторым аспектам нашего бытия. Да и сами вы, несомненно, интересный объект для обследования. Столь успешно купируемые сознанием экстрасенсорные способности, это крайне интересно...

- Ни за что!!! — воскликнула Маша и сразу же устыдилась своей горячности. — И все-таки, как вы узнали про скелеты? Не разыгрывайте меня, скажите правду, пожалуйста... Ну не надо про элементарного, про слуг...

За разговором они и не заметили, как подошли к двери квартиры тети Марины. Илья Ильич тронул кнопку звонка, который ответил ему мелодичными трелями, секунду подумал и примирительно сказал:

- Ну, хорошо, тогда пусть будет тумбочка.

- Какая тумбочка?! — Глаза Маши распахнулись, как плоски.

Но в этот момент дверь открылась и закутанная до самого носа в теплый махровый халат Марина Константиновна шикнула на них, понизив голос до шепота:

- Тсс! Тихо, господа и дамы... Наш юный рыцарь слопал все печенье и заснул!

ПРОБА ПЕРА

СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ КОНВЕРТА

Наташа

14 лет, г. Набережные Челны

* * *
Мне говорят, что я сошла с ума:
Сижу, мол, дома целый день одна
И не смотрю по телеку кино.
Мне говорят, что все в мои года
Встречаются с парнями иногда,
А мне всё это как-то всё равно.
Все думают, что эгоистка я.
Запарилась со мной моя семья,
И от меня расстройство лишь одно.
Звонят мне и зовут меня гулять
Молчу — и на меня орут опять,
А мне по-прежнему всё это всё равно.
Мне в письмах все передают привет
И просят написать письмо в ответ,
Но не приходит никогда оно.
Мне иногда цветы, открытки шлют
И серенады под окном поют,
Но мне и это тоже всё равно.
Конечно, невозможно им понять,
Как хочется мне тоже погулять —
Ведь этого им просто не дано.
Дано понять лишь только мне самой,
Понять, что стало для меня тюрьмой,
Понять, что нет меня уже давно.

Мария ЗНОБИЩЕВА

15 лет, г. Тамбов

* * *
Больно, больно почти до крика
Жить без цели в плену стихий.
И к бумаге с надеждой липнут
Слишком радостные стихи.

Неужели дано нам разом
Чашу жизни испить до дна?
Ведь не верят душа и разум
В то, что жизнь на Земле одна.